

ISSN 2072-8557
ISSN (online) 2310-6794

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ДОГОВОРНЫЕ УСЛОВИЯ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ
ИЛИ ИСКЛЮЧЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА
И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ
ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
И ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ:
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

2015 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557

2015 / №4

ISSN (online) 2310-6794

серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8557

2015 / №4

ISSN (online) 2310-6794

series

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

**Редакционно-издательский совет
«Вестника МГОУ»**

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д.пед.н., проф., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Маноило А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д.ф.м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8557

ISSN (online) 2310-6794

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2015. № 4. М.: ИИУ МГОУ. 110 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26300

**Индекс серии «Юриспруденция»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40735**

© МГОУ, 2015.

© Издательство МГОУ, 2015.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Редакционная коллегия серии
«Юриспруденция»**

Ответственный редактор серии:

Гольшев В.Г. – к.ю.н., доц., МГОУ

Заместитель ответственного редактора:

Коновалова И.А. – к.ю.н., доц., МГОУ

Ответственный секретарь:

Васильева О.Н. – к.ю.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Антонян Ю.М. – д.ю.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник МВД РФ, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел

Гладких В.И. – д.ю.н., проф., заслуженный юрист РФ, Государственный университет управления

Глотов С.А. – д.ю.н., проф., Международный юридический институт при Министерстве юстиции РФ (г. Москва)

Гриненко А.В. – д.ю.н., проф., МГОУ

Грудцына Л.Ю. – д.ю.н., проф., Почетный адвокат РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ

Иванова С.А. – д.ю.н., проф., Финансовый университет при Правительстве РФ

Марченко М.Н. – д.ю.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Миронов О.О. – д.ю.н., проф., заслуженный юрист РФ, Современная гуманитарная академия (г. Москва)

Никитин А.Н. – д.и.н., д.ю.н., проф., МГОУ

Пашенцев Д.А. – д.ю.н., проф., МГПУ, Финансовый университет при Правительстве РФ

Певцова Е.А. – д.ю.н., проф., МГОУ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Подшибякин А.С. – д.ю.н., проф., МГИМО

Пудовочкин Ю.Е. – д.ю.н., проф., Российская академия правосудия (г. Москва)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 4 times a year

Series editorial board «Jurisprudence»

Editor-in-chief:

V.G. Golyshev – Doctor of Law, Associate Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

I.A. Konovalova – Doctor of Law, Associate Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

O.N. Vasilieva – Doctor of Law, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

Yu.M. Antonyan – Doctor habil. of Law, Professor, All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

V.I. Gladkikh – Doctor habil. of Law, Professor, Russian Federation State University of Management

S.A. Glotov – Doctor habil. of Law, Professor of International Law Institute under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow)

A.V. Grinenko – Doctor habil. of Law, Professor, MRSU

L.Y. Grudtsyna – Doctor habil. of Legal Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

S.A. Ivanova – Doctor habil. of Law, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

M.N. Marchenko – Doctor habil. of Law, Professor, Lomonosov Moscow State University

O.O. Mironov – Doctor habil. of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation of Modern Humanitarian Academy (Moscow)

A.N. Nikitin – Doctor habil. of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor of MRSU

D.A. Pashentsev – Doctor habil. of Legal Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; Financial University under the Government of the Russian Federation

E.A. Pevtsova – Doctor habil. of Law, Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, MRSU

A.S. Podshibyakin – Doctor habil. of Law, Professor of Moscow State Institute of International Relations

Y.E. Pudovochkin – Doctor habil. of Law, Professor of the Russian Academy of Justice (Moscow)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8557

ISSN (online) 2310-6794

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Jurisprudence». 2015. № 4. M.: MSRU Publishing house. 110 p.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26300

Index series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

© MSRU, 2015.

© MSRU Publishing house, 2015.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Буреев А.А., Милосердов А.С.</i> ПОИСК ПУТЕЙ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА И ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА В НЁМ СУДА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА НА ОСНОВЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕИ.....	8
<i>Гольшиев В.Г.</i> РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ	15
<i>Романова Е.Г.</i> РАЗВИТИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ ОБРАЗОВАНИИ» ОТ 10.07.1992 Г. К ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНУ «ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» ОТ 29.12.2012 Г.....	25
<i>Шаповалов Н.И.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ	43

РАЗДЕЛ II.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Буданов С.А., Сметанкина Г.И., Шуткина С.А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ МЧС РОССИИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ	48
--	----

РАЗДЕЛ III.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Белянов Ю.В.</i> ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АРЕСТОВАННОГО ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	53
---	----

<i>Богданов Д.Е.</i> ДОГОВОРНЫЕ УСЛОВИЯ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ИЛИ ИСКЛЮЧЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ.....	58
<i>Толочкова И.А.</i> ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В РОССИИ	67

РАЗДЕЛ IV. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Антонян Ю.М.</i> ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ	73
<i>Артеменко И.А.</i> МЕСТО И РОЛЬ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.....	82
<i>Головастова Ю.А.</i> ПОНЯТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	86
<i>Коновалова И.А., Коробов Э.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	92
<i>Надысева Э.Х.</i> СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЛИЗИНГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ	99

РАЗДЕЛ V. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Мельник В.В.</i> ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ. Ч. II	103
<i>Наши авторы</i>	108

CONTENTS

SECTION I.

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

<i>A. Bureyev, A. Miloserdov.</i> LIBERAL SEARCH FOR THE WAYS OF REFORMING STATE MECHANISM AND IDENTIFYING THE ROLE OF JUDICIARY IN IT IN THE EARLY 19TH CENTURY RUSSIA	8
<i>V. Golyshev.</i> RUSSIAN STATE AND ENTREPRENEURSHIP AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY: SOME ASPECTS OF COEXISTENCE	15
<i>Ye. Romanova.</i> THE DEVELOPMENT OF FEDERAL LEGISLATION AND STANDARD LEGAL REGULATION OF STATE – RELIGIOUS ORGANIZATIONS INTERACTION IN EDUCATION: FROM THE RUSSIAN FEDERATION LAW «ON EDUCATION» FROM 10.07.1992 TO THE FEDERAL LAW «ON EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION» FROM 29.12.2012.....	25
<i>N. Shapovalov.</i> THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF INTEGRATION PROCESSES IN EUROPE.....	43

SECTION II.

CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

<i>S. Budanov, G. Smetankina, S. Shutkina.</i> LEGAL REGULATION OF EMERCOM SUPERVISORY BODIES OF RUSSIA PROTECTING POPULATION AND TERRITORIES IN CASES OF EMERGENCY	48
---	----

SECTION III.

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<i>Yu. Belyanov.</i> THE ISSUES OF ARRESTED PROPERTY REALIZATION AND THEIR SOLUTIONS	53
<i>D. Bogdanov.</i> CONTRACTUAL TERMS OF LIMITATION OR EXCLUSION OF LIABILITY IN RUSSIAN AND FOREIGN LAWS.....	58
<i>I. Tolochkova.</i> BASIC PRINCIPLES IN THE SPHERE OF PROVIDING EDUCATIONAL SERVICES IN RUSSIA	67

**SECTION IV.
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW**

<i>Yu. Antonian.</i> OFFENDER'S IDENTITY AND DRIVING FORCES OF CRIMINAL BEHAVIOR.....	73
<i>I. Artemenko.</i> THE PLACE AND ROLE OF JUDICIAL PRECEDENT IN THE SYSTEM OF CRIMINAL LAW SOURCES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA.....	82
<i>Ju. Golovastova.</i> THE NOTION OF CRIMINAL AND PENITENTIARY LEGAL RELATIONSHIPS: METHODOLOGICAL ISSUES.....	86
<i>I. Konovalova, Ye. Korobov.</i> THE FEATURES OF CORRUPTION CRIMES IN LOCAL GOVERNMENT BODIES	92
<i>E. Nadyseva.</i> THE WAYS OF COMMITTING FRAUDS IN LEASING OPERATIONS.....	99

**SECTION V.
CRIMINAL PROCESS**

<i>V. Melnik.</i> Socio-Political and Legal Significance of Court of Jury, Part II.....	103
<i>Our authors</i>	108

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.123

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-8-14

Буреев А.А., Милосердов А.С.

Международный юридический институт (г. Москва)

ПОИСК ПУТЕЙ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА И ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА В НЁМ СУДА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА НА ОСНОВЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕИ

Аннотация. Статья посвящена характеристике особенностей реформирования механизма государства, и в том числе судебной системы, в первой четверти XIX в. на основе проникающей в Россию либеральной идеи. При этом выявлены основные тенденции конструирования конституционных принципов, которые не нашли практического закрепления и реализации. Определены основные полномочия парламента. Выделены существенные особенности, которые свойственны судебной системе России в первой четверти XIX в. Выявлено, что кардинального реформирования судебной системы проведено не было; частичная систематизация законодательства позитивно сказалась на развитии права, но не решила задачу кодификации норм, относящихся к деятельности судебных органов, к правосудию в целом.

Ключевые слова: либерализация, судебная система, механизм государства, судебный Сенат, окружной суд, губернский суд, волостной суд.

A. Bureyev, A. Miloserdov

International Judicial Institute (Moscow)

LIBERAL SEARCH FOR THE WAYS OF REFORMING STATE MECHANISM AND IDENTIFYING THE ROLE OF JUDICIARY IN IT IN THE EARLY 19TH CENTURY RUSSIA

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of reforming the mechanism of the state including judicial system in the first quarter of the nineteenth century, based on liberal ideas

© Буреев А.А., Милосердов А.С., 2015.

penetrating into Russian. The major trends in the construction of constitutional principles that have not been fixed and implemented are identified. The main powers of the Parliament are defined. The significant characteristics inherent in Russian judicial system of the first quarter of the nineteenth century are highlighted. It has been revealed that there was no radical reform of the judicial system, and though a partial systematization of legislation had a positive impact on the development of the law, it did not solve the problem of judicial rule codification.

Key words: liberalization, judicial system, state mechanism, the Senate trial, district court, provincial court, parish court.

Употребление термина «либерализация» наиболее часто встречается тогда, когда речь идёт о либерализации законодательства, демократизации системы государственного управления и т.д. Вопросы либерализации судебной системы обсуждаются тоже активно, но при этом сам данный термин используется весьма редко. Между тем применительно к судебной системе и её развитию существует определённая историческая ретроспектива.

Идеология либерализма стала разрабатываться в сочинениях просветителей XVII–XVIII вв. Нередко разработку теории либерализма связывают непосредственно с эпохой европейского Просвещения: с именами Вольтера, Ш. Монтескье, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо. Однако нам представляется, что такой подход не совсем точен. В «копилку» либерализации суда значительный вклад внесли и Г. Гроций, и Дж. Локк, а позднее – и Т. Джефферсон. Если Вольтер был противником церковных судов, пыток и ратовал за справедливое судопроизводство, то Ш. Монтескье считал справедливость первичной по отношению к закону государства, что делало независимый суд инструментом обеспечения свободы, а значит, и справедливости. Тем не менее, доктринальное строительство раннебуржуазного либерализма принадлежит Дж. Локку. Модель нового

общества виделась ему как своеобразный ренессанс первобытного состояния человечества, право и власть были взаимными. Судебная власть виделась как продукт государства, созданного людьми. Цель государства – юридическое закрепление и охрана естественных прав граждан, конструирование и обеспечение гарантий им [4].

Теория либерализма имеет ярко выраженное правовое содержание, которое определяется наличием в составе этой теории концепции естественных прав человека, на защите которых должно стоять государство. Государственно-правовую сторону либерализма выражает конституционализм, являющийся политической и правовой программой либерализма. Применительно к пониманию процессов либерализации судебной системы ключевыми термином будет являться «свобода», а либерализация судебной системы – это процесс её выделения в качестве самостоятельной ветви власти, усиление её независимости от власти исполнительной. Также в состав данного понятия необходимо включить ориентацию судебной системы на защиту прав и свобод граждан.

Развитие судебной системы России на разных этапах, если рассматривать его через призму проблем либерализации и демократизации, детерминировано целым рядом факторов. Среди

них присутствуют факторы политические, экономические, идеологические, правовые и т.д. Что касается периода первой четверти XIX в., то основными факторами, оказывавшими влияние на развитие судебной системы, стали следующие:

1) проникновение в Россию идей конституционализма с их либеральной основой;

2) опыт конструирования модели государственного механизма императором Александром I.

Здесь следует выделить ряд существенных особенностей, которые свойственны данному периоду развития судебной системы.

Во-первых, это стремление самодержца изменить политико-правовой облик государства после противоречивого пятилетия Павла I. Либерализм Александра I вытекал из его воспитания: говорить о «серьёзной» школе, которая его сопровождала, не приходится. Ещё до переворота 1801 г. Александр I изучал возможность введения «свободной конституции». А в первом своём Манифесте, вместе с объявлением себя самодержцем, заявил о следовании законности и справедливости. Александр I, и как наследник престола, и как молодой император, не «скупился» на обещания о будущих преобразованиях. В.О. Ключевский полагал, что «Александр вступил на престол с запасом возвышенных и доброжелательных стремлений, которые должны были водворять свободу и благоденствие в управляемом народе, но не давал отчёта, как это сделать. Эта свобода и благоденствие, так ему казалось, должны были водвориться сразу, сами собой, без труда и препятствий...» [2].

Во-вторых, это особая специфика подбора исполнителей государственных и судебно-правовых преобразований. Однако первоначально продвижению идей императора мешала неоднородность его окружения. Видимо, под влиянием «идеологии» первого лица государства (а это тенденция России) все политические группировки заговорили о либерализации общества, госорганов, но не системы. Это и члены так называемого Негласного комитета, состоявшего из либерально настроенных друзей царя: Строганов, Новосильцев, Чарторыйский и Кочубей. Это и В.Ф. Малиновский – русский дипломат и просветитель. Даже Г.Р. Державин заявил о необходимости, в том числе, власти судебной и власти оберегательной [3]. Тем не менее, основная заслуга в конструировании облика новой государственной машины принадлежит М.М. Сперанскому. Он разработал целостный проект государственных преобразований, который, в случае его реализации, мог бы повлиять на развитие судебной системы [8].

В-третьих, необходимо отметить наличие чёткого представления о целях и путях реализации реформ и отсутствие желания воплотить их на практике. По мнению М.М. Сперанского, Сенат должен был стать высшей судебной инстанцией, решение которого были бы окончательны. Сенат формировался губернскими думами. Состав суда на местах избирался соответствующими собраниями: волостными, окружными и губернскими. Такую «либерально-демократическую» линию строительства суда можно было бы считать серьёзной новеллой, если бы она была реализована. М.М. Сперанский пред-

лагал деятельность Судебного Сената фактически ограничить рядом принципов: надзорные функции касательно процедур; наделение функцией высшей апелляционной инстанции; открытость деятельности через публикацию материалов. Надзор за Сенатом не предполагался (за исключением формальной стороны). Кроме того, в низших инстанциях вводился институт присяжных заседателей [9].

Противодействие реакционно настроенного дворянства привело к тому, что император отправил М.М. Сперанского в ссылку, отказавшись от дальнейшей реализации его планов. Такой итог был предопределён изначально самой постановкой проблемы: позже «либерализм» Александра I будет назван показным [10].

В-четвёртых, важной особенностью этого периода является стремление систематизировать государственно-правовое управление с функциональной конкретизацией. Конкретные предложения по созданию Государственного Совета высказал М.М. Сперанский. В итоге этот орган был создан в 1810 г. и вошёл в систему высших органов государственной власти Российской империи [5]. Реформа исполнительной власти началась в 1802 г. Результатом её стало создание министерств [6]. Однако результаты её оказались половинчатыми. Поэтому в 1810–1811 г. была проведена новая министерская реформа. Согласно Манифесту «О разделении государственных дел на особые управления с означением предметов, каждому управлению принадлежащих» устройство суда вручалось Министерству юстиции, а устройство внутренней безопасности – министру полиции (просуществовало до 1819 г.).

Министерская реформа повлекла за собой изменение статуса прокуратуры. Фактически должности генерал-прокурора и министра юстиции были объединены. При этом прокуроры на местах получили необходимые должностные инструкции.

В заслугу Александра I исследователи ставят упразднение тайной экспедиции Сената. Но через четыре года его царствования функции политического сыска будут вручены Комитету по охране общественной безопасности (название получил в 1907 г.).

В 1802 г. были восстановлены ликвидированные в предшествующее правление словесные суды.

В-пятых, была сделана попытка реформировать государственный механизм с приданием ему европейского облика. После войны 1812 г. сложилась новая политическая карта Европы.

Исследования показывают, что вхождение в состав России Царства Польского потребовало определённых правовых уступок в стиле европейской традиции. Так появилась Конституция, дарованная Царству Польскому (27 ноября 1815 г.). В ней декларировалась независимость судебной власти от иных властей, несменяемость судей, свобода судебных суждений, но вмешательство императора в любые области судопроизводства сохранялось. Александр I высказывал мнение и о введении в России законно свободного учреждения. Однако проект Государственной Уставной грамоты Российской империи (автор – Н.Н. Новосильцев) практически не ограничивал правомочия самодержавного лица.

В современных исследованиях процесса подготовки проекта присутствуют мнения, что император опасался

реакции консервативных кругов российской политической элиты на сам документ и на последствия его введения. Даже в самом тексте нет понятия «конституция» [7]. Дело, видимо, в другом: последующие семь лет показывают, что сам Александр I **осторожничал** и не предполагал осуществление революции «сверху». Проект Н.Н. Новосильцева состоял из шести глав и включал в себя 191 статью. В качестве принципиальных позиций здесь следует отметить следующие:

а) закреплялся суверенитет императорской власти; государь объявлялся единственным источником всех властей;

б) двухпалатный парламент создавался для реализации законодательной функции;

в) законодательная инициатива принадлежала монарху, как и окончательное утверждение закона;

г) император возглавлял исполнительную власть, т.е. ему подчинялись Государственный совет и министерства.

В проекте, кроме того, было много моментов, связанных с конструкцией суда как такового:

1) суд объявлялся независимым, ни от какой власти (статья 175);

2) не допускалось самопроизвольное толкование законов, злоупотребление судебской властью и выступление за пределы полномочий (статья 176); регламентировался порядок отрешения судьи от должности (статьи 178, 179);

3) место для судебной власти, которая бы осуществляла правосудие на местах, было отведено «скромное»: судьи назначались государством и, в отдельных ситуациях, избирались по особым постановлениям;

4) учреждался Верховный Государственный Суд. Его состав формировался самим императором. Генеральный прокурор состоял при нём. Приговоры Суда считались окончательными, но только после утверждения императором;

5) учреждались наместнические суды. В месте пребывания наместнического совета учреждается верховный суд наместнической области;

6) предполагалась апелляционная инстанция (статья 188) [11].

Исследования показывают, что мнения по поводу того, почему не реализовался проект, существенно разнятся. Одни называют консерватизм дворянства, другие называют смерть Александр I. **Но все сходятся во мнении, что в стране проект Конституции был готов.** Дело осталось за процедурой «дарования».

Впоследствии попытку «пристроить» либеральную идею в России предпринимали декабристы. Таких проектов было два: проект Северного общества, называвшийся «Конституция», составил Никита Муравьёв; проект Южного общества под названием «Русская правда» принадлежал перу Павла Пестеля.

Проект Никиты Муравьёва предполагал установление конституционной монархии. При этом обеспечивалась свобода личности исходя из критериев естественного права. Гарантом свободы становился народный суверенитет. Судебная власть отделялась от законодательной и исполнительной. Заметим, что в проекте повторяются элементы, которые были и в проекте Н.Н. Новосильцева: гласный суд, присяжные, обеспечение состязательности сторон, несменяемость судей. Но

его проект будет признан преступным. Вертикаль судебной системы включала ряд уровней: Верховное судилище, Державное судилище, Уездное судилище, волостной совестный суд.

Некоторые научные школы полагают, что в назначении судей декларировалось отрицание принципа разделения властей, а судебная власть теряла независимость [1].

В «Русской правде» П.И. Пестеля доминировала идея построения республики. В связи с этим, наряду с революционными трансформациями власти, здесь присутствует «дух» неопределённости в будущем развитии этих идей, доктрин, практических предложений. Проект Пестеля предполагал введение нового суда, равного для всех, и бессловного, с участием присяжных заседателей и гласным процессом. Упразднялись чрезвычайные суды. Суды должны действовать в соответствии с законом, где закреплялись свобода слова, свобода печати, свобода вероисповедания и др.

Таким образом, первая четверть XIX в. стала временем, связанным с частичными изменениями в процессе судопроизводства и в системе судоустройства. Коренного реформирования суда проведено не было. Систематизация законодательства, проведённая под руководством М.М. Сперанского, позитивно сказала на развитии права, но не решила задачу кодификации норм, относящихся к деятельности судебных органов, к правосудию в целом. Либеральные и конституционные идеи, получившие распространение в правление Александра I, «затухают» после неудачного восстания декабристов. Все идеи о реформировании системы

правосудия на основе либеральных и демократических принципов наталкиваются на охранительную политику самодержавия. Подобная картина, связанная с попытками дать народу Конституцию, будет впоследствии наблюдаться и при Александре II, и при Николае II. Но потерпит крах. Между тем в эпоху Александра II ряд реформ, в том числе судебная, будут проведены на принципах, разработанных в первой четверти XIX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дмитриев Ю.А., Николаев А.М. Система государственной власти в России и в мире: историко-правовая ретроспектива. М.: Профобразование, 2002. 839 с.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. Лекция 75, 77, 78.
3. Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. документов / Автор-составитель А.В. Гоголевский. М.: Гардарики, 2000. 624 с.
4. Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2-х т. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2. 475 с.
5. Манифест «Об учреждении Министров» от 8 сентября 1802 г. [Электронный ресурс] // ПСЗ. Собр. 1. Т. 27. №20406. URL: bazakonov.ru/doc?ID=2742146 копия (дата обращения: 20.11.2015).
6. Манифест «Образование Государственного Совета» от 1 января 1810 г. [Электронный ресурс] // ПСЗ. Собр. 1. Т. 31. №24064. URL: bazakonov.ru/doc?ID=2742146 копия (дата обращения: 20.11.2015).
7. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М.: Наука, 1989. 240 с.
8. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов // Сперан-

- ский М.М. Проекты и записки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 35 с.
9. Сперанский М.М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К. Пимен, 1905.
10. Сперанский С.И. Учение М.М. Сперанского о праве и государстве. М.: Ось-89, 2004. 224 с.
11. Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Изд. 2-е. СПб.: А.С. Суворин, 1905. Т. 1–4.

УДК 346.26:94 (470+571) «19/20»;338.242.4

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-15-24

Гольшев В.Г.*Московский государственный областной университет***РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ЧАСТНОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ:
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ**

Аннотация. В статье раскрываются отдельные аспекты, характеризующие историю государственного влияния на частное предпринимательство в конце XIX – начале XX вв. **Определяются** и характеризуются этапы эволюции системы государственно-правового регулирования российского предпринимательства конца XIX – начала XX столетий. Автором анализируются особенности становления предпринимательства во второй половине (особенно – в конце) XIX в. По результатам исследования обосновывается вывод, согласно которому становление предпринимательства, как особого социального и экономического явления, характеризующегося рискованым характером деятельности, осуществляемой в целях систематического получения прибыли, в России во второй половине XIX в. было несколько замедленно, по сравнению со странами Запада. Вместе с тем, опыт частного предпринимательства второй половины XIX в. содействовал выработке новых нормативных правовых актов, актуализировавших правовое регулирование государством торгово-промышленной деятельности с целью её дальнейшего развития. (В ходе подготовки материала статьи использованы данные Справочно-правовой системы КонсультантПлюс (URL: <http://www.consultant.ru>).

Ключевые слова: государственное влияние, государственная политика, Российская империя, предпринимательство, коммерция, конец XIX века, начало XX века, промышленность, торговля, купечество, гильдии, правовая система.

V. Golyshv*Moscow Regional State University***RUSSIAN STATE AND ENTREPRENEURSHIP AT THE TURN OF THE 20TH
CENTURY: SOME ASPECTS OF COEXISTENCE**

Abstract. The article covers some aspects of the history of the Russian state impact on entrepreneurship at the end of the 19th – early 20th centuries. The stages of the evolution of the state-legal system regulating the Russian entrepreneurship are determined and characterized. The author examines the features of the Russian entrepreneurship starting up in the second half and the end of the 19th century. The conclusion is made that the beginning of the Russian entrepreneurship as a certain social and economic phenomenon characterized by risk-taking activity implemented in pursuing systematic profit falls on the second half of the 19th century, which was rather late in comparison with western countries. However the experience of private entrepreneurship of the second half of the 19th century promoted the working out of new standard acts regulating trade and industrial activity with a view of its further development.

Key words: state impact, state policy, Russian Empire, entrepreneurship, commerce, the end of the 19th century, early 20th century, industry, trade, merchants, guilds, legal system.

Экономика любой страны, и Россия (Российская империя) здесь не исключение, развивается по общепринятым правилам – через появление и развитие частной собственности, таких понятий, как прибыль, сделка, рынок. Товарно-денежные отношения невозможно запретить или ограничить, государство от этого может только проиграть. Но при преваляции таких идей, как патернализм, государство стремится (а граждане – не против этого) осуществлять если не тотальный, то, по крайней мере, глобальный контроль за предпринимательством, заставляя коммерсантов и производителей думать в первую очередь о «государственных интересах»¹. Но существовали и иные причины преваляции в российской действительности и в эволюции российского предпринимательства идей патернализма [11].

В эволюции системы государственно-правового регулирования российского предпринимательства конца XIX – начала XX столетий оправдано выделение двух этапов.

К первому этапу относится факт появления законодательных актов, базовую основу которых составлял принцип, делавший коммерсанта главным объектом фискальных сборов со стороны государства, каким бы видом предпринимательства тот ни занимался. Естественно, что данный подход влёт за собой рост налогового бреме-

ни на предпринимательство в сфере промышленного производства (учитываем ещё и тот факт, что для учреждения предприятия предпринимателю необходимо было внести купеческий – гильдейский – взнос).

Второй этап эволюции государственно-правового регулирования предпринимательства в России был напрямую связан с принятием нормативных правовых актов, согласно которым объектом налогообложения становился не коммерсант, а его предприятие [1, с. 25–28].

Одним из основных цивилизационных принципов, на которых базируется рыночное предпринимательство, непосредственно связан с правовым положением как самого предпринимателя, так и его деятельности в государстве. Как известно, право является самым сильным регулятором общественных отношений, и предпринимательские отношения здесь не являются исключением. В основном, именно право определяет так называемые «правила игры» для предпринимательской деятельности, которые, с одной стороны, предоставляют субъектам хозяйственной деятельности определённую степень свободы, а с другой – ограничивает само государство, препятствуя его произвольным экспроприаторским вторжениям в частные хозяйственные отношения. В то же время, действенность права гарантирует предпринимателям, что результат их инициативных экономических усилий или инновационного риска не будет изъят под каким бы то ни было предлогом, чем, собственно, и

¹ Мы сознательно берём это словосочетание в кавычки, поскольку и здесь имеют место огромные различия применительно как к России, так и к Западной Европе.

стимулирует их инициативу и высокопродуктивный труд.

Эволюцию экономического развития нельзя сводить, как это слишком часто делалось, к истории научно-технического прогресса. Любая теория роста в первую очередь представляет собой теорию человеческих отношений, и в первую очередь – именно правовых. Законодательству принадлежит главная роль среди институциональных норм предпринимательства. Это обусловлено тем, что только правовые нормы наиболее эффективно регулируют отношения не только между государством и предпринимателями, но и непосредственно между самими субъектами хозяйственных, экономических отношений [6]. Именно поэтому одним из наиболее важных и значимых направлений работы правительства стало создание законодательной базы, регулирующей деятельность иностранных предпринимателей на территории Российской империи. Следует отметить, что законодательство о деятельности иностранного капитала лаконично вписалось в общую правовую среду предпринимательства России.

В целях интенсификации экономического развития страны правительство было заинтересовано в привлечении зарубежных предпринимателей и их располагаемых ресурсов в российскую империю. До конца XIX в. привлечь частный иностранный капитал в российскую производственную сферу было весьма проблематично. С одной стороны, этому мешало отсутствие эффективных гарантий по правам иностранных компаний и граждан, которые существенно ограничивались в своей инициативной деятельности. С

другой стороны, имело место валютное колебание курса бумажного рубля с обнаруживающейся тенденцией к его обесцениванию, что существенно снижало инвестиционную привлекательность для инициатив со стороны иностранных предпринимателей.

В 1891 г. был принят новый таможенный тариф, определивший невыгодность ввоза товаров на территорию России по сравнению с ввозом в неё капиталов. В 1897 г. была проведена денежная реформа, обеспечившая Россию твёрдыми валютными ресурсами. Принятые меры побудили иностранных производителей и предпринимателей к учреждению дочерних фирм зарубежных компаний, а также открытие их филиалов в России [3].

Вместе с тем, привлечение иностранного капитала не должно было создавать ему условия для занятия ведущих позиций в экономике России. Поэтому правительство стремилось создать такую законодательную базу, которая обеспечивала бы экономическую безопасность страны.

Формирование системы предпринимательства как особого вида хозяйственно-экономической деятельности в России второй половины XIX столетия было обусловлено удалённостью предпринимателей от западноевропейских торговых центров. И, как следствие, существовали и действовали иные социально-экономические, правовые и культурные условия формирования предпринимательства. Неравномерное заселение России лишь добавляло сложностей в развитие предпринимательства, вынуждая государство, подталкивая власти всех уровней усиливать контроль над экономикой страны и отдельных регио-

нов в целом [9, с. 34–36, с. 76–78]. С одной стороны, это ограничивало возможности российского предпринимательства, сокращало его социальную базу, само желание развиваться вширь и вглубь. Но с другой стороны, превращало то же предпринимательство в один из секторов мобилизационной экономики, готовой, при необходимости, стать составным элементом огромной государственной системы хозяйствования.

Конечно, далеко не всех это устраивало, но между тем российская ментальность предопределяла законопослушность предпринимателя, его – несмотря на критику государственной системы – готовность уступать государству во всём и всегда, но сохраняя своё дело. Насколько подобная политика была оправдана и традиционна? Предприниматель готов был пойти на уступки, сохраняя конформизм с властью, но – ради спасения своего дела, своей семьи, своего имени.

Однако существовали и иные причины, предопределяющие особенности эволюции российского предпринимательства.

Это и то, что потребность населения, как в продуктах питания, так и в промышленных товарах могла быть удовлетворена только с развитием местного производства. Не случайно ведь существовало деление российских губерний (в экономических исследованиях) на *производящие* (с избытком и недостатком) и *потребляющие* [11]. Для любой иной европейской страны подобное явление – нонсенс. Но не для России, с её огромными географическими пространствами, различиями в культуре ведения хозяйства, в религии, ментальности и проч.

При этом становление предпринимательства во второй половине (особенно – в конце) XIX в. имело некоторые особенности.

Во-первых, основным носителем предпринимательского уклада в течение длительного времени было не только частное предпринимательство, но и государство, которое выступало достаточно самостоятельным субъектом хозяйственных отношений и пользовалось определёнными преимуществами. Подобное положение дел сложилось, по-видимому, ещё со времён Ивана Грозного, а получило развитие при Петре Великом, при котором государственный сектор экономики зацвёл пышным цветом, несмотря на критику со стороны крупнейших предпринимателей, тех же Демидовых или Поляковых, Рябушинских или Третьяковых, считавших, что государственные, или казённые, предприятия приносят казне только убытки.

Ещё в конце XVII – начале XVIII столетий борьба Петра Великого за выход к Балтийскому морю (как и к Чёрному) затребовала крупной промышленности, способной производить металл, лить пушки, создавать «пороховое зелье», холодное и огнестрельное оружие. Царь увидел выход в насаждении «казённых» предприятий, которые должны были превратиться в профильные для всего индустриального сектора экономики.

Россия в то время не была особым исключением. Однако с течением времени в странах «первого эшелона» развития предпринимательства (Англия и Франция) «казённые предприятия всё в большей мере начинали сосуществовать с частными, которые за 150–200 лет явно оттеснили «казённые» заво-

ды на второй план. В странах «второго эшелона» эволюции предпринимательства (Германия, Россия, Япония) «казённое» хозяйство продолжало играть весьма значительную роль. Германии и Японии для преодоления подобной ситуации понадобилось пережить интегральные государственные кризисы, а Россия сохраняла свои патерналистские стремления даже в условиях падения монархии и перехода к «диктатуре пролетариата».

В России правительство даже в самом конце XIX столетия по-прежнему с недоверием относилось к уже господствовавшему в стране частному предпринимательству, не допуская его, например, в оборонную промышленность. Государство не выпускало из своего владения горнодобывающие и металлообрабатывающие предприятия, железные дороги (тогда уже достаточно протяжённые), недра, лесные и земельные угодья [14].

В-вторых, основной сферой предпринимательской деятельности было посредничество, а не промышленность или сельское хозяйство. Этот факт, пожалуй, доказывает то, что и российское, и западноевропейское предпринимательство, несмотря на различия, развивались по одним законам и направлениям. Соответственно, все попытки выдать российскую коммерцию как нечто необычное и оригинальное не имеют под собой никаких оснований. Конечно, различия существовали, но не настолько они были определяющими, чтобы говорить об «особом пути развития» страны. Подобный подход был более приемлем для анализа российских социальных групп (вспомним основные направления анализа российского общества,

предпринятые сторонниками так называемого «нового направления» в исторической науке [7, с. 11–30]).

В-третьих, государственный сектор в экономике региона оставался значительным, а ряд важнейших отраслей промышленности был (особенно в восточных районах страны) фактически монополизирован властями, что сужало поле деятельности частных предпринимателей. Последние отвоёвывали «жизненное пространство» постепенно, шаг за шагом, причём действовали они нередко не в рамках закона, а обходя его, что, впрочем, для России было делом обыденным. Но это «отвоевание» сопровождалось, к сожалению, трагедиями, человеческими жертвами (которые так удачно представлены в произведениях, например, А.Н. Островского).

В-четвёртых, поскольку менталитет российского купечества второй половины XIX столетия в значительной степени основывался на вере (преимущественно – на православной), можно говорить о ментальности предпринимателей – православных христиан, купцов-мусульман, купцов-старообрядцев, купцов-иудеев, как факторе, определяющем их присутствие в предпринимательской жизни Российской империи.

Проблемы комплексного духовно-нравственного облика предпринимателя того времени, роли религии в системе его нравственных ценностей, её влияния на особенности национального характера российских купцов, безусловно, заслуживают отдельных исследований. Однако в этой связи следует отметить, что особенности национального типа российского предпринимателя всё же позволяют

выделить такие его характеристики, как патриотизм и приверженность религиозным ценностям.

Что же касается собственно личности предпринимателя, то религиозность, безусловно, облагораживала его социальный облик. Однако в большей степени восприятие религиозной культуры способствовало формированию особой шкалы ценностей, в которой богатство и накопления занимали не главное место в шкале личностных ценностей. Именно этот аспект, по нашему представлению, более точно отражает одну из особенностей менталитета российского предпринимателя, купца и фабриканта.

Российская христианская народная этика характеризовалась заметным преобладанием духовно-нравственных начал над материальными. Труд воспринимался как добродетель, а богатство – как источник делания добра людям. Семейное дело по мере своего развития сопровождалось развитием окружавшей его социальной инфраструктуры. При производствах, как правило, создавались ремесленные училища, больницы, школы, библиотеки, клиники, аптеки, богадельни и иные подобные объекты социальной направленности. Всё это считалось обязательным атрибутом жизнеустройства.

Добровольные пожертвования и развитие меценатства обеспечили строительство храмов, создание целого ряда театров, оперных студий, музеев и галерей. Появлялись различные собрания, осуществлялся выпуск книжных серий и художественных журналов. Благодаря финансовой поддержке стали возможными новые географические экспедиции. Основная

масса университетов, институтов и научных лабораторий также была открыта на средства купеческих семей.

Таким образом, расцвет российской культуры конца XIX – начала XX вв. был в полной мере подготовлен русским купечеством. Здесь следует упомянуть о негласной купеческой иерархии, о которой писал В. Рябушинский: «На вершине уважения стоял промышленник-фабрикант, потом шел купец-торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги, учил векселя, заставлял работать капитал. Его не очень уважали, как бы дешево его деньги ни были, и как бы приличен он сам ни был...» [2].

Всё это свидетельствовало о том, что в России предпринимательство развивается как по своим, особым законам, так и согласно общеевропейскому вектору экономической эволюции [10]. Но превалировала ментальность обывателя, и сама история страны, которая, несмотря на привязанность предпринимательства к общим канонам, диктовала те правила, которые обеспечивали бы предпринимательству оптимальные правила существования. А это было наиболее важным элементом всей хозяйственной деятельности российских предпринимателей [4, с. 118].

Вот в таких противоречиях и развивалось российское предпринимательство, которое, однако, несмотря на довольно непростые условия своего существования, «отвоёвывало» у государства один сектор экономики за другим. Действительно, противоречия в хозяйственной сфере весьма негативно сказывались на коммерческих достижениях страны, но они, однако, способствовали тому, что российское

купечество (этот термин более подходящий для российской действительности) выстраивало настолько гибкую свою «политику», что ей и успехам предпринимателей российских могли позавидовать их западноевропейские коллеги.

Даже превалирование патерналистских тенденций (и извечная нелюбовь российских властей к Западу) не помешало российским купцам выйти на международный рынок. И в мирные годы, и во время вооружённых конфликтов российские товары всегда можно было найти на рынках Западной Европы, а затем и Америки. По качеству с ними не могли конкурировать товары из многих иных стран (в первую очередь это касалось сельскохозяйственной продукции).

Специфические условия российского предпринимательства влияли и на формирование купечества, на его взгляды, на уклад жизни, на характер взаимоотношений (как в предпринимательской среде, так и в семейном кругу).

Запись в гильдии не ограничивалась, и в результате состав купцов выглядел довольно пёстро. Социальное положение купечества не отличалось стабильностью, шёл большой отток (и не меньший приток) из купечества в иные социальные страты (например, в мещанство). Слабая преемственность капиталов (известные семейные предпринимательские «кланы» – это скорее исключение из правил, чем обыденный случай) была следствием общей неустойчивости торгово-промышленного предпринимательства, вызванной узостью рынка, неразвитостью кредита, наличием различных ограничений и регламентацией, сковывавших иници-

ативу и предприимчивость купцов [12, с. 55, с. 67–68, с. 77; 13, с. 35, с. 38, с. 44].

Следует также отметить, что во второй половине XIX в. многие предприниматели пересмотрели своё отношение к образованию. В значительной степени этому способствовало развитие промышленности, банковского дела, транспортной системы и путей сообщения, возникновение новых отраслей производства. Кроме того, обострялась и конкуренция между капиталами. В купеческих домах появляются личные библиотеки, которые постепенно перестают быть редкостью, а состоятельные члены сословия стремятся обеспечить своим детям престижное образование.

Если в начале XIX столетия книжная мудрость черпалась в основном из старопечатных книг духовного содержания, то во второй половине XIX в. круг чтения провинциального купечества становится более разнообразным, включая как религиозную литературу, так и произведения светских авторов, и периодические издания [5].

Однако, несмотря на заметное изменение отношения к образованию, большинство граждан продолжало сохранять традиционный взгляд. Такое положение дел объяснялось прежде всего тем, что пополнение купеческих рядов шло в основном за счёт крестьянства, которое несло с собой медленно поддающиеся изменениям народные представления о том, что образование для жизни – не главное, а книжное знание недостаточно эффективно, чтобы им руководствоваться.

В тех же случаях, когда родители придавали образованию значение, речь могла идти лишь о воспитании мальчиков. Отношение к женскому

образованию в купеческой среде оставалось по большей части отрицательным.

Выбор места учёбы ребёнка определялся целым рядом факторов, к числу которых относилось положение его родителей в обществе, их материальные возможности и общественно-политические умонастроения. Кроме того, немалое значение имел личный опыт родителей, их корпоративный менталитет, а также культурный кругозор, педагогическая осведомлённость и т.п.

Со временем в пользу школьного образования заработала и традиция. Когда у купцов, в своё время обучавшихся в учебных заведениях, дети достигали школьного возраста, у них уже не было предубеждения против школ. Поэтому они охотно отдавали своих сыновей в училища и гимназии [5].

Развитие общественных отношений необходимо повлекло преодоление замкнутости духовного развития различных социальных групп и существенным образом повлияло на трансформацию досуга, который в первой половине девятнадцатого столетия был лишь областью отдохновения от деловой активности.

В конце XIX вв. купеческий досуг, сохраняя традиционные черты, главным образом включал в себя в основном чаепития, частые и обильные застолья, гулянья. В этих излюбленных формах организации свободного времени обнаруживались и сохранялись традиционные черты общественно-уклада того времени. Вместе с тем, наряду со сложившимися формами досуга, обнаруживаются и новые явления, связанные, как правило, с организациями увеселений и праздников в масштабах города. Благодаря этому

культура досуга преобразовывается и прививается городским сословиям. В то же время стремление представителей купечества к социальной и культурной самоорганизации обуславливает необходимость формирования соответствующих их интересам коллегиальных структур, результатом чего стало их активное участие в создании Общественного клуба и Коммерческого собрания.

Культурно-бытовой облик провинциального купечества также имел специфические черты. В первой половине XIX столетия сфера частной жизни большинства купцов ограничивалась рамками собственного дома. Его архитектура и внутреннее убранство реализовывали двойственное стремление – отделить внутренний мир семьи от внешнего мира и, одновременно, символизировать её общественное положение и состоятельность. Устройство и даже внешний вид усадеб гильдейцев были подчинены потребностям их коммерческой деятельности [5].

Всего этого мы не обнаружим, например, анализируя западноевропейское предпринимательство и его связь с местными административными ресурсами и управлением, с историей, её особенностями в условиях стабильного развития или кризисных моментов. И это очень важно для понимания особенностей развития деловых кругов различных стран.

Существенные изменения в социально-экономической жизни России во второй половине XIX столетия не могли не найти отражения в законодательной деятельности властей – местных и центральных. При этом российская законодательная система имела противоречивый характер [7].

Такое положение дел обуславливалось, на наш взгляд, определённой разнонаправленностью стоящих перед государством задач. С одной стороны, было необходимо проводить либерализацию экономической политики государства и тем самым привлекать в экономику внешние и внутренние инвестиции, но с другой – фискальные интересы государства требовали формирования соответствующих «правил игры», существенно корректирующих привлекательность предпринимательской деятельности.

Политика государства в сфере предпринимательской деятельности реализовывалась в условиях сложной социальной структуры общества и была организована на началах корпоративности. Процесс либерализации торговой, промышленной и банковской деятельности протекал медленно и противоречиво, что неизбежно сказывалось на его эффективности. Следствием этого была неустойчивость как социального, так и правового статуса предпринимателей. Конечно, купечеству предоставлялись различные льготы как в сфере торговли, так и в сфере производства. В этой связи следует отметить, что конкуренцию им составляли мещане и крестьяне, которые также были свободны в занятиях этого рода. Однако эта конкуренция существовала в большей степени формально, чем фактически, поскольку ни мещане, ни, тем более, крестьяне не обладали финансами и знаниями для ведения серьёзных торговых операций. А мелкая (в том числе и оптовая) торговля не могла составить конкуренцию крупным купеческим домам. Она могла только проявить тягу к развитию. Но именно мелкооптовая торговля служи-

ла источником первоначального накопления капитала в России; многие из известных в стране и за рубежом предпринимателей начинали свой путь как раз с доходов от торговли мелким оптом [8, с. 201–204].

Становление предпринимательства, как особого и весьма сложного социально-экономического явления, характеризующегося целым комплексом признаков, из которых к числу основных следует отнести инициативный рисковый характер и направленность на систематическое получение прибыли, в России во второй половине XIX в. было несколько замедленно, по сравнению со странами Запада. Причины данного положения дел имеют комплексный и многочисленный характер. Однако очевидно следующее: опыт частного предпринимательства второй половины XIX в. в значительной степени содействовал выработке новых законодательных актов, более чёткой регламентации торгово-промышленной деятельности, с целью её дальнейшего развития как в частном сегменте, так и в сфере государственного предпринимательства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вербина О.Л. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России во второй половине XIX века // История государства и права. 2010. № 18.
2. Галимова Л.Н. Этноконфессиональный фактор в формировании средневожского купечества [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/5_SWMN_2012/Istoria/4_100935.doc.htm (дата обращения: 20.11.2015).
3. Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типо-

- логии русских банков. М.: Наука, 1997. 623 с.
4. Кузнецов В.Н. Предпринимательство и процессы модернизации Российской империи во второй половине XIX века (на материалах Северо-Западного района). СПб.: Астерион, 2014. 312 с.
 5. Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в.: На примере Курской губернии: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2003. 25 с.
 6. Морозова И.А. Государственно-частное партнёрство как стратегический ресурс развития предпринимательства. Волгоград: ВолгГТУ, 2013. 143 с.
 7. Поликарпов В.В. «Новое направление» – в старом прочтении // Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008. 552 с.
 8. Предпринимательство и городская культура в России. 1861–1914: сборник. / Сост.: У. Брумфилд, Б. Ананьич, Ю. Петров. М.: Три квадрата, 2002. 312 с.
 9. Свердликова Е.А. Традиции и ценности российской деловой культуры. М.: МАКС Пресс, 2011. 419 с.
 10. Судовиков М.С. Купечество северо-востока Европейской России в последней четверти XVIII – начале XX века: опыт социальной революции: автореф. дис. ... докт. истор. наук. Екатеринбург, 2013. 570 с.
 11. Труды Комиссии по естественно-историческому районированию СССР [Текст] / гл. ред. акад. С.Г. Струмилин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1: Естественноисторическое районирование СССР / отв. ред. Д.Г. Виленский. М.: Изд-во АН СССР, 1947. 372 с.
 12. Харсеева Н.В. Московское купечество на рубеже XIX–XX веков: социокультурный анализ. Краснодар: КСЭИ, 2013. 174 с.
 13. Холопов Ю.В. Традиции и судьбы калужского купечества: трилогия на основе родословных исследований. Калуга: СерНа, 2012. 383 с.
 14. Шацилло К. Оружие и бизнес // Аргументы и факты. 1993. № 20.

УДК 342.731:37.014

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-25-42

Романова Е.Г.*Московский государственный областной университет*

**РАЗВИТИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ
ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ ОБРАЗОВАНИИ» ОТ 10.07.1992 Г. К ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНУ
«ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» ОТ 29.12.2012 Г.***

Аннотация. Главные объекты исследования данной статьи – Федеральные законы в сфере образования и в сфере свободы совести и религиозных объединений за последние 25 лет. Цель работы состоит в том, чтобы представить наиболее полную картину состояния системы образования, состоящую из различных решений вопросов обеспечения гарантий прав человека на свободу совести и вероисповедания. Автор описывает развитие общей модели религиозного (культурологического) образования в государственных школах и представляет также сжатый анализ текущих проблем религиозного образования в негосударственном секторе. Основная проблема статьи – поиск ответа на вопрос, каким образом государство регулирует вопросы мировоззренческого определения молодежи в государственных школах и предложенные в настоящее время пути решения данных проблем, которые гарантируют права человека в части свободы совести и вероисповедания. *Ключевые слова:* образование, нормы права, образовательное законодательство, религия, религиозные организации, многоконфессиональное государство, образовательные программы.

Ye. Romanova*Moscow State Regional University*

**THE DEVELOPMENT OF FEDERAL LEGISLATION AND STANDARD LEGAL
REGULATION OF STATE – RELIGIOUS ORGANIZATIONS INTERACTION
IN EDUCATION: FROM THE RUSSIAN FEDERATION LAW «ON EDUCATION»
FROM 10.07.1992 TO THE FEDERAL LAW «ON EDUCATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION» FROM 29.12.2012**

Abstract. The main objects of study in this article are the Federal Laws on the Freedom of Conscience and Religious Associations and On Education in the last 25 years. The aim is to

© Романова Е.Г., 2015.

* Статья была представлена в качестве доклада в разделе «Образование» научно-практической конференции «25 лет по пути свободы совести», организованной Комиссией по совершенствованию законодательства и правоприменительной практике Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ и Российской ассоциацией защиты религиозной свободы (РАРС) 26.05.2015.

obtain a complete picture of the Russian education system concerning guarantees of human rights to freedom of conscience and religion. The author describes the general model of religious education in public schools and presents a concise analysis of current problems of religious education in private schools. The main problem of the article is how the state regulates the religious identification of the youth in public schools and what measures guarantee human rights to freedom of conscience and religion.

Key words: education, legal rules, educational legislation, religion, religious organizations, polyconfessional state, educational programmes.

Международные правовые нормы устанавливают, что «государство при осуществлении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать, чтобы такие образование и обучение соответствовали их собственным религиозным и философским убеждениям» (ст. 2 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1952 г.); ст. 5 указанной Конвенции ООН)).

После распада СССР нормы и принципы международного права получили воплощение в нормах российского законодательства. В конце 80-х гг. и в 90-е гг. XX в. велась масштабная работа по реформированию законодательства, регулирующего права и свободы человека и гражданина, в том числе в области гарантий и прав в сфере образования.

Всё это происходило в условиях, когда в стране стремительно увеличивалось число граждан, определяющих себя в качестве верующих людей, в центре и на местах фиксировался взрывообразный рост количества регистрируемых религиозных организаций и формируемых гражданами различных объединений, преследующих целью удовлетворение мировоззренческих поисков, отличных от атеистической идеологии, господствующей в

образовании и воспитании предшествующего периода развития страны.

В итоге становилось очевидным, что ранее искусственно купированная государством роль религии в обществе, базирующаяся на основополагающих для данной сферы мировоззренческой, аксиологической, коммуникативной, регулятивной и даже психолого-терапевтической функциях, определяется в качестве одной из важнейших системообразующих составляющих социальных отношений в демократическом государстве, которым и провозгласит себя Российская Федерация, закрепив это положение в Конституции, принятой всенародным голосованием в 1993 г.

Одним из первых нормативных актов постсоветского периода, заложившим основы правовых гарантий, закреплённых позднее Конституцией РФ, и обеспечившим в рамках сферы своего регулирования механизм реализации права на свободу совести и вероисповедания, стал Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий» [2].

В качестве одной из основополагающих гарантий «свободы вероисповедания»¹ статьёй 5 Закона

¹ В статье 3 Закона РСФСР провозглашалась «свобода вероисповедания», однако трактовка данного понятия фактически соотносилась с раскрытием содержания понятия «свобода совести». В Законе РСФСР ошибочно смешивали два разных понятия.

РСФСР определялся «светский характер системы государственного образования». В развитие данного положения статьёй 9 было определено, что государственная система образования и воспитания носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии. Кроме того, устанавливалось, что государство уважает свободу ребёнка и его родителей или законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание ребёнка в соответствии с убеждениями по их выбору.

В указанной статье также разграничивались две формы получения знаний о религии, обеспечивающие соответствующее убеждениям религиозное и нравственное воспитание: 1) преподавание вероучений или религиозное воспитание, которое могло осуществляться в негосударственных учебных и воспитательных заведениях, частным образом на дому или при религиозном объединении, а также факультативно по желанию граждан представителями религиозных объединений с зарегистрированным уставом в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях; 2) преподавание религиозно-познавательных, религиозных и религиозно-философских дисциплин, которое могло входить в учебную программу государственных учебных заведений при условии, что оно не сопровождалось совершением религиозных обрядов и имело информационный характер.

Почти сразу после вступления в силу Закона за неточность формулировки критике подверглась вторая часть данной правовой новеллы, сводящая культурологические и религиозные дисциплины, пред-

ставляющие собой научную отрасль гуманитарного (философского и исторического) знания к некоему «разрешительному знаменателю».

Кроме того, такое выделение религиозных дисциплин, поставленных в один ряд с религиозным воспитанием, совершенно не импонировало конфессионально-ориентированным кругам общества, упрекающим такие дисциплины в «атеистической сущности». Поэтому многие не скрывали своего раздражения данной формулировкой Закона.

Спустя некоторое время выявилась ещё одна «сторона медали» столь расплывчатой формулировки, которая позволяла приходиться в образовательные учреждения любым желающим, чья проповедь не сопровождалась молитвами и богослужениями. Преподавание знаний о религии без приобщения к культовой практике открыло дорогу в образовательные учреждения как рядовым миссионерам и непосредственным служителям культа, так и экстремистам и мошенникам.

Два года спустя начал действовать Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» [3], который в первой своей редакции лишь дважды касался вопросов регулирования интересующей нас сферы.

Так, в статье 1 устанавливалось, что в государственных, муниципальных образовательных учреждениях, органах управления образованием создание и деятельность организационных структур политических партий, общественно-политических и религиозных движений и организаций не допускается. Статья 2 в числе принципов, на которых строится государственная политика в области образования, опреде-

ляла «светский характер образования в государственных, муниципальных образовательных учреждениях».

Безусловно, данные статьи Закона лишь определяли общие рамки взаимоотношений, не фиксируя какую-либо их специфику, но и не отрицая возможность сотрудничества государственных и муниципальных образовательных учреждений с религиозными организациями.

Тем не менее, самым дискуссионным и сложным вопросом в таких отношениях на протяжении более двух десятков лет и поныне был и остаётся вопрос о введении в образовательные программы государственной школы обязательного предмета, направленного на изучение религии. Причём, на первом этапе этих разногласий под общий прессинг взаимного непонимания попадали не только предметы, ставящие целью знакомство с конкретной религией и её вероучением, но также и любые вариации гуманитарных научных дисциплин, знакомящих с религиозным наследием, но имеющих весьма ограниченный контингент подготовленных специалистов.

В целях разъяснения позиции государственной школы в отношении к религии и соответствующих норм, регламентируемых обоими законами РФ «Об образовании» и «О свободе вероисповедания», Министерство образования РФ, декларируя общую озабоченность «в сфере духовного развития личности», направило в субъекты РФ письмо от 19.03.1993 г. № 47/20-11п «О светском характере образования в государственных образовательных учреждениях Российской Федерации», которое, кроме прочего, также отменяло ранние нормативные письма Ми-

нистерства просвещения РСФСР об усилении атеистического воспитания¹.

Однако отсутствие чёткого определения принципа светскости и довлеющее постсоветское понимание обществом другого конституционного принципа, декларирующего отделение религиозных объединений от государства и их равенство перед законом (статья 14 Конституции РФ), на практике в первой половине 90-х гг. XX в. приводили к тому, что предложения религиозных организаций, а также общественников, педагогов-активистов и даже разработчики специалистов религиоведов всячески тормозились или вовсе не допускались в государственные и муниципальные учреждения образования под предлогом реализации указанных принципов. Например, это нашло отражение в воспоминаниях функционера одного из региональных министерств: «В 90-е годы к нам<...> обращались представители разных конфессий с просьбой пустить их в школы, но мы всегда жёстко отказывали, мотивируя, что у нас в стране светское образование. Так что со временем вопрос отпал сам собой, к нам и обращаться перестали» [4].

¹ Были отменены письма Министерства просвещения РСФСР: от 24.08.71 г. №389 «Об усилении атеистического воспитания учащихся общеобразовательных школ и студентов педагогических учебных заведений»; от 09.08.74 г. №357-М «Об усилении научно-атеистического воспитания учащихся общеобразовательных школ и студентов педагогических учебных заведений»; от 09.08.74 г. №357-М «Об усилении научно-атеистического воспитания учащихся средней общеобразовательной школы»; от 15.04.84 г. № 4-14/130/33-24/14-446/16 «О рекомендациях по дальнейшему улучшению атеистической пропаганды среди учащихся в свете решений июньского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС»; от 14.01.85 г. №15-М «Об атеистическом воспитании детей в дошкольных учреждениях».

Однако такая одиозная позиция не могла быть повсеместной и неизменной, и, тем более, никак не препятствовала разработке и развитию различных образовательных курсов и программ, применяемых изначально в негосударственном образовательном секторе, а затем и в рамках наполнения факультативной (элективной) составляющей учебного процесса, расширяющей границы формата классно-урочного расписания в различных образовательных учреждениях. Огромные возможности в этом направлении представляла система дополнительного образования детей через реализацию авторских образовательных программ в области культуры, этики, патриотического и нравственного воспитания. Во многих регионах России во второй половине 90-х гг. активно создавались и функционировали подобные центры дополнительного образования.

В тот же период, в 1992–1997 гг., была проведена объёмная работа по обновлению нормативно-правового обеспечения гуманитарного, в том числе религиоведческого, образования. В 1993 г. Классификатором направлений и специальностей высшего профессионального образования были введены направления «Теология» и «Религиоведение» (уровни бакалавра и магистра). Первый стандарт бакалавриата по религиоведению и теологии утверждается в декабре того же 1993 г. Проходит ещё немного времени – и утверждаются стандарты магистратуры (1996 г.) и специалитет по религиоведению (1997 г.)¹. Религиоведческая тематика

введена также в специальные для всех курсов дисциплины гуманитарного цикла – философию, культурологию и т.д.

Кроме того, Приказом № 47 от 15.02.96 г. Министерство образования РФ в целях формирования объективных представлений о религиях и совершенствования преподавания в школах и учреждениях внешкольного дополнительного образования истории религии и других религиоведческих дисциплин определило необходимость более широкого привлечения специалистов – учителей и педагогов дополнительного образования, имеющих специальную профессиональную подготовку.

Но уже через год, в 1997 г., Министерство общего и профессионального образования РФ, ссылаясь на данный приказ, а также на более раннее инструктивное письмо Министерства образования РФ (1993 г.), настоятельно потребовало в письме от 15.05.97. № 230/ 35-15 неукоснительного соблюдения принципа «светского характера содержания образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях», а также затребовало у субъектов РФ представить «информацию о соблюдении законодательства в процессе освоения религиоведческих дисциплин», под общее определение которых, следуя трактовке данного письма, подпадали любые вариации преподавания знаний о религии или изучения религии (вероучения) как таковой, которые, согласно тону письма, не приветствовались в совокупности, в связи с недостаточным обеспечением «принципов светскости» в том виде, какими их трактовали в Министерстве.

¹ Специальность 031901 «Теология» реализуется в системе высшего профессионального образования с 2002 года порядка 10 лет – на основе поликонфессиональной структуры ГОС, и затем – ФГОС.

И всё же, со временем начинает учитываться ранее малоизвестный зарубежный опыт, демонстрирующий признание в системе образования разных стран значимости изучения религии (вероучения) либо культурно-исторических основ религии в деле воспитания в духе гражданских, этнических, нравственных, эстетических и семейных традиций. В условиях широкой информированности о зарубежном опыте конституционные принципы светскости и отделения религиозных объединений от государства постепенно переосмысляются российским обществом и по-иному раскрываются на практике, трансформируясь в рамках целенаправленно реформируемого и совершенствуемого законодательства и нормативного регулирования. Российская система образования постепенно переходит от модели дискредитации и вытеснения религии к модели взаимного диалога в вопросах организации воспитательного и познавательного пространства образовательного учреждения в качестве своеобразной формы жизнедеятельности, которая выводит обучающихся в мир культуры, расширяет возможности личностного и нравственного саморазвития, мировоззренческого самоопределения.

В образовательной сфере этот вопрос разрешается разведением понятий процесса обучения (знакомства) школьников с религиозным наследием народов России и мира в рамках культурологического, религиозно-познавательного, религиоведческого дискурса, формирующего в итоге соответствующее содержание школьной урочной предметики, с одной стороны, и про-

цесса обучения детей собственно религии (вероучению) – с другой.

Работа в части организации знакомства школьников с религиозным наследием народов России и мира, проведённая педагогами-активистами, научными, общественными и религиозными организациями, становится востребованной в рамках содержательного наполнения компонентой структуры Государственного образовательного стандарта (далее – ГОС), регламентированной статьёй 7 Закона «Об образовании».

В итоге со второй половины 1990-х гг. во многих субъектах РФ постепенно утверждаются собственные региональные концепции и программы наполнения регионального (регионально-национального) компонента ГОС или положения об обеспечении деятельности особого типа школ, реализующих программы с этнокультурной спецификой. И во многих документах такого рода в качестве обязательных задач образования определяется необходимость введения предмета или предметов (по годам и уровням образования), знакомящих школьников с религиозной культурой.

Но процессу изучения истории и культуры религий мешал недостаток добросовестно разработанных учебных пособий, их полное отсутствие главным образом в школьных библиотеках, что определяло невозможность для обучающихся изучать данный предмет самостоятельно в рамках подготовки к отдельным темам по учебным предметам «история», «литература», «обществознание», «мировая художественная культура», «окружающий мир», «изобразительное искусство» или в рамках факультативных

(элективных) занятий, а для администрации школы – сделать такой предмет обязательной дисциплиной.

В то же время авторы разрабатываемых в регионах образовательных программ по истории и культуре религий декларировали в своих трудах весьма претензионные цели и задачи, претендуя в своих разработках на то, что такие знания, получаемые учащимися в школе, имеют не просто познавательное, но и социокультурное значение. Такое знакомство по своей содержательной сути должно переводить разговор о религии в русло, определяющее возможным взаимопонимание между людьми разных убеждений. В идеале именно в этом заключается воспитательная функция знаний о религии в образовании, их роль посредника в межкультурных контактах и социализации ребёнка как одной из важнейших функций системы образования.

Конечно, такие высокие цели и сложные задачи было по силам решить лишь немногим педагогам-эрудитам или коллективам специалистов учёных и педагогов, ориентированных на воспитание и развитие качеств личности, отвечающих задачам построения гражданского общества на основе толерантности, диалога культур и уважения многонационального, поликультурного и поликонфессионального состава российского общества. Поэтому результаты такой работы очень часто подвергались и подвергаются до настоящего времени фундаментальной и справедливой критике, которая не должна и может сводиться к бытовым в некоторых конфессиональных кругах характеристикам об «агрессивных нападениях атеистов» или к «чиновничьему произволу».

Что касается процесса обучения детей собственно религии (вероучению), термин «религиозное образование» впервые появляется в новом Федеральном законе от 19.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹, который пришёл на смену Закону РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 г.

Более того, данное понятие было вынесено в заголовок статьи 5 Федерального Закона, а содержание статьи охватывает право религиозных организаций создавать собственные образовательные учреждения и, помимо этого, обучать вероучению школьников, обучающихся в государственных и муниципальных учреждениях, непосредственно на месте, в собственной школе, но вне рамок образовательной программы по просьбе родителей и по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления.

Безусловно, положения данной статьи Закона «О свободе совести», не относящегося к сфере образовательного законодательства в РФ, требовали дополнительной трансляции и разъяснений для руководителей сферы образования всех уровней и педагогической общественности на местах. Тем более, что в какой-то момент в сфере регулирования вопросов взаимодействия религиозных организаций и государства складывается парадоксальная ситуация, когда единственными документами, регулирующими данную сферу, становятся письма Министерства образования РФ прежних лет, трактующие нормы прекратившего действие законодательства.

¹ Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

Новое письмо появляется спустя два года, когда указанное Министерство направляет в субъекты РФ и подведомственные учреждения информационное письмо от 04.06.99 № 19-53-28Ин/14-04 «О предоставлении религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ в помещениях государственных и муниципальных образовательных учреждений».

Но, несмотря на появление немногим позднее аналогичного письма от 09.12.99. №5925, подписанного Патриархом Алексием II и адресованного в епархии РПЦ, содержащего рекомендации по организации обучения православия учащихся государственных и муниципальных образовательных учреждений, данные письма не возымели на местах должного эффекта, не говоря уже о том, что другие централизованные религиозные организации (далее – ЦРО) никак не участвовали в данном «информационном ликбезе», не имея на своём уровне достаточной информации об этой работе.

Такой результат был связан с вполне объективными причинами. Для запуска процесса обучения религии требовалось слаженное действие сразу нескольких сторон: родительской общественности, религиозных организаций и администраций школ. Последние в данном случае могли лишь занять выжидательную позицию, для деятельности религиозных организаций требовалась инициатива родителей школьников (и только в тех случаях, когда дети желающих получить такое обучение по месту жительства проживали бы компактно и относились к одной школе). На практике же

дети, посещающие воскресные школы и, следовательно, получающие религиозное образование в согласии с желанием семьи, обучались в общеобразовательных школах, расположенных в разных местах, что сводило новую инициативу к минимуму востребованности.

Спустя четыре года Министерство образования РФ предприняло вторую попытку и утвердило приказ от 1 июля 2003 г. № 2833 «О предоставлении государственными и муниципальными учреждениями религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ» (зарегистрирован в Минюсте России 5 августа 2003 г. № 4955). Данный нормативный акт получил большой резонанс и был отмечен как важный многими ЦРО. В совокупности с подробными инструкциями 1999 г. по организации обучения детей религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, в которых помимо собственно законодательной фабулы давались разъяснения по поводу организации подготовительного процесса для такого обучения (как правильно оформлять просьбу родителей (законных представителей) обучающихся, кто из религиозных организаций имеет право на такое обучение, каким образом данное право должно быть оформлено в представленных документах (свидетельство о регистрации юр. лица и необходимая запись об образовательных функциях в уставе), как должна маркироваться учебная и методическая литература, какие органы школы должны принимать участие в решении об организации процесса

обучения детей религии и пр.). Всё это в совокупности было направлено на решение задач необходимого «содействия государства религиозным объединениям в реализации ими общественно значимых культурно-просветительских программ и мероприятий», как говорилось в тексте приказа.

При этом, даже спустя некоторое время данное российским и международным законодательством право, получившее развитие в этом приказе Минобрнауки России, использовалось религиозными организациями крайне редко. Так, по итогам мониторинговых исследований, проведённых в 2004 / 2005 учебном году, для религиозного обучения помещения государственных и муниципальных образовательных учреждений использовались в 11 субъектах РФ (как правило, в одной-двух школах региона)¹. Спустя 4 года, в 2008 / 2009 учебном году, заключение подобных договоров на местном уровне, инициированное самими школами (родительскими коллективами), было зафиксировано в единичных случаях. Подавляющее большинство отчётности субъектов РФ по реализации данного права было связано с закреплением этой нормы в договорных документах о взаимодействии с религиозными организациями на региональном уровне, на основании которых помещения предоставлялись всего в 90 школах страны (из них 39 – в Центральном федеральном округе

¹ Об обучении истории и культуре религии в РФ. Отчёт на основе данных, поступивших в Минобрнауки России за 2004 / 2005 учебный год // Отчёт ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» по исполнению НИР Минобрнауки России, ГК от 17.05.2006 г.

и 46 – в Приволжском федеральном округе)².

Другой новеллой Закона «О свободе совести» стало содержание статьи 19, регулирующее образовательную деятельность учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений). Религиозные организации получили исключительное право создавать такие учреждения для подготовки слушателей и религиозного персонала. При этом такие учреждения подлежали регистрации в качестве религиозных, а не образовательных организаций. Но в то же время Законом устанавливалась необходимость получения такими духовными учреждениями государственной лицензии на право осуществления образовательной деятельности.

Таким образом, учреждения профессионального религиозного образования с учётом всех принципиальных отличий от других негосударственных образовательных учреждений становились (на основе получаемых государственных лицензий на право осуществления образовательной деятельности) составной частью системы образования Российской Федерации.

В то же время такие духовные учреждения не являлись «образовательными учреждениями» в том смысле, как это понималось в Законе «Об образовании», поскольку узкопрофессиональная образовательная деятельность (по своему характеру не соответствующая светским стандартам) по подготовке слушателей и религиозного персонала имеет для каждой религиозной организации свою

² Рабочий архив Департамента государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования Минобрнауки России. 2009 г.

исключительную специфику, оформляемую в собственную образовательную программу, контролируруемую и регулируемую внутри религиозной организации, безотносительно вхождения в некое общее поле образовательного пространства страны.

Дополнительная специфика функционирования таких учреждений заключалась в том, что при определении их образовательного статуса законодательством РФ не предусматривалась возможность наделения указанных учреждений правом реализовать образовательные программы на основе государственных образовательных стандартов и, соответственно, выдавать выпускникам, успешно закончившим обучение, дипломы государственного образца по «светским специальностям».

Включение данной категории учреждений в сферу аккредитуемых (т.е. распространение на такие религиозные организации другой важной части федерального образовательного законодательства) произошло с принятием Федерального закона № 14-ФЗ от 28.02.2008 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части лицензирования и аккредитации учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений)» [12].

Данный закон также вызвал волну непонимания общественности, посчитавшей его нарушением конституционного принципа отделения религиозных объединений от государства (статья 14 Конституции РФ). В данном случае многие эксперты, опираясь на формулировку статьи 33 Закона «Об образовании» (в которой было установлено, что свидетельство о государ-

ственной аккредитации образовательного учреждения подтверждает его государственный статус), сочли, что таким образом, через аккредитацию религиозные организации становятся государственными учреждениями.

Однако Законом от 28.02.2008 г. особо предусматривалось, что в том случае, если учреждение религиозного профессионального образования пройдет государственную аккредитацию по программам, по которым установлены ГОС профессионального образования, ему не будет устанавливаться государственный статус (т.е. на практике – тип и вид образовательного учреждения в свидетельстве указаны не будут), поскольку государственные требования к структуре и условиям реализации образовательных программ в случае получения соответствующей лицензии будут предъявляться только к тем программам, по которым установлены государственные стандарты, а не ко своей деятельности учреждений профессионального религиозного образования.

Также нововведением были озадачены ЦРО, которые никогда ранее не имели возможности реализовывать образовательные программы на основе ГОС, и в результате не могли при лицензировании образовательной деятельности по программам на основе таких стандартов подтвердить должную (научную) квалификацию своих педагогов, имеющих богословские учёные степени и звания.

Подробные разъяснения по реализации положений данного Федерального закона были даны представителям всех ЦРО, а также ряду представителей других организаций, заинтересованных в данных вопросах, в апреле

2008 г. на специальном совещании в Минобрнауки России. А для разрешения возникших в ходе последующей реализации норм закона проблем в части наиболее болезненных вопросов о подтверждении образовательного ценза преподавательского состава духовных образовательных учреждений, Рособрнадзором был утверждён временный Приказ от 13.02.2009 г. № 304 (до соответствующего урегулирования вопроса Правительством РФ), предусматривающий возможность отнесения кандидатов и докторов богословия к лицам с учёными степенями и учёными званиями.

В результате грамотных и быстрых действий Министерства по разъяснению специфики нововведений в образовательном пространстве удалось избежать длительной и болезненной рефлексии общества в вопросе развития отношений государства и религиозных объединений, как это случилось несколькими годами ранее, когда впервые на всех уровнях заговорили о клерикализации системы образования в связи с письмом Министра образования РФ Филиппова В.М. в субъекты РФ от 22.10.2002 г. № 14-52-87ин/16, сопроводившего материалы, предназначенные «для оказания методической помощи работникам органов управления образованием, руководителям образовательных учреждений, методических центров, разработчикам учебно-методического обеспечения учебных курсов православной культуры, преподаваемых в рамках регионального (национально-регионального) компонента образования и компонента образовательного учреждения».

Православные деятели восприняли письмо Министра В.М. Филиппо-

ва как начало нового этапа взаимодействия церкви и государства в области образования. Однако другие ЦРО отнеслись к данному факту весьма настороженно, особенно когда дискуссия захлестнула СМИ и перешла на уровень обсуждения региональными парламентариями, как это было в Республике Татарстан.

Депутаты Госсовета Татарстана в ноябре 2002 г. приняли обращение к руководству страны, в котором Парламент Татарстана не исключал возможности, что «преподавание этого предмета [Православной культуры] в качестве одной из основных учебных дисциплин в многоконфессиональном и многонациональном государстве может привести к дестабилизации в нашем обществе, обострению и без того непростой ситуации в межнациональных отношениях» [9].

Видя такую бурную реакцию, Генеральный секретарь Конференции католических епископов России священник Игорь Ковалевский в ходе дискуссии, специально организованной на радио «Эхо Москвы», также отметил, что Россия является многонациональной и многоконфессиональной страной, в связи с чем «преподавание основ православной или любой иной конфессиональной культуры может привести к некоему обострению в нашем обществе» [6].

Более всего критике подвергся учебник А.В. Бородиной «Основы православной культуры» и другие её разработки, предложенные в упомянутых материалах, прилагавшихся к письму Министерства образования РФ от 22.10.2002 г., в качестве основы для разработки примерного содержания образования по учебному пред-

мету «Православная культура». При этом Министерство не учло, что по итогам перекрёстных экспертиз учебника данного автора ещё с июня 2002 г. разгорелись взаимные обвинения его сторонников [1] и противников [5], переместившиеся в суд со встречными обвинениями в разжигании розни, длившиеся почти год.

В связи с общественным резонансом, последовавшим после направления письма в субъекты РФ, Министерство образования РФ в декабре 2002 г. выпустило официальный пресс-релиз с разъяснениями по вопросу преподавания курса «Основы православной культуры» на факультативной основе, а также направило в регионы письмо от 13.02.2003 г. № 01-51-013ин с дополнительными разъяснениями к ранее (2002 г.) направленной информации, многократно подчёркивающими, что октябрьское письмо Министерства не является ни инструктивным, ни рекомендательным и курс «Основ православной культуры» не рассматривается Министерством в качестве обязательного.

Спустя ещё некоторое время Минобразования России издаёт приказ от 09.06.2003 № 2470 «О создании рабочей группы по доработке примерной программы *факультативного* курса «Православная культура» для общеобразовательных учреждений», объясняя это необходимостью повышения качества программно-методического обеспечения по данной проблематике, а также в связи с растущим интересом общества к религии как важнейшему культурологическому феномену.

Однако проблемы, поднятые в ходе развернувшихся дискуссий о рамках участия и критериях равноправного

взаимодействия с государством разных религиозных организаций в сфере регулирования процессов гуманитарного образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, не были до конца исчерпаны ни тогда, ни долгое время после этого, как, наверное, и сейчас. Данное положение дел в тот период определило появление осенью 2006 г. просьбы Уполномоченного по правам человека в РФ Лукина В.П., адресованной уже другому Министру – Фурсенко А.А., об отзыве письма от 22.10.2002 г. № 14-52-87ин/16, столь будоражившего общественность¹.

На фоне этих перипетий происходит радикальное изменение основ законодательства в рассматриваемой сфере. В соответствии с Комплексом мероприятий по реализации приоритетных направлений развития системы образования РФ Минобрнауки России был разработан и представлен на обсуждение общественности проект федерального закона, которым предлагалось изменить понятие, структуру и порядок принятия ГОС.

Министерство объясняло, что суть данной реформы назрела давно. Компонентная структура ГОС, в первоначальной редакции состоящая из 2-х уровней – федерального и регионального (регионально-национального), позже дополненная «компонентом образовательного учреждения» (2000 г.), была весьма тяжеловесна и сложна, особенно для системы общего образования. В результате к началу 2000-х гг. только 13 из 88 субъектов РФ

¹ Просьба не могла быть выполнена ввиду того, что указанное письмо являлось сопроводительным и не подлежало процедуре отзыва или отмены.

приняли собственный региональный компонент в отношении общего образования, и только в части одной из составляющих стандарта – минимума содержания образования.

К тому же, компонентное деление не в полной мере отвечало требованиям пункта 5 статьи 43 Конституции РФ (принятой позднее, чем Закон «Об образовании», что обусловило данное расхождение), которая предусматривает установление Российской Федерацией только федерального государственного образовательного стандарта (далее – ФГОС).

В результате обсуждения и ожесточённых споров, несмотря на большое количество противников данного проекта, в том числе среди ЦРО, привыкших к тому, что во многих субъектах РФ практика преподавания учебных предметов культурологического характера, знакомящих обучающихся с историей и культурой религий, давно сложилась в рамках действия компонентной структуры ГОС, всё же было принято предложение Министерства о преобразовании ГОС во ФГОС в результате введения в действие Федерального закона от 01.12.2007 г. № 309-ФЗ [11].

Кроме реформы структуры образовательного стандарта этот закон привнёс изменения, которые впервые в качестве одной из основных задач содержания образования в РФ определили формирование духовно-нравственной личности (статья 14, п. 2.). Помимо этого, выделенные в Законе важнейшие приоритеты содержания образования, продолжали определять критерии интеграции личности в национальную и мировую культуру; формирование человека и граждани-

на, интегрированного в современное ему общество.

После вступления в силу указанных «революционных» для образовательного законодательства изменений начинается разворачиваться масштабная работа по созданию ФГОС, отвечающих закреплённым в Законе приоритетам, построенным на принципах гуманистического характера образования.

В рамках подготовки ФГОС общего образования Министерством было организовано обсуждение актуальных вопросов государственной политики в сфере образования и духовно-нравственного воспитания. Обсуждение проекта ФГОС общего образования было возложено на Российскую академию образования (РАО), при Президиуме которой в 2008 г. была создана специальная экспертная поликонфессиональная рабочая группа. Откликнувшись на просьбу Минобрнауки России и РАО, предложения по наполнению духовно-нравственной составляющей ФГОС нового поколения представили многие ЦРО: православные, мусульмане, иудеи, протестанты, католики.

Параллельно, в целях изучения родительского запроса на получение школьниками знаний о духовных и нравственных традициях, основанных на духовных, в том числе религиозных или иных этнокультурных, мировоззренческих ценностях, в 2008 / 2009 учебном году Минобрнауки России инициировало проведение в 12 субъектах РФ специального анкетирования родителей.

Согласно полученным данным опроса, порядка 64 % родителей высказали положительное отношение к введению в учебные программы общеобразова-

тельных школ предметов по истории и культуре религии (отрицательно – 15 %, безразлично – 8 %). При этом все родители, а также педагоги отмечали, что преподавание основ религиозной, а также нерелигиозной культуры в общеобразовательной школе несёт с собой необходимость решения сложных этических, правовых, психологических, культурологических, дидактических и воспитательных проблем.

Ввиду имевшихся разногласий, работа велась медленно, и многие стороны это не устраивало. В итоге, продолжающиеся периодически вспыхивать бурные дискуссии на обозначенную тему, были купированы решением самого высоко уровня.

С учётом данных существующего образовательного запроса родительского сообщества, как отклик на просьбы ЦРО, прозвучавшие летом 2009 г. на встрече с Президентом РФ Д.А. Медведевым, в учебный процесс школ страны по прямому поручению Президента РФ от 2 августа 2009 г. № Пр-2009 г. после опытной трёхгодичной апробации в 2012 г. был введён новый комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (курс ОРКСЭ), состоящий из 6 отдельных для изучения по выбору родителей (законных представителей) обучающихся модулей: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур, основы светской этики.

Введение данного 6-модульного курса также породило множество вопросов и проблем, связанных с его правовым и методическим обеспечением в школе, имевшей ранее вари-

ативность выбора учениками предмета для изучения только по предмету «иностранный язык», но и такая вариативность была представлена в большинстве образовательных учреждений страны весьма скудно.

Тем не менее, ещё на этапе апробации, несмотря на вполне ожидаемые нелестные результаты, проект получил высокие оценки у родителей, педагогов, религиозной и светской общности, что было подтверждено в ходе социологического исследования, инициированного Общественной палатой РФ [8].

Однако на этом введении также не была поставлена точка. Поддерживая предложения Московского патриархата Русской православной церкви, высказываемые неоднократно на протяжении последних лет, 14.05.2015 г. глава комитета Госдумы РФ по вопросам семьи, женщин и детей Е. Мизулина предложила преподавать школьный курс «Основы религиозных культур и светской этики» с 2-го по 9-й классы школы во всех средних общеобразовательных школах страны.

Ранее 03.04.2015 г. предложения Патриарха Кирилла не были поддержаны Общественным советом при Минобрнауки России. Министр Д.В. Ливанов по этому поводу сообщил: «С момента введения курса прошло всего несколько лет. Вопрос о его расширении можно обсуждать, но пока у нас нет данных о том, насколько это полезно. Чтобы принимать решение, должно пройти ещё несколько лет. Если будем уверены, что расширение окажется полезным, не исключая, что решение будет принято» [7].

Важно отметить, что введение курса ОРКСЭ в образовательный про-

цесс в общероссийском масштабе 1 сентября 2012 г. ровно на год опередило вступление в силу нового законодательства, регулирующего данную сферу в целом в связи с принятием Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [13].

Важной новеллой нового Закона стало то, что ранее основой государственной политики РФ в области образования являлась Федеральная целевая программа (ФЦП) развития образования, утверждаемая Правительством РФ, а новый Закон, также упоминая разработку, утверждение и исполнение ФЦП в области образования, не определяет её основой государственной политики, сводя её лишь к полномочию федеральных органов. Конкретные принципы государственной политики были установлены самим Законом и сохранились без радикальных изменений по отношению к ранее действующему законодательству.

В частности, неизменным остался принцип светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, ставших теперь в соответствии с общими нормами законодательства РФ «организациями».

В развитие положений о светскости образования, впервые в истории в новый Закон была включена статья 87, касающаяся особенностей регулирования вопросов изучения основ духовно-нравственной культуры народов РФ, а также особенностей получения теологического и религиозного образования.

Эксперты полагают: «По замыслу законодателя, с 1 сентября 2013 г.

«светскость» образования может предполагать (в том числе путём изменения соответствующих ФГОС) изучение учебных предметов, курсов, дисциплин об основах духовно-нравственной культуры народов РФ, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии, либо альтернативные им учебные предметы, курсы, дисциплины. Отметим, что речь в статье 87 идёт об основных образовательных программах, то есть изучение основ духовно-нравственной культуры предусмотрено, в соответствии с типологией образовательных программ в рамках образовательных программ дошкольного образования, начального общего, основного общего, среднего общего образования (то есть в школе); среднего профессионального образования – программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих, специалистов среднего звена; высшего образования – программ бакалавриата, специалитета, магистратуры, программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), программ ординатуры, программ ассистентуры-стажировки; профессионального обучения – программ профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих, программ переподготовки рабочих, служащих, программ повышения квалификации рабочих, служащих. Таким образом, обязанность изучения основ духовно-нравственной культуры может быть распространена на чрезвычайно широкую аудиторию. Закон предусматривает строгую увязку сведений о духовно-нравственной культуре народов России, нравственных принципах и традициях миро-

вой религии, так как предусматривает экспертизу примерных основных образовательных программ в части указанных сведений, в централизованной религиозной организации на предмет соответствия их содержания вероучению, историческим и культурным традициям этой организации» [10].

Кроме того, важно отметить, что в соответствии с нормами нового Закона, согласно мнению экспертов, «заключение трудового договора между школой и, например, священником, имеющим педагогическую квалификацию, и поручение ему учебной работы в виде проведения определённых уроков полностью соответствует Закону» [10].

В то же время стоит отметить, что согласно части 3 статьи 48 нового Закона педагогическим работникам запрещается использовать образовательную деятельность для принуждения обучающихся к принятию религиозных убеждений либо отказу от них, для разжигания религиозной розни, для агитации, пропагандирующей исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку религиозной принадлежности, их отношения к религии, в том числе посредством сообщения обучающимся недостоверных сведений об исторических, о национальных, религиозных и культурных традициях народов.

Следовательно, кто бы ни преподавал такого рода предмет, его манера преподавания и ведения воспитательной и иной педагогической деятельности должна быть максимально корректной и нейтральной. В противном случае преподавание курса духовно-нравственной культуры народов России, уже представленной в учебном

процессе модульным курсом ОРКСЭ, может превратиться в религиозную (или атеистическую) пропаганду или привести к конфликту, что недопустимо с точки зрения основной фабулы Закона.

Наряду с нормами, гарантирующими светский характер образования, в статье 87 Закона «Об образовании в Российской Федерации» следует выделить положения, которые, очевидно, будут какое-то время подвергаться серьёзной критике и оспариваться, поскольку они были включены в последний вариант законопроекта и не выносились на широкое обсуждение, будучи при этом весьма спорными. В частности, это касается проведения ЦРО экспертизы примерных основных образовательных программ, касающихся получения обучающимися знаний об исторических и культурных традициях и религии; рекомендаций ЦРО конкретных преподавателей на ведение таких программ; привлечения ЦРО к учебно-методическому обеспечению соответствующих учебных школьных предметов и дисциплин в области теологии; осуществления соответствующей ЦРО некоей «общественной аккредитации» всех образовательных организаций и педагогических работников, которые осуществляют преподавание основ духовно-нравственной культуры и теологии.

Досадным упущением закона, которое, однако, можно считать общей проблемой отечественного законодательства, регулирующего сферу взаимоотношений религиозных организаций и государства, наверное, можно считать неразработанность единой терминологической базы, в частности,

принципов «светскости», «отделённости от государства» и ряда др., что ведёт к дискусионности и непониманию основных понятий собственно религиозной педагогики.

Последние изменения законодательства в рассматриваемой сфере взаимоотношений касались вопросов приведения в соответствие отдельных законодательных актов РФ в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в РФ». В частности, Федеральный закон от 02.07.2013 № 185-ФЗ в статье 50 регулирует данный вопрос в отношении Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», введя также некоторые весьма ожидаемые религиозными организациями, но столь же спорные с точки зрения реализации светских принципов образования новеллы. В частности, речь идёт о том, что согласно введённой норме религиозные обряды могут проводиться в зданиях, строениях религиозного назначения, расположенных на территориях образовательных организаций, а также в помещениях образовательных организаций, «исторически используемых» для проведения религиозных обрядов.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что новое законодательство в сфере образования с момента вступления в силу с 1 сентября 2013 г. Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» существенным образом отличается от всех своих предшественников. Государство на законодательном уровне впервые попыталось найти компромисс между интересами религиозных и нерелигиозных групп населения, при этом значительно меняя свои приоритеты в сторону расширения сферы просвеще-

ния обучающихся по истории и культуре религии. Насколько данные шаги оказались понятны и приемлемы для общества, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бородина А. Иск центра реабилитации жертв нетрадиционных религий памяти А.С. Хомякова [Электронный ресурс] // VIPERSON. 07.01.2003. [сайт]. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=479052> (дата обращения: 23.05.2015).
2. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240.
3. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1797.
4. Мачнева О. Доброго и вечного займём у религии [Электронный ресурс] // Вечерняя Казань. № 27–28. [сайт]. URL: <http://www.evening-kazan.ru/printart.asp?id=21283> (дата обращения: 12.12.2008).
5. Мещанский районный суд опроверг обвинения в адрес учебника «Основы православной культуры» [Электронный ресурс] // Православная народная линия. Информационно-аналитическая служба. 31.03.2003. [сайт]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2003/03/31/mewanskij_rajonnyj_sud_oproverg_obvneniya_v_adres_uchebnika_osnovy_ppravoslavnoj_kul_tury/ (дата обращения: 24.05.2015).
6. На радио «Эхо Москвы» обсуждали преподавание религии в школе. 15.11.02 [Электронный ресурс] // Мир религий. События. 15.11.2002 [сайт]. URL: <http://www.religio.ru/news/4728.html> (дата обращения: 23.05.2015).
7. Общественный совет при Министерстве образования отверг предложение патриарха расширить преподавание в школе курса ОРКСЭ [Электронный ресурс] // СОВА: информационно-аналитический центр. 06.04.2015. [сайт].

- URL: <http://www.sova-center.ru/religion/news/education-culture/religion-school/2015/04/d31698/> (дата обращения: 24.05.2015).
8. Отношение родителей к преподаванию в школах курса «Основы религиозных культур и светской этики». Социологическое исследование по заказу Общественной палаты РФ. М.: Политех, 2010 (ноябрь). 53 с.
9. Парламент Татарстана просит российские власти разобраться с «Православной культурой». 29.11.02 [Электронный ресурс] // Мир религий. События. 29.11.2002. [сайт]. URL: <http://www.religio.ru/29Nov2002/news/4824.html> (дата обращения: 23.05.2015).
10. Разумова И.В. Сравнение постатейное законов об образовании [Электронный ресурс] // Гарант. Информационно-правовой портал [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/58049415/> (дата обращения: 22.05.2015).
11. Российская газета. 05.12. 2007. № 272.
12. Российская газета. 05.03.2008. № 4604.
13. Российская газета. 31.12.2012. № 5976.

УДК 346.176.1

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-43-47

Шаповалов Н.И.*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»***ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ**

Аннотация. Европейский Союз – уникальное международно-правовое объединение, в основе которого лежит ряд теорий международной интеграции, таких как федерализм, функционализм, неофункционализм, и др. Реализация этих теорий, вольно или невольно, приводит к коллизии с национальным суверенитетом государств-членов ЕС. Автор исследует правовые проблемы реализации этих теорий и их влияние на международную и, в частности, на политическую интеграцию, которая представляется выходом Евросоюза из кризиса. Выявляются причины, которые препятствуют осуществлению политической интеграции.

Ключевые слова: Европейский Союз, теории международной интеграции, политическая интеграция, федерализм, функционализм, неофункционализм, национальный суверенитет государств-членов ЕС.

N. Shapovalov*Moscow Financial and Industrial University "Synergy"***THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF INTEGRATION PROCESSES IN EUROPE**

Abstract. The European Union is a unique international legal association based on a number of theories of international integration, such as federalism, functionalism, neofunctionalism and others. The implementation of these theories, whether freely or involuntarily, leads to a collision with the national sovereignty of the EU member states. The author investigates the legal problems emerging due to the implementation of these theories and their influence on international and political integration seen as the possibility for the European Union to escape crisis. The factors are revealed hindering the implementation of political integration.

Key words: the European Union, theories of international integration, political integration, federalism, functionalism, neofunctionalism, national sovereignty of the EU member states.

Сторонники усиления интеграционного процесса в Европе обратили внимание на функционализм, как на возможную теорию международной интеграции, в том числе политической.

Дэвид Митрэни в 1943 г. предложил альтернативный федерализму способ осуществления международной интеграции, названной им «функциональная альтернатива». В своей работе «Рабочая система мира: аргумент в пользу функ-

ционального развития международной организации» [3, р. 3], увидевшей свет в Лондоне в 1943 г., Д. Митрэни предложил иную теорию международной интеграции. В работе была обоснована необходимость сформировать международное правительство, которое будет носить технический характер. Постепенно базисная часть общественного строя государств-членов, по мнению сторонников функциональной теории, должна перейти к институтам, в компетенцию которых войдёт решение этих проблем. При этом сами институты возникали из фактической ситуации, и своим появлением и существованием вписывались в действующее национальное конституционное законодательство государств-членов.

Всё это, по мнению сторонников функциональной, а позднее – неофункциональной, теории международной интеграции приведёт к политической интеграции Евросоюза. В то же время теория федерализма требует значительных конституционных изменений всех национальных Конституций государств-членов ЕС, что сделать очень непросто. Именно на эти моменты сторонники функционализма обращают внимание, когда говорят об альтернативе теории федерализма. Ибо она, как считают функционалисты, не нуждается в создании политического союза, а государства могли бы сформировать отдельные властные функциональные институты для решения узконаправленных функциональных задач.

По мнению функционалистов, представляется важным замечание о функциональных возможностях интеграции, которые определяются сами собой. Точно так же они сами определяют нужду в своих органах и их пол-

номочиях, необходимых для принятия властных решений.

Теоретически всё представляется логичным. Более того, функциональная теория также определяет значение, место и роль принципа пропорциональности и субсидиарности, суть которого – в переливе властных полномочий от национальных структур интеграционным, если нужда в них появляется вдруг, на каком-то этапе осуществления интеграционного процесса.

Однако осуществление интеграционного процесса на основе функционализма, наталкивается на международные проблемы, которые должны будут решать функциональные институты. А значит, их статус не может противоречить национальному конституционному законодательству государств-членов ЕС. Другими словами, функционалисты столкнулись с проблемой ограничения суверенитета, от которой они стремились уйти.

Вопрос о механизме осуществления интеграции по-прежнему остаётся открытым. Дирк Леффен справедливо отмечает: «Уровень централизации и территориального расширения европейской интеграции является результатом межправительственных переговоров и отражает взаимозависимость государств, важность для них решаемых проблем, коллективизм действий и межправительственные предпочтения по их решению» [2, р. 52]. Другими словами, фактически все вопросы европейской интеграции носят международный характер, а значит, решаться могут международными инструментами согласно национальному конституционному законодательству.

Проблема преодоления государственного суверенитета при решении вопросов европейской интеграции Дэвидом Митрэни, на наш взгляд, не решена должным образом. Требуют критической оценки его высказывания в более поздних работах о «незаметном» поэтапном изменении национального суверенитета государств-членов ЕС. А передача полномочий международным функциональным органам от национальных институтов не затронет суверенной независимости государств-членов ЕС. Это не самое большое заблуждение Д. Митрэни.

Самое существенное критическое замечание функционализму высказали сторонники неофункциональной теории интеграции: Эрнест Б. Хаас, Л. Линдберг, Ф. Шмиттер, Л. Шейнеман и др. Их взгляды на теорию интеграции значительно отличались от взглядов Д. Митрэни. В частности, они считали, что политическая интеграция возможна только тогда, когда произойдёт отделение политической интеграции от экономической. Критикуя функционализм Д. Митрэни, Э.Б. Хаас утверждает, что власть и благосостояние неотделимы. Благосостояние, как результат экономической интеграции, возможно только тогда, когда оно возникает в пределах границ чисто политических решений.

Важным, хотя и не бесспорным, представляется замечание неофункционалистов о том, что функциональные возможности европейской интеграции ею же определяются. Точно так же они определяют структуру своих органов и их полномочия, необходимые для принятия властных решений.

Можно предположить, что функциональность является исполнительным

инструментом, необходимым для её надлежащей деятельности на каждой стадии интеграционного процесса.

Функциональные решения не могут быть отделены от решения общих проблем. Экономическая интеграция вытекает из функциональной направленности интеграционной эволюции Европейского Союза. Однако реализация её возможна только при наличии политического решения.

Неофункционалисты понимают, что организационные программы, охватывающие все аспекты национальной внешней политики, куда также следует отнести политику безопасности и обороны, едва ли реализуемы. Между тем чётко определённые узконаправленные программы экономических отраслей имеют большие шансы на реализацию. Отсюда следует вывод, что ни одно решение об интеграции не может быть принято и реализовано без соответствующего политического решения, даже при том, что существуют неуловимые различия в природе экономической и политической интеграции.

Идея европейской интеграции, по мнению Э.Б. Хааса, кроется в получении «избытка»¹. А для этого не требуется полного согласия государств, а лишь совпадение схожих интересов в отдельных отраслях. Примером может служить созданная государствами-членами ЕС система органов политической кооперации.

Неофункционалисты считают, что наличие избытка, который вначале появляется при решении узкофункциональных задач, затем охватывает все

¹ Под **избытком** Э.Б. Хаас понимает избытие благосостояния, которое позволяет субъектам правоотношений не стремиться к его излишкам за счёт других субъектов.

другие области интеграционного процесса и будет оказывать давление на области политической интеграции.

Таким образом, чтобы не утратить те положительные результаты, которые получены в результате интеграции в экономических областях, появится политический избыток, защищающий жизненно важные интересы, находящиеся под угрозой.

Учитывая, что экономическая интеграция всё-таки несколько отличается от политической и имеет тенденцию к ускорению с охватом всё более широких областей, тем самым она будет всё больше посягать на политическую сферу.

В подобных суждениях неофункционалистов, бесспорно, есть определённый резон, однако практика показывает, что политическая интеграция отнюдь не вытекает из экономической; напротив, всем шагам в области экономической интеграции предшествовали политические решения, согласованные с соответствующими национальными институтами государств-членов ЕС. При этом правовая природа этих решений носила международный характер.

Понимая сложность своей позиции, сторонники неофункциональной теории всё-таки допускают автономию политической воли. Несмотря на давление со стороны интеграции и её стремление к унификации, политические позиции государств-членов ЕС настолько сильны, что перелив компетенции от национальных институтов функциональным органам в полной мере зависит от национальных правительств государств-членов, которые определяют это путём принятия соответствующих межправительственных соглашений, в которых выражается их политическая воля.

С другой стороны, неофункционализм не определяет конечную цель интеграции, понимая интеграцию как процесс, как систему процессуальных действий. Эта особенность неофункциональной теории оказала влияние на договорную практику Европейского Союза, что имеет колоссальное значение для прогресса европейского интеграционного образования, благодаря чему интеграционный процесс приобретает перманентный характер, сходный с походом к горизонту, который виден и определён, но достичь его невозможно.

С другой стороны, для успеха интеграционного процесса требуется механизм его реализации и частично суверенные полномочия государств-членов ЕС, которые должны быть переданы институтам интеграции, то есть фактически наднациональным учреждениям, обладающим суверенными правами государств. Однако, стремление к созданию наднационального государства для осуществления неофункционалистской интеграции, требует всё больше и больше полномочий от национальных властей, в том числе и политических решений, для создания избытка для населения государств-членов ЕС.

Вместе с тем, неофункционалистская интеграция, по мнению Э.Д. Хааса, возможна при условии, что государства обладают либерально-демократической правовой базой, примерно одинаковым уровнем экономического развития, стремящихся к унификации принятия решений в наднациональных институтах, создающих экономический и политический избыток.

Неофункциональная теория сегодня представляется не процессом, как

видит её Д. Мэтимер, а скорее методом осуществления европейской интеграции. Во всяком случае, об этом свидетельствует практика правоприменения в Европейском Союзе. Так, Концепция безопасности Евросоюза, принятая 12 декабря 2003 г. Европейским советом, закрепила идею создания вокруг ЕС буфера государств с демократической формой политического режима и «комфортными» правительствами.

Реальная жизнь показала несостоятельность данных идей, ввергнув Евросоюз в системный, по мнению председателя Европарламента М. Шульца, кризис. Стремясь преодолеть его, председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер предложил создать общеевропейскую армию в надежде, что это подвигнет государства-члены ЕС к политической интеграции.

Сомневаясь в этой идее, президент Франции Ф. Олланд прямо заявил о необходимости сформировать правительство, специальный бюджет и парламент Еврозоны [1, р. 2] и тем самым фактически поддержал идею канцлера Германии Ангелы Меркель, допустившей разноуровневую интеграцию внутри Европейского Союза [4, р. 1].

На практике наблюдается полный отход от теории неофункционализма; хотя «сдавать её в архив» рано, отдельные её элементы имплементированы в процесс европейской интеграции.

Подобное явление характерно для зарождающейся федерации. Отсюда напрашивается вывод, что неофункционализм – теория, стремящаяся заместить федерализм, – становится проводником федеральной теории. К тому же, отцы-основатели европей-

ской интеграции при создании Европейского объединения угля и стали в 1951 г. предполагали, что после проведения экономической интеграции последует политическая интеграция, что, в определённой мере, вытекает из теории неофункционализма.

Однако подобным идеям в то время не суждено было сбыться. Стороны Парижского договора 1951 г., в частности, Франция, высказались против внесения в договор положения о политической интеграции, хотя статьёй 20 договора предусматривалась возможность в будущем избирать представительный орган на основе прямого избирательного права объединения.

Несмотря на то что идеи неофункционализма, в определённой части, нашли своё отражение в европейской интеграции, рассматривать неофункционалистскую теорию как бесспорную теорию политической интеграции, без серьёзного анализа конкурирующих теорий, нельзя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Francois Hollande. Ce qui nous menace, ce n'est pas l'excis d'Europe, mais son insuffisance [Электронный ресурс] // Le Journal du Dimanche (еженедельник). 19 juillet 2015. P. 2. Рубрика «Политика». URL: <http://www.lejdd.fr> (дата обращения: 22.07.2015).
2. Leuffen D., Rittberger B., Schimmelfennig F. Differentiated Integration. Explaining Variation in the European Union. PALGRAVE MACMILLAN, 2013.
3. Mitrany D. A Working Peace System: An Argument for the Functional Development of International Organization. London, 1943.
4. Official Journal of the European Union. L serie. № 91. 06.04.2011.

РАЗДЕЛ II. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 34.038

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-48-52

Буданов С.А., Сметанкина Г.И., Шуткина С.А.

Воронежский институт Государственной противопожарной службы МЧС России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ МЧС РОССИИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Аннотация. Одним из направлений дальнейшего снижения количества чрезвычайных ситуаций в настоящее время является совершенствование правового обеспечения профессиональной деятельности сотрудников МЧС России в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. По мнению авторов статьи, одна из проблем связана с большой фрагментарностью законодательства, действующего в этой сфере, что стало причиной появления не только значительного числа противоречий между отдельными законодательными актами, но и пробелов в правовом регулировании. Говоря о проблемах нормативно-правового регулирования в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, необходимо обратить внимание на деятельность надзорных органов в этой сфере.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, правовое регулирование, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, надзорные органы МЧС России.

S. Budanov, G. Smetankina, S. Shutkina

Voronezh Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia

LEGAL REGULATION OF EMERCOM SUPERVISORY BODIES OF RUSSIA PROTECTING POPULATION AND TERRITORIES IN CASES OF EMERGENCY

Abstract. One of the directions of further redundancy of the number of emergency situations at present is seen in the improvement of legal support of professional activity of EMERCOM of

© Буданов С.А., Сметанкина Г.И., Шуткина С.А., 2015.

Russia employees in the field of their protection of the population and territories in emergency situations. One of the problems is associated with a large fragmentation of national legislation in this field that has resulted not only in a considerable number of contradictions between some legislative acts, but also gaps in legal regulation. Speaking about the problems of normative legal regulation in the field of protection of population and territories in emergency situations one should dwell on the activity of supervisory authorities in this field.

Key words: emergency situations, standard legal regulation, protection of the population and territories in emergency situations, EMERCOM supervisory bodies of Russia.

В Российской Федерации (далее – РФ) в 2014 г. произошли 262 чрезвычайные ситуации (далее – ЧС), из них 146 – локальные, 76 – муниципальные, 10 – межмуниципальные, 27 – региональные, 1 – межрегиональная, 2 – федеральные; при этом погибло 567 человек, пострадало 129 869 человек, спасено 34 735 человек. В результате 186 ЧС техногенного характера погибло 556 человек, пострадало 1620 человек, спасено 1063 человека.

Несмотря на то, что по сравнению с 2013 г. общее число ЧС снизилось на 21,79 %, рост ЧС техногенного характера составил 12,05 %. Вследствие этого материальный ущерб от ЧС техногенного характера увеличился с 166,89 миллионов рублей в 2013 г. до 329,57 миллионов рублей в 2014 г. [1].

Указанные статистические данные не могут не обратить на себя внимания и не вызвать тревогу как у специалистов в области защиты населения и территорий от ЧС, так и у руководства страны в целом.

Одним из направлений снижения количества ЧС, на наш взгляд, является реформирование нормативной правовой базы в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

В РФ достаточно развито законодательство в этой области, но для повышения эффективности его примене-

ния необходимо решение некоторых проблемных вопросов.

Одним из них является фрагментарность законодательства, действующего в этой сфере (в общей сложности принято около 2 500 нормативно-правовых актов), что стало причиной появления не только значительного числа противоречий между отдельными законодательными актами, но и пробелов в правовом регулировании.

Помимо совершенствования законодательной базы на федеральном уровне, также необходимо модернизировать муниципальные нормативно-правовые акты по вопросам обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, предупреждения пожаров, ЧС и ликвидации последствий от них.

В целях повышения эффективности деятельности органам местного самоуправления, как нам представляется, необходимо вести работу с населением, направленную на пропаганду культуры противопожарного поведения, на доведение до граждан информации о порядке их действий при ЧС.

Говоря о проблемах нормативно-правового регулирования в области защиты населения и территорий от ЧС, следует обратить внимание на деятельность надзорных органов Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий

стихийных бедствий (далее – МЧС России) в этой сфере, на учёте которых находится 348 115 субъектов надзора [2].

К органам, осуществляющим государственный надзор в области защиты населения и территорий от ЧС, относятся:

– МЧС России в лице Департамента надзорной деятельности и профилактической работы;

– Главные управления МЧС России по субъектам в лице структурных подразделений, к компетенции которых относятся вопросы организации и осуществления государственного надзора в данной области;

– территориальные отделы (отделения, инспекции, группы) [5].

Организационная структура, полномочия и порядок осуществления государственного надзора в области защиты населения и территорий от ЧС природного и техногенного характера определены постановлением Правительства РФ [4], а также Административным регламентом МЧС России [5].

К полномочиям органов, осуществляющих государственный надзор в рассматриваемой области, относятся:

1) организация и осуществление:

– надзора за выполнением существующих требований в области защиты от ЧС и предупреждения ЧС на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения населения (далее – опасные объекты);

– надзора за готовностью должностных лиц, сил и средств к действиям в случае ЧС;

– проведения комплексных проверок на опасных объектах, плановых и внеплановых проверок выполнения требований в области защиты от ЧС;

2) взаимодействие:

– с органами государственного пожарного надзора;

– с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления;

3) анализ:

– эффективности выполнения требований нормативно-правовых актов в области защиты от ЧС;

– деятельности по прогнозированию ЧС, разработке и внедрению показателей риска ЧС в субъектах РФ на опасных объектах;

4) разработка:

– предложений по повышению эффективности мер, направленных на совершенствование профилактической деятельности в области предупреждения ЧС;

– заключений по результатам рассмотрения деклараций промышленной безопасности опасных производственных объектов, проведения специализированной экспертизы градостроительной, предпроектной и проектной документации в области предупреждения ЧС;

5) участие в рассмотрении проектов программ социально-экономического развития территорий, федеральных и региональных целевых программ, а также приоритетных научных и научно-технических программ в области защиты от ЧС;

6) информирование органов государственной власти и населения о принимаемых и принятых мерах;

7) рассмотрение обращений и жалоб граждан, а также юридических лиц [4].

В целях поиска новых, наиболее эффективных подходов осуществления надзорной деятельности по по-

ручению Президента РФ разработана Концепция повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления на 2014–2018 гг. [3].

Коллегия МЧС России, рассмотрев вопросы совершенствования контрольно-надзорной деятельности в областях, отнесённых к компетенции МЧС России, отметила, что за последние годы в этом направлении проведена существенная работа. Но, в соответствии с современной тенденцией развития надзорных органов РФ, необходимо усовершенствовать действующий механизм осуществления надзорной деятельности, внедрить новые подходы в организацию деятельности органов надзора и повысить долю профилактической работы.

В целях сохранения эффективности осуществления надзорными органами МЧС России мероприятий по контролю, дальнейшего повышения уровня защиты населения и территорий от ЧС природного и техногенного характера, а также пожаров и их последствий 18 февраля 2015 г. Коллегия МЧС России утвердила Концепцию основных направлений совершенствования деятельности надзорных органов МЧС России (далее – Концепция МЧС России) [2].

Целью Концепции МЧС России является установление базовых системообразующих правил организации и осуществления деятельности надзорных органов МЧС России, а именно:

- построить эффективную систему взаимоотношений власти, граждан и бизнеса;
- изменить принципы осуществления надзора в отношении органов власти и бюджетных организаций;

- уменьшить излишнее давление на бизнес;

- определить и установить чёткие границы разрешительной деятельности, государственного и муниципального контроля и надзора;

- повысить эффективность и результативность контрольно-надзорной деятельности;

- развить правовые основы деятельности надзорных органов МЧС России в условиях особых правовых режимов;

- эффективнее использовать бюджетные средства.

Предметом Концепции МЧС России стали отношения, связанные с установлением правовых и организационных основ деятельности надзорных органов МЧС России, предусматривающих определение целей, задач и принципов осуществления государственного и муниципального контроля (надзора), а также их ресурсного обеспечения и оценки эффективности и результативности.

Реализация Концепции МЧС России запланирована в II этапа.

На I этапе (2015–2017 гг.) предусматривается:

- утвердить план мероприятий по реализации Концепции МЧС России;

- разработать проекты нормативных правовых актов, направленных на реализацию положений Концепции МЧС России;

- разработать и откорректировать федеральные целевые программы по основным направлениям реализации Концепции МЧС России.

На II этапе (2017–2020 гг.) предполагается:

- внести изменения в действующие и разработать новые нормативные

правовые акты Российской Федерации и нормативные документы;

– проанализировать проделанную работу и (при необходимости) откорректировать мероприятия, предусмотренные Концепцией МЧС России;

– спланировать развитие деятельности надзорных органов МЧС России на последующие годы.

Как нам представляется, поэтапная реализация Концепции МЧС России позволит усовершенствовать действующий механизм осуществления надзорной деятельности, внедрить инновационные подходы в организацию деятельности органов надзора, повысить долю профилактической работы, при этом сохранить эффективность осуществления надзорными органами МЧС России мероприятий по контролю, повысить уровень защиты населения и территорий от ЧС природного и техногенного характера, а также от пожаров и их последствий на территории РФ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2014 году». М.: МЧС России, ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. 352 с.
2. Концепция основных направлений совершенствования деятельности надзорных органов МЧС России (утв. решением Коллегии МЧС России 18.02.2015 № 4/II) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mchs.gov.ru/upload/site1/document_file/y3v03UVQHw.pdf (дата обращения: 10.11.2015).
3. Концепция повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления на 2014–2018 годы (проект) [Электронный ресурс]. URL: <http://ar.gov.ru/files/library/1429295450.src.doc-d> (дата обращения: 09.11.2015).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2005 №712 (ред. от 05.06.2013) «Об утверждении Положения о государственном надзоре в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществляемом Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. №50. Ст. 5299.
5. Приказ МЧС России от 26.06.2012 №359 (ред. от 05.10.2015) «Об утверждении Административного регламента Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий исполнения государственной функции по осуществлению государственного надзора в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Российская газета. 2012. 8 августа.

РАЗДЕЛ III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК: 347.952.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-53-57

Белянов Ю.В.

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г. Москва*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АРЕСТОВАННОГО ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В данной статье автором проведена работа по исследованию процесса реализации арестованного судебными приставами-исполнителями имущества должников, в рамках ведущегося исполнительного производства в Российской Федерации, исследованы основные способы реализации имущества. Уделено внимание тем факторам, которыми обусловлены сроки реализации имущества на торгах или при комиссионной продаже. Выявлены основные проблемы, связанные с реализацией имущества на всех этапах продажи, проведена сравнительная характеристика с аналогичными процессами реализации, действующими в иностранных государствах. На основании проведённого исследования автором разработаны рекомендации по изменению действующего законодательства Российской Федерации, направленные на повышение эффективности процесса реализации арестованного имущества и оптимизации сроков её осуществления.

Ключевые слова: взыскатель, должник, судебный пристав, взыскание долга, реализация имущества должника, проблемы реализации, исполнительное производство.

Yu. Belyanov

Plekhanov Russian University of Economics

THE ISSUES OF ARRESTED PROPERTY REALIZATION AND THEIR SOLUTIONS

Abstract. In this article, the author studies the process of arrested property realization provided by bailiffs within the frameworks of enforcement proceedings in the Russian Federation. The main ways of arrested property realization are examined. The author focuses on the terms of arrested property realization through auction or commission sale and reveals the main problems connected with arrested property realization at all stages. A comparative study is made of the process of arrested property realization in Russia and foreign countries. Based on the research the author develops some recommendations for changing the current legislation of the Russian Federation aimed at providing the effectiveness of arrested property realization process and optimization of its terms.

Key words: claimant, debtor, bailiff, debt collection, arrested property realization, problems of realization, enforcement proceedings.

Центральное место в исполнительном производстве занимает реализация арестованного имущества, сроки проведения которой регулируются ч. 6 ст. 87 ФЗ «Об исполнительном производстве»¹ (далее – Закон) и исчисляются со дня вынесения постановления об оценке имущества. Не ранее 10 дней (предоставленных законом для обжалования результатов оценки) и не позднее двадцати дней судебный пристав передаёт имущество на реализацию. Вместе с тем, нормативные документы ФССП устанавливают более строгие сроки для судебных приставов-исполнителей, а именно, в соответствии с п. 2.3 Приказа ФССП России № 347 от 25.07.2008², судебный

пристав-исполнитель обязан передать в соответствующий территориальный орган Федерального агентства по управлению государственным имуществом (далее – Росимущество), вещь, подлежащую реализации. Такое имущество передаётся в натуре или, в случае, если имущество находится под охраной или на хранении у третьего лица, такая передача осуществляется путём составления акта приёма-передачи. Кроме того, в п. 2.1 данного приказа устанавливается чёткий порядок действий должностных лиц с детализацией сроков. Так, судебный пристав-исполнитель не позднее следующего дня после вынесения постановления о передаче имущества должника на реализацию направляет в Росимущество уведомление о готовности имущества к реализации. Далее Росимущество не более семи дней принимает решение либо о самостоятельной реализации арестованного имущества, либо о привлечении специализированной организации (в качестве которой могут выступать физические или юридические

¹ Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об исполнительном производстве» (ред. от 01.10.2015).

² Приказ ФССП России N 347, Росимущества N 149 от 25.07.2008 (ред. от 15.09.2014) «Об утверждении Порядка взаимодействия ФССП и ФАУТИ по вопросам организации продажи имущества, арестованного во исполнение судебных решений или актов органов, которым предоставлено право принимать решения об обращении взыскания на имущество».

лица, отобранные Росимуществом на конкурсной основе), которая будет заниматься реализацией имущества должника, и затем, не позднее следующего рабочего дня, письменно извещает территориальный орган ФССП России о принятом решении, после чего между ФССП России с одной стороны и Росимуществом с другой (а в случае принятия решения о реализации через привлечённого контрагента – непосредственно со специализированной организацией) осуществляется фактическая передача имущества для последующей реализации в счёт погашения задолженности в соответствии с п. 7 ст. 87 ФЗ «Об исполнительном производстве»¹.

Рассматривая проблемы, связанные с продажей арестованного имущества, прежде всего необходимо определить, чем обусловлены существующие способы, которые законодательно закреплены и применяются для реализации арестованного имущества должников. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» устанавливает два основных способа: реализация имущества проводится либо путём комиссионной продажи, либо путём проведения публичных торгов². Способ реализации определяется в зависимости от вида имущества должника и его стоимости, установленной в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 87 Закона.

Срок проведения комиссионной продажи составляет 1 месяц, что также затягивает исполнительное производство. Нередко выявленное имущество

должника не удаётся реализовать ввиду отсутствия эффективного механизма доведения информации о продаже до широкого круга лиц и неликвидности товара. Решением проблемы ликвидности может выступать создание сети комиссионных магазинов для реализации такого товара. В случае если имущество должников будет передаваться на реализацию в такие магазины, все слои населения получают доступ к реализуемому товару в привычной форме розничной торговли, понятной каждому покупателю, с возможностью физической визуализации приобретаемой вещи. Применение на практике таких мер позволит повысить процент реализации имущества должников и сократить сроки реализации, что, соответственно, оптимизирует сроки исполнения судебных актов. Кроме того, аналогичный опыт реализации имущества должников через специализированные магазины применяется в иных государствах, в том числе в Белоруссии и Казахстане [2].

Форма реализации имущества должника в форме *публичных торгов* предполагает более сложную схему реализации, вместе с тем отчасти похожую на процесс реализации на комиссионных торгах.

Общий срок реализации имущества должника на торгах не должен превышать **двухмесячный** срок, в соответствии со ст. 90 Закона. Таким образом, процесс реализации может затягивать срок исполнения судебного акта дополнительно на двухмесячный срок. Вместе с тем, в соответствии с нормами ст. 36 ФЗ «Об исполнительном производстве», совокупный срок для исполнения всех требований, содержащихся в исполнительном до-

¹ См.: Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об исполнительном производстве» (ред. от 01.10.2015).

² Там же.

кументе, составляет всего два месяца со дня возбуждения исполнительного производства. Поскольку требования исполнительного документа предполагают более широкий перечень действий, направленных на выявление и арест имущества должника, процесс реализации имущества должен быть сокращён до *минимального срока* с целью недопущения коллизии норм права и возможности осуществлять все необходимые исполнительные действия в максимально короткий срок, не нарушающий нормы ст. 36 Закона.

Реализация имущества должников в США осуществляется Службой маршалов путём аукциона и должна быть осуществлена в течение 90 дней [1], однако данный срок исчисляется с момента возбуждения исполнительного производства, и в перечень проводимых мероприятий входит также розыск имущества, который может занимать большую часть времени. В то же время срок реализации активов должника в Российской Федерации составляет совокупно 2 месяца, без учёта срока розыска активов и процесса наложения ареста на выявленное имущество должника, который дополнительно исчисляется двухмесячным сроком. Следовательно, при сопоставлении правовых норм, действующих в Российской Федерации и США, получается, что совокупный срок мероприятий в Российской Федерации составляет минимум 4 месяца (при этом срок не является пресекательным и может быть продлён), а согласно действующему законодательству США, как отмечалось ранее, данный срок составляет 3 месяца и не может быть нарушен. Следовательно, можно сделать вывод о необходимости оптимизации данных сроков в нашей стране.

В этой связи интересен опыт Армении по созданию системы электронного аукциона по реализации имущества должников, действующий в республике уже довольно длительное время, а именно с 2006 г.¹ Длительность публичных торгов составляет всего 10 дней и продлевается на 10 минут в случае поступления нового ценового предложения. Следовательно, двухмесячный срок для проведения торгов, применяемый в нашей стране, является слишком длинным и должен быть оптимизирован. Кроме того, применение аналогичных законодательных изменений в Российской Федерации позволит сократить сроки ведения исполнительного производства, в котором у должника выявлено имущество, подлежащее реализации на торгах.

В законодательстве Финляндии применяется альтернативный способ реализации арестованного имущества, в соответствии с которым судебный пристав обязан размещать объявления о проводимых торгах сразу в нескольких местах, что позволяет охватить более широкий круг потенциальных покупателей, и, что особенно интересно, судебный пристав имеет право дополнительно делать предложения посредством телефонной связи или электронной почты, закреплённый в нормах раздела 22 главы 5 Исполнительного кодекса Финляндской республики². Кроме того, пристав имеет

¹ Закон Республики Армения № ЗР-221 «О принудительном исполнении судебных актов» от 05.05.1998 г. (ред. 28.05.2015), Закон Республики Армения № ЗР-224 «О службе по обеспечению принудительного исполнения судебных актов» от 08.10.2001 г. (ред. 01.07.2015).

² Кодекс об исполнительном производстве Финляндской Республики от 01.08.2007 № 705/2007 (ред. от 18.05.2015).

право проводить запрос предложений о размере покупной стоимости имущества ещё до проведения аукциона по реализации имущества. Поступившие предложения в этом случае обязательно учитываются при подведении итога торгов.

Такой механизм активных действий, направленных на поиск покупателей со стороны судебного пристава, значительно повышает вероятность реализации имущества должника и, следовательно, должен быть применён и в Российской Федерации.

Для повышения эффективности необходимо разработать более короткие схемы реализации имущества долж-

ника, в том числе обратиться к опыту реализации имущества должников, который применяется в других странах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Медведев В.В. Сравнительный анализ систем принудительного исполнения России и Соединённых Штатов Америки // Практика исполнительного производства. М., 2013. № 4. С. 25–48.
2. Реализация имущества должников [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов России [2015]. URL: http://pda.fssprus.ru/inter_razdel25/ (дата обращения: 21.10.2015).

УДК 347.422

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-58-66

Богданов Д.Е.*Московский государственный областной университет***ДОГОВОРНЫЕ УСЛОВИЯ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ИЛИ ИСКЛЮЧЕНИИ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ**

Аннотация. В представленной статье анализируется проблема справедливости условий договора. Особое внимание уделено вопросу допустимости включения в договор оговорок, ограничивающих или исключающих ответственность за его неисполнение. В статье сделан вывод о необходимости включения в гражданское законодательство России специальных норм, предоставляющих судам дополнительные средства для осуществления контроля над договорным процессом, в частности, контроля за условиями договоров по ограничению или исключению ответственности.

Ключевые слова: договор, справедливость, ответственность, свобода договора, оговорка об ограничении или исключении ответственности, неравенство переговорных возможностей.

D. Bogdanov*Moscow Regional State University***CONTRACTUAL TERMS OF LIMITATION OR EXCLUSION
OF LIABILITY IN RUSSIAN AND FOREIGN LAWS**

Abstract. The present article analyses the issue of fairness of contract terms. Special attention is paid to permissibility of inclusion in the contract the clauses that limit or exclude liability for its nonperformance. The author makes a conclusion about the necessity of inclusion into the Russian civil legislation some special rules providing courts with additional tools to exercise control over contractual process, particularly monitoring the terms of agreements on limitation or exclusion of liability.

Key words: contract, justice, responsibility, freedom of contract, a clause for limitation or exclusion of liability, inequality of bargaining power.

Современный период развития науки гражданского права протекает в условиях постепенной ломки, пересмотра традиционной либерально-индивидуалистической концепции частного права и формирования новой цивилистической парадигмы – социализированного гражданского права [1, с. 5].

Применительно к сфере договорных отношений это проявлялось в том, что принцип свободы договора долго рассматривался в качестве одной из базовых ценностей рыночной экономики. Однако сейчас в литературе всё чаще звучат критические высказывания в отношении данного принципа, что он ведёт к уста-

новлению экономического господства одних над другими, поэтому сейчас является проблемой, как дополнить свободу договора принципом его справедливости [2, с. 328–329].

Представляется необходимым в сравнительно-правовом плане осуществить анализ тех правовых средств, которые и позволяют судам осуществлять интервенцию в договор, блокировать договорные условия именно тогда, когда это будет справедливым. Наше исследование будет фокусироваться на рассмотрении проблем справедливости так называемых *исключительных оговорок* (англ. *exemption (exclusion) clauses*; франц. *clauses de non responsabilite*), поскольку сторона, обладающая более сильной позицией на стадии заключения договора, стремится нередко ограничить или исключить свою ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязанностей. Как отмечает в этой связи Эван Маккендрик, «историческое развитие указывает на то, что рост использования стандартных (типовых) проформ договоров сопровождался ростом использования исключаящих оговорок, и реальность демонстрирует то, что такие условия (оговорки) навязываются слабым сторонам договора» (*take it or leave it basis*) [6, с. 164–165; 8, с. 224].

Следует отметить, что отечественное законодательство не содержит подробного регламентирования оговорок, ограничивающих или исключаящих ответственность, а также последствий их совершения. Так, общая норма п. 4 ст. 401 ГК РФ устанавливает ничтожность заключённого заранее соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленное на-

рушение обязательства. Специальная норма п. 2 ст. 461 ГК РФ предусматривает недействительность соглашения об освобождении (ограничении) от ответственности продавца в случае истребования приобретённого товара у покупателя третьими лицами и т.д.

Не удивительно, что при такой ограниченности правовой регламентации соглашений (оговорок) об ограничении или исключении ответственности, отечественные суды не анализируют их на предмет справедливости.

В этой связи вызывают интерес выводы, сформулированные в Определении ВАС РФ от 17 июля 2011 г. № ВАС-7120/11. По данному делу между предпринимателем (заказчик) и отделом охраны (исполнитель) заключён договор об охране объектов посредством ПЦО (пульт централизованной охраны). Объектом охраны являлся магазин истца. Пунктом 3.1 договора было предусмотрено, что исполнитель несёт ответственность за ущерб, причинённый заказчику кражей, повреждением или уничтожением имущества в результате виновного невыполнения или виновного ненадлежащего выполнения исполнителем своих обязательств по договору в размере прямого действительного ущерба, но не свыше стоимости услуг исполнителя за календарный год. Впоследствии неустановленные лица совершили кражу в данном магазине. Стоимость похищенного имущества составила 8 517 992 рублей 78 копеек. Изменяя судебные акты, суд кассационной инстанции исходил из пункта 3.1. договора и взыскал в пользу предпринимателя ущерб в размере 127 556 рублей 88 копеек (стоимость услуг за календарный год).

Как видно из анализа данного дела, суд, не установив факт наличия заключённого заранее соглашения об ограничении или исключении ответственности за умышленное неисполнение обязательства, взыскал в пользу кредитора сумму в счёт возмещения убытков в 70 раз меньшую, чем реально понесённый ущерб. Данная оговорка рассматривалась формально, без её оценки на предмет справедливости.

С учётом изложенного представляется необходимым проанализировать правовые средства, используемые в англо-американском праве и континентальном праве в целях обеспечения договорной справедливости и справедливой ответственности за неисполнение договорных обязательств, поскольку в данной правовой системе проблеме ограничения или исключения ответственности по договору уделяется пристальное внимание.

Под **исключительными оговорками** (*exemption, exclusion clauses*) понимаются условия договора, которые представляются направленными на исключение или ограничение ответственности либо легальной обязанности, которая иначе возникла бы [11, с. 1]. В литературе указываются как позитивные, так и негативные функции, присущие данным оговоркам. Так, Эван Маккендрик отмечает, что исключаящие (ограничивающие) ответственность оговорки служат адекватному распределению рисков между сторонами по договору, определяя, в том числе, на кого из участников необходимо возложить обязанность нести расходы по страхованию. Такие оговорки способны снижать процессуальные издержки, посредством определения объёма ответственности между

контрагентами. Они обычно используются в стандартных формах договоров, что способствует снижению расходов при ведении переговоров и т.д. Однако, с другой стороны, названный автор указывает и на социально-вредные последствия исключаящих оговорок, так как они могут быть использованы сильным в целях исключения ответственности перед слабым, оставляя последнего без средств правовой защиты [8, с. 225].

Критическое отношение к исключительным оговоркам высказывается и во французской цивилистике, как подрывающим стандарты требуемого поведения и потворствующим небрежному, непрофессиональному исполнению договорных обязательств [10, с. 442–447]. Например, французская правоприменительная практика, как правило, игнорирует исключительные оговорки при умышленном либо грубом, неосторожном неисполнении договорного обязательства. Указанные социально-вредные последствия и обусловили тот ограничительный подход, который сформировался по отношению к рассматриваемым оговоркам в судебной практике как континентальной, так англосаксонской правовых систем.

Ранее англосаксонские суды не имели прямых правовых средств, позволяющих признать оговорки, исключаящие ответственность, действующими непосредственно по причине их несправедливости или неадекватности. Однако такая цель была достигнута путём использования косвенных средств, посредством разработки ограничительного подхода, связанного с правилами включения таких оговорок в договор и их толкования.

К числу таких средств, обычно используемых в ситуациях, когда справедливость договорных условий является основной проблемой, относятся правила противоположного истолкования условий договора (*adverse construction*). Одним из приёмов такого истолкования является правило *Contra proferentem*, обычно используемое в ситуациях, когда одна из сторон договора контролирует процесс его составления (например, путём использования стандартных форм). Данная доктрина позволяет судам разрешить любую двусмысленность или неопределённость в тексте договора в пользу слабой стороны [9, с. 19]. Особенно строго и последовательно данное правило используется в отношении оговорок, ограничивающих или исключаящих ответственность за неисполнение договора. Названный приём толкования договора впервые в российском праве был предусмотрен в п. 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах».

Представляет также интерес п. 2 ст. 305 с. Германского гражданского уложения (ГГУ), согласно которому сомнения при толковании общих условий сделок (заранее согласованные условия договора, рассчитанные на многократное применение) разрешаются против стороны, использующей эти условия. Аналогичный подход к толкованию оговорок об исключении (ограничении) ответственности применяется во французской доктрине, несмотря на некоторую двусмысленность ст. 1162 ФГК, согласно которой в случае сомнения соглашение толкуется против того, кто включил условие в договор, и в пользу того, кто принял на себя обязательство [10, с. 530–531].

Однако впоследствии английская практика и доктрина стали дифференцировать толкование оговорок, полностью исключаящих ответственность (*exclusion clauses*), от оговорок её только ограничивающих (*limitation clauses*), посчитав, что в отношении последних правило *Contra proferentem* должно применяться менее строго. Представляет интерес, что подобные выводы стали высказываться и во французской цивилистике [10, с. 446–447].

Это можно проиллюстрировать на примере решения по делу *Ailsa Craig Fishing Co Ltd v. Malvern Fishing Co Ltd* (1983) 1 WLR 964. В данном случае хранитель принял на себя обязанность обеспечить сохранность лодок ассоциации рыбаков во время их нахождения в гавани. Истец был членом данной ассоциации. В одну из ночей его лодка задела другую и затонула. Истец потребовал взыскания 55 тыс. фунтов стерлингов убытков. Хранитель признал свою небрежность, но в своих возражениях полагался на оговорку об ограничении ответственности (*limitation clauses*) суммой в 1 тыс. фунтов. Палата Лордов посчитала данную оговорку эффективной и взыскала в пользу истца сумму убытков в размере 1 тыс. фунтов. В обоснование своей позиции Лорд Фрейзер и Лорд Вилберфорс указали, что оговорки, ограничивающие ответственность, не должны рассматриваться так же враждебно, как и оговорки, исключаящие ответственность, поскольку, первые более справедливы в вопросе распределения рисков между сторонами. При этом более вероятным является то, что другая сторона согласится на ограничение ответственности, чем на её полное исключение [5, с. 168–169].

Представляется, что данный вывод не является бесспорным. Поскольку ограничение ответственности нередко может приводить к ситуациям, аналогичным её полному исключению, то будет несправедливым дифференцированно рассматривать оговорки ограничивающие и оговорки, исключающие ответственность, особенно в ситуациях, когда ограничение ответственности, как отмечает Эван Маккендрик, носит смехотворный характер [8, с. 228].

Это можно проиллюстрировать на примере Постановления ФАС Поволжского округа от 13.02.2009 по делу № А06-4165 / 2007. По данному делу предприниматель обратился с иском к частному охранному предприятию о взыскании 169160 рублей убытков, причинённых хищением принадлежащего истцу имущества. Суд установил, что Исполнитель в соответствии с пунктом 5.2 договора возмещает Заказчику фактический ущерб, но не более 500 рублей. В результате хищения принадлежащего предпринимателю имущества был причинён ущерб на общую сумму 163269 рублей.

При решении вопроса о возмещении убытков суд сослался на п. 1 ст. 15 ГК РФ, допускающий установление ограничения возмещения убытков соглашением сторон, поэтому посчитал, что заказчику должен возмещаться фактический понесённый ущерб, но не более 500 рублей.

В данном деле, действительно, оговорка об ограничении ответственности носила просто смехотворный характер, однако суд ограничился формальной ссылкой на ст. 1 и 15 ГК РФ, признав такое соглашение об ограничении ответственности эффектив-

ным, совершенно не рассматривая вопрос о её справедливости.

Необходимо отметить, что австралийские учёные считают, что правило *Contra proferentem* является общим приёмом толкования договора и подлежит применению к любой двусмысленной оговорке [3, с. 409]. Это подтверждается и местной судебной практикой, например, решением по делу *Darlington Futures Ltd v. Delco Australia Pty Ltd* (1986) 161 CLR 500. В данном деле суд отклонил довод ответчика, что оговорки, ограничивающие ответственность, должны рассматриваться более мягко, чем её исключающие [7, с. 12–13]. Таким образом, австралийцы не пошли в фарватере позиции, сформулированной Палатой Лордов, что представляется более справедливым.

По мнению Анны Маклеан, под «зонтик» доктрины *Adverse Construction* подпадает не только правило *Contra Proferentem*, но и правило «требований по надлежащему уведомлению» (*Notice Requirements*) [9, с. 19], так как суды считают, что на обременительные условия в стандартных формах должно специально обращать внимание контрагентов, путём их особого уведомления о таких обременительных условиях. Таким образом, сторона, подготовившая стандартную форму договора, не может просто ссылаться на подпись контрагента, в подтверждение его согласия на такие условия.

В этой связи вызывает интерес канадское решение по делу *Tilden Rent-A-Car Co. v. Clendening* (1978) 18 OR, в котором были сформулированы выводы о том, что в современной коммерческой практике множество стандартных форм подписываются без того, чтобы быть прочитанными и поняты-

ми. Во многих случаях, стороны, стремящиеся полагаться на условия договора, знают либо должны знать, что подпись контрагента не выражает его истинного намерения и что он может не осознавать строгие и явно обременительные условия, содержащиеся в стандартной форме договора. При таких обстоятельствах сторона, стремящаяся положиться на такие условия договора, не в состоянии этого сделать в отсутствие предварительных разумных мер по их раскрытию контрагенту.

Таким образом, суды обычно требуют, чтобы обременительные условия были выделены крупным шрифтом, другим цветом, заглавными буквами и т.п. В практике английских судов данное требование получило метафоричное обозначение «правила красной руки» (*red hand rule*) [5, с. 148–151].

Представляет интерес и правило п. 2 ст. 305 с. ГГУ, согласно которому положения общих условий сделок (которые с учётом обстоятельств, в частности, внешнего оформления договора, являются настолько необычными, что контрагент стороны, использующей общие условия, может не принимать их в расчёт) не становятся частью договора.

Конечно, подобные установки способны подрывать уверенность контрагентов в стабильности заключаемых договоров, однако это разумная плата за возможность блокирования несправедливых договорных условий. Суды просто учитывают, что навязывание сильной стороной несправедливых условий типовых договоров, особенно когда она воспользовалась нуждой, зависимостью, неинформированностью и т.д. слабой стороны, противоречит основному постулату договорного

права, требующего наличия встречного, совпадающего волеизъявления контрагентов.

Помимо вышеуказанных, англосаксонские суды использовали ряд других средств в целях обеспечения договорной справедливости. Одним из них является доктрина фундаментального нарушения договора (*fundamental breach*). Так, в решении по делу *Karsales (Harrow) Ltd. v. Wallis (1956) 1 WLR* Лорд Деннинг отмечал, что если должник виновен в фундаментальном нарушении договора, то такой договор автоматически прекращается и кредитор имеет право взыскать убытки с виновного контрагента, который уже не вправе ссылаться на оговорку, исключющую или ограничивающую ответственность. Таким образом, при фундаментальном нарушении уже нельзя руководствоваться оговорками, взыскание убытков основывается на положении права (*the rule of law approach*). Впоследствии данный «правовой» подход был пересмотрен в решении по делу *Photo Production Ltd v. Securior Transport Ltd (1980) AC 827*. После данного решения внимание судей стало фокусироваться на проблеме толкования оговорок, то есть покрывают ли они ситуации, связанные с фундаментальным нарушением договора. Как указывает в этой связи Эван Маккендрик, в настоящее время рассматриваемая доктрина существует как правило толкования, в соответствии с которым чем более серьёзно нарушение или его последствия, тем меньше вероятность, что суд интерпретирует оговорку как применимую к такому нарушению [8, с. 234].

Доктрина фундаментального нарушения договора, в том виде, в кото-

ром она была сформулирована Лордом Деннингом, была отклонена в Австралии решением Высокого суда по делу *Sydney Corp v. West* (1965) 114 CLR, а также в Канаде, где в решении Верховного суда по делу *Hunter Engineering Co v. Syncrude Canada Inc.* 1 SCR было отмечено, что стороны вправе определять условия своего договора, если докажут, что он не является недобросовестным [7, с. 12–13]. Но, несмотря на данное решение, нижестоящие суды продолжают применять доктрину фундаментального нарушения договора в её первоначальном варианте. Названная доктрина оказала влияние и на французскую цивилистику, а также на правоприменительную практику, которой известна категория «существенного обязательства» (*obligation fondamentale*), при нарушении которого (*inexécution fondamentale*) возможно игнорирование судом оговорок, направленных на исключение (ограничение) ответственности [10, с. 454–458].

Заслуживает внимания сформулированная Лордом Деннингом идея «неравенства преддоговорных позиций» контрагентов (*inequality of bargaining power*), применение которой, в том числе, позволяет блокировать несправедливые условия договоров. Как указывал названный судья в решении по делу *Lloyds Bank Ltd v. Bundy* (1975) 1 QB, неравенство преддоговорных возможностей является принципом, который применяется в ситуациях, когда договор заключается на явно несправедливых условиях либо направлен на передачу собственности в обмен на неадекватный эквивалент, когда преддоговорные возможности явно ослаблены в силу нужды или незнания,

соединённой с недолжным влиянием или воздействием. Следует отметить, что впоследствии в решении по делу *National Westminster Bank PLC v. Morgan* (1985) AC 686 Палата Лордов почитала, что идея учёта «неравенства преддоговорных возможностей» не является частью права Соединённого Королевства. Однако данная идея получила большое признание в Канаде и рассматривается там как часть местного права [4, с. 137].

Вызывает интерес и то обстоятельство, что указанная доктрина, по сути, проявилась в новой редакции п. 3 ст. 428 ГК РФ, вступившей в силу с 01.06.2015 г.

Рассмотренные выше правила, идеи и принципы являются частью того интеллектуального багажа, который был накоплен судебной практикой европейских стран при осуществлении оздоровительного надзора за договорными отношениями. Это были средства пресечения злоупотреблений силой и властью, а также восстановления договорной справедливости в отсутствии прямого (статутного) нормативного регулирования.

В настоящее время в данной сфере наблюдается тенденция расширения регламентации оговорок, исключаяющих (ограничивающих) ответственность посредством нормативно-правовых актов, принимаемых парламентом. Помимо норм ГГУ, особый интерес представляет Закон Соединённого Королевства 1977 г. «О несправедливых условиях договора» (далее – Закон) как один из первых в данной области. Давая краткую характеристику названному Закону, необходимо отметить, что он направлен на ограничение возможностей профес-

сиональных участников отношений ссылаются на оговорки, исключаящие (ограничивающие) ответственность по договору.

Так, согласно ст. 3 Закона, оговорка об исключении (ограничении) ответственности подлежит проверке на предмет её соответствия требованию разумности в случае, если стороной по договору является потребитель либо договор заключён на стандартных условиях. Тесту разумности посвящена ст. 11 Закона, в соответствии с п. 1 которой требование разумности составляет то, что условие договора должно быть справедливым и разумным с учётом обстоятельств, которые были или должны были быть известны либо рассмотрены сторонами при заключении договора. Разумность исключительной оговорки должна доказать сторона, стремящаяся на неё положиться.

Как видно из анализа данного Закона, суды уже на основании статутных норм получили возможность блокирования несправедливых условий договора в некоторых ситуациях. При этом суды демонстрируют известную изобретательность при применении положений Закона. Так, при решении вопроса, был ли договор заключён на стандартных условиях, была сформулирована позиция, что не обязательно, чтобы все условия договора были зафиксированы до начала переговоров, так как изменение в ходе переговоров только незначительных условий означает, что договор был заключён на основе стандартной формы. При решении вопроса о справедливости оговорок, исключаящих (ограничивающих) ответственность, судами учитывается степень равенства преддоговорных позиций контрагентов. Суды

негативно относятся к ситуациям, когда одна оговорка охватывает несколько разновидностей потерь, и более лояльны к оговоркам, ограничивающим ответственность [8, с. 247–250].

Проведённый анализ иностранного опыта позволяет сделать вывод, что к принципу свободы договора вообще и к конкретному договору в частности не стоит относиться как к священному и неприкосновенному «идолу». Когда сильная сторона навязывает свою волю слабой, пользуясь её острой нуждой, острой потребностью в товарах, работах или услугах, неинформированностью или отсутствием опыта, что возможно и в предпринимательских отношениях, договор, по сути, как согласованное волеизъявление сторон отсутствует. При таких обстоятельствах речь идёт скорее о фикции договора, поэтому необходим судебский интервенционизм, расширение возможности суда вторгаться в договор в целях блокирования его несправедливых условий.

Следует отметить, что российская судебная практика начинает развиваться в указанном направлении. Так, ярким примером судебного интервенционизма является п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 №147, а также положения Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах».

Необходимо, чтобы в саму ткань законодательства включались нормы, предоставляющие судам дополнительные средства для осуществления оздоровительного надзора над договорным процессом, в частности, надзора за условиями договоров по ограничению или исключению ответственности, как

это предусмотрено, например в ст. 307 ГГУ. Согласно указанной статье ГГУ положения общих условий сделок действительны, если вопреки требованиям доброй совести они ставят контрагента стороны, использующей общие условия, в чрезмерно невыгодное положение. Чрезмерно невыгодное положение может быть следствием того, что положение общих условий сделок неясно и неоправданно.

В этой связи было бы целесообразно дополнить ст. 401 ГК РФ правилом, аналогичным положению ст. 7.1.6. Принципов Международных коммерческих договоров УНИДРУА, согласно которому «оговорка, которая ограничивает или исключает ответственность одной стороны за неисполнение или допускает, чтобы одна сторона произвела исполнение, существенно отличающееся от того, что другая сторона разумно ожидала, не может быть использована, если её использование приведёт к явной несправедливости, принимая во внимание цель договора».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богданов Д.Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности. Опыт сравнительно-правового исследования. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 119 с.
2. Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное частное право: В 2-х т. Том 1. Основы. Том 2. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт / Пер. с нем. М.: Международные отношения, 2010. 480 с.
3. Carter, J.W. Contract Law in Australia. 5-th ed. / J.W. Carter, E. Peden and G.J. Tolhurst. Sydney: Butterworths, 2007. 575 p.
4. Fridman, Gerald H.L. The Law of Contract in Canada. 4-th ed. / Gerald H.L. Fridman. Toronto: Garswell, 1999. 750 p.
5. Koffman, Laurence. The Law of Contract. Fourth Edition / Laurence Koffman & Elisabeth Macdonald. Tolley, 2001. 594 p.
6. Markesinis B., Unberath H., Jonston A. The German law of contract. A comparative treatise. Second edition. Oxford and Portland, Oregon: Hurt Publishing, 2006. 1034 p.
7. McDonald, Barbara. Contractual exclusions and indemnities of liability for negligence [Электронный ресурс] // The University of Sydney. Sydney Law School. Legal Studies Research Paper №08/61. June 2008. URL: <http://ssrn.com/abstract=1149908> (дата обращения: 20.11.2015).
8. McKendrick, Ewan. Contract Law. 7-th edition / Ewan McKendrick. Palgrave Macmillan, 2007. 474 p.
9. McLean, Ann. Unfair Contract Terms: An Interim Report [Электронный ресурс] // British Columbia Law Institute. Report №35. URL: <http://ssrn.com/abstract=1420815> (дата обращения: 20.11.2015).
10. Viney G., Jourdain P. Traite de droit civil. Les effets de la responsabilite. 3 ed. Paris: LGDJ; Lextenso editions, 2010. 657 p.
11. Yates, David. Exclusion Clauses in Contract. 2nd-ed. / David Yates. Sweet & Maxwell, 1982. 345 p.

УДК 347.45/.47

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-67-72

Толочкова И.А.*Саратовская государственная юридическая академия***ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В РОССИИ**

Аннотация. В статье приводится ряд теорий относительно права человека на образование и обязанности государства обеспечить это право. Автор подводит читателя к рассмотрению основных принципов образовательной политики Российской Федерации. В ходе анализа основных принципов, действующих в сфере получения образования (его доступности для любого гражданина РФ, его бесплатности), автор приходит к выводу, что действует и принцип свободного усмотрения гражданином уровня своего образования. При изучении данного вопроса были задействованы не только нормативно-правовая база и теоретические знания, но и материалы форума, в котором принял участие Президент РФ В.В. Путин.

Ключевые слова: основные принципы, бесплатное образование, доступное образование, принцип свободного усмотрения, несовершеннолетний, законный представитель.

I. Tolochkova*Saratov State Law Academy***BASIC PRINCIPLES IN THE SPHERE OF PROVIDING EDUCATIONAL SERVICES IN RUSSIA**

Abstract. The article presents a number of theories on individual's right to education and the duties of the state guaranteeing this right. The author considers the basic principles of the Russian Federation education policy. While analysing the principles acting in the sphere of education (its availability for any RF citizen and free-of-charge basis) the author comes to the conclusion that there is also a principle of free discretion of a person as to his/her level of education is concerned. This problem was studied not only theoretically within legal and statutory framework but with taking into account the proceedings of the forum where the RF President V.V. Putin participated in.

Key words: basic principles, free-of-charge education, available education, principle of free discretion, a minor, legal representative.

Образование является столь серьёзным моментом в жизни каждого человека, что изучением его в разное время занимались и философы, и социологи, и правоведы. Образование, наряду с искусством, религией, наукой, ценностями, традициями и национальным языком, рассматривается социологами как элемент культурной системы. «В случае каждого конкретного общества эта система

является основой коммуникации и взаимодействия для всех индивидов и социальных групп, составляющих данное общество» [2, с. 54].

Наиболее глубокие и объёмные работы по этой теме начали появляться только в XIX–XX вв. Связано это, очевидно, с повышением роли трудоспособного общества в политической жизни и, в связи с этим, с необходимостью получения образования. Было выработано несколько теорий относительно права человека на образование и обязанности государства обеспечить это право.

Одним из самых радикальных социологов-марксистов США Сэмюэлем Боулзом была выдвинута теория, согласно которой целью образования является не наращивание потенциала конкретного человека, а воспроизводство рабочей силы, которая состоит из послушных, пассивных рабочих, покорно принимающих свою жизнь. Именно поэтому, полагал С. Боулз, в младших классах школы ребёнку активно прививают аккуратность и подчинение властным приказам, а те лица, которые, получив высшее образование, станут руководителями, должны, напротив, уметь проявлять инициативу, поэтому она поощряется в университетах. Происходит некая селекция индивидов, которая начинается с самой первой ступени образования и набирает свой ход в школьный период. Таким образом, различие в учебных планах обеспечивает разницу образовательного опыта обучающихся и нацеливает индивида соответствовать своему происхождению, своей социальной среде, своему личному профессиональному предназначению. Поэтому

образование порождает неравенство граждан¹.

Подобную идею высказывал и Д. Анион, считая, что школы для непривилегированного слоя населения акцентируют внимание на заучивание правил, а школы для представителей преуспевающего населения уделяют внимание творческому мышлению и самостоятельности [3].

Ещё более радикальное течение в социологии, именуемое «веберское», представленное несколькими социологами, поддерживая в целом марксистскую идею, выдвинуло тезис о том, что школы играют наиболее важную роль в формировании социальной роли рабочего класса, прививая индивиду необходимые качества, тем самым помогая капиталистическому классу удерживать своё превосходство над рабочим классом и, таким образом, воспроизводить базисные капиталистические отношения. Поэтому даже документы, подтверждающие уровень образования конкретного лица, рассматриваются этими учёными как знак образовательного неравенства в обществе².

В противовес этой теории выступает теория, выдвинутая Э. Дюркгеймом, а вслед за ним поддержанная Я. Куксоном и А. Садовником. В научной литературе по социологии

¹ Bowles S. Schooling and Inequality from Generation to Generation // Journal of Political Economy. 1972. May/June; Bowles S., Gintis H. Schooling in Capitalist America. New York: Basic Books, 1976.

² Collins R. Functional and Conflict Theories of Educational Stratification // American Sociological Review. 1971. №36. P. 1002-1019; Aronowitz S., Giroux H.A. Postmodern Education; Politics, Culture, and Social Criticism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991; Anyon J. Social Class and the Hidden Curriculum of Work // Journal of Education. 1980. № 162. P. 67–92.

теория получила название «функционализм», суть которого сводится к тому, что образование – это не камень преткновения между интересами государства и конкретной личности, а, напротив, основа их консенсуса¹. Поэтому функционалисты выделяют четыре цели, достигаемые в процессе получения образования. Первая – интеллектуальная (непосредственная передача знаний и навыков), вторая – политическая (обучение основным законам общества и верность существующему политическому порядку), третья – социальная (социализация детей соответственно возможным ролям и нормам поведения в обществе); четвертая – экономическая (отбор и распределение индивидов согласно разделению труда).

Полагаем, что ни одна из этих теорий не отражает целей и сути современного образования в Российской Федерации. Наиболее близкой к реалиям сегодняшнего дня представляется нам теория, представленная в работах К. Дэвиса и Б. Мура [4], которые аргументированно доказали в своих исследованиях, что неравенство было необходимо для всех обществ на протяжении всей истории человечества, но все общества могут быть охарактеризованы эволюционным развитием. Такое развитие базируется на создании равных образовательных возможностей для всех членов такого общества с разумным

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии. М.: Наука, 1991; Darkheim E. Education and Sociology. New York: Free Press, 1956; Darkheim E. Moral Education. New York: Free Press, 1962; Sociology of Education // Editors D. Levinson, H. Cookson, A. Sadovnik. New York: Routledge-Faimer, 2002.

применением таких компонентов, как справедливость и меритократический порядок² [4].

Социальная направленность государственной политики Российской Федерации, преемницы традиций, заложенных в отечественное право в сфере образования, наблюдается и теперь. Примером тому могут служить не только многочисленные нормативные акты, закрепляющие принципиальную возможность получения гражданином РФ бесплатного образования³, но и основные направления дальнейшей государственной политики, которые обсуждаются представителями власти с непосредственными участниками образовательного процесса. На образовательном форуме «Качественное образование во имя страны» Общероссийского народного фронта, организованного в г. Пензе с 14 по 15 октября 2014 года, Президентом РФ В.В. Путиным было сделано важное заявление о дальнейшей политике государства относительно образования. В частности, Президент отметил, что и в дальнейшем образование в РФ будет бесплатным [1].

В государственной программе РФ

² «Меритократический подход – убеждение в том, что в обществе в ходе эволюции утвердятся принцип выдвижения на руководящие посты наиболее способных людей, отбираемых из всех социальных слоёв» (Социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enc-dic.com/html> (дата обращения: 15.06.2014)).

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. Законов РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ; от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ; от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ; от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря; СЗ РФ. 2014. №30 (часть I). Ст. 4202.

«Развитие образования» на 2013–2020 годы приводятся следующие данные: «... доля населения без образования и с начальным общим образованием составляет в России менее 2 процентов (один из самых низких показателей среди стран Организации экономического сотрудничества и развития). По охвату общим образованием населения в возрасте от 7 до 17 лет (99,8 %) Россия превосходит большинство стран Организации экономического сотрудничества и развития. Россия входит в число мировых лидеров по численности студентов программ третьего образования. По уровню затрат на дошкольное образование как доли от валового внутреннего продукта Россия входит в один ряд с такими странами, как Новая Зеландия, Голландия и Израиль»¹.

Ещё одним принципом в сфере образования является принцип непрерывности образования, который предполагает, что получать образование лицо может на протяжении всей жизни. Естественно, данный принцип предполагает получение образования вообще, тогда как конкретные образовательные программы могут быть поставлены в зависимость от возраста обучающегося. Но нельзя говорить о том, что лицо ограничено в образовании. Ограничения, касающиеся одной программы, могут не затрагивать другие. Это может быть как профес-

сиональное образование, так и иное, например, предполагающее навык (обучение вождению автомобиля). Не случайно в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» термины «образование» и «обучение» представлены двумя разными определениями².

Образование может быть классифицировано и представлено в виде ступеней, которые затрагивают жизнь гражданина с самых ранних лет жизни. Первая ступень – дошкольное образование, вторая – школьное, которое представляет собой начальное и основное общее образование. Далее предполагается возможность получения профессиональной подготовки, либо получение высшего образования, однако последнее возможно получить и пройдя изначально подготовку профессиональную. Высшее образование на современном этапе представлено по квалификации «бакалавр», «магистр» и «специалист». Гражданин имеет право получить и второе высшее образование (и более), но уже на платной основе, если первое высшее образование было получено им на безвозмездной основе. Кроме того, гражданин имеет право получить послевузовское профессиональное образование по программам кандидата наук и доктора наук. Отдельной ступенью образования является дополнительное образование.

В связи с этим, образовательный процесс может затрагивать интересы гражданина в любом возрасте.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 15 мая 2013 г. №792-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы // СЗ РФ. 2013. №21, ст. 2671 (Документ утратил силу в связи с Распоряжением Правительства РФ об утверждении программы «Развитие образования на 2013-2020 годы» от 15 апреля 2014 г. №295 // СЗ РФ. 2014. №17, ст. 2058).

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2014) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. №53 (ч. 1), ст. 7598; Российская газета № 1. 12 января 2015 г.

Анализируя положение ст. 43 Конституции РФ, которой устанавливаются основные принципы образовательной политики РФ, мы можем прийти к выводу, что *гражданин имеет возможность свободно определять свой образовательный уровень, повышать его, либо довольствоваться уже полученным образованием*. Другими словами, сложилось устойчивое правило о свободе усмотрения гражданином личного образовательного уровня. Так, однако, может действовать только гражданин, достигший возраста совершеннолетия, тогда как несовершеннолетний гражданин лишён такого правомочия.

И конституционное, и семейное законодательство возлагает на его законных представителей обязанность обеспечить несовершеннолетнему получение образования, но не возлагает на несовершеннолетнего принимать меры к его получению. Следует отметить, что нормы российского права в целом имеют направленность на установление обязанностей для совершеннолетних граждан, но практически не устанавливают нормы, обязывающие (или, возможно, побуждающие) несовершеннолетнего к выполнению того или иного действия. По сути, обязывать несовершеннолетнего гражданина к выполнению их – долг законного представителя, но образовательный процесс предполагает не пассивную роль обучающегося, а активную. Следовательно, необходимо уяснить и чётко обозначить правомочия несовершеннолетнего в процессе получения образовательной услуги.

Что же касается свободы усмотрения, то, действительно, можно утверждать, что этот принцип организации получения гражданами образования

не распространяется на несовершеннолетних граждан. Подтверждением тому служат и положения п. 6 ст. 66 ФЗ «Об образовании...», в котором установлено правило о возможности оставления несовершеннолетним, достигшим возраста 15 лет учебного заведения для получения образования в иной форме и (возможно) дальнейшего трудоустройства. В таком случае несовершеннолетний оставляет учебное заведение по согласию родителей (законных представителей) обучающегося, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и органа местного самоуправления, осуществляющего управление в сфере образования. Представленный пример убедительно доказывает отсутствие установленного законом правомочия определять свой образовательный уровень несовершеннолетним самостоятельно. Очевидно, что и приобретение полной дееспособности путём эмансипации не расширит права несовершеннолетнего по вопросу образования. Приобретение гражданско-правовой дееспособности не может затронуть правового статуса лица, урегулированного иными отраслями права (в данном случае – конституционным).

Таким образом, помимо основных принципов, действующих в сфере получения образования (его доступности для любого гражданина РФ, независимо от идентификационных признаков обучающегося, и его бесплатности – как объективной возможности его безвозмездного получения на любой стадии образования), действует и *принцип свободного усмотрения гражданином уровня своего образования*, который следует понимать как

правомочие по отказу от повышения такого уровня либо получения образования в течение всей жизни гражданина. Несовершеннолетний гражданин лишён права самостоятельно определять свой образовательный уровень; таким правом в отношении несовершеннолетнего обладает его законный представитель, с учётом ограничений, установленных законом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Владимир Путин принял участие в образовательном форуме в Пензе. Стенограмма [Электронный ресурс] // Новости. Пенза. Россия 1 [сайт]. URL: <http://penza.rfn.ru/rnews.html?id=259769> (дата обращения: 25.10.2014).
2. Зиновьева Т.В. Основные социологические термины: учебное пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. 66 с.
3. Anyon J. Social Class and the Hidden Curriculum of Work // Journal of Education. 1980. № 162. P. 67–92.
4. Davis K., Moore W.E. Some Principles of Stratification // American Sociological Review. 1945. № 10 (2). P. 242–249.

РАЗДЕЛ IV. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.93/.94

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-73-81

Антонян Ю.М.

Московский государственный областной университет

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается одна из главных проблем криминологической науки – проблема личности преступника и процесс формирования преступного поведения. Описываются особенности личности преступника как некой модели определённого социального и психологического типа. Представлена авторская структура личности преступника и рассмотрены подструктуры, составляющие сложнейшую систему, именуемую личностью. Описана криминологическая роль психических аномалий, социальные и психологические аспекты жизненного опыта. Рассмотрены основные стимулы, движущие силы преступного поведения – мотивация и мотивы.

Ключевые слова: личность преступника, структура личности, тип, борьба с преступностью, правоохранительные органы, характеристика, мотив, преступное поведение.

Yu. Antonian

Moscow State Regional University

OFFENDER'S IDENTITY AND DRIVING FORCES OF CRIMINAL BEHAVIOR

Abstract. The article considers one of the main problems of criminological science, i.e. the problem of offender's identity and the process of forming criminal behavior. The personality of an offender is described as a model of a certain social and psychological type. The author presents the structure of offender's personality and considers its own substructures that constitute a most complex system of personality. The criminological role of mental anomalies, social and psychological aspects of life experience are described. The main incentives and driving forces of criminal behavior – motivation and motives – are examined.

Key words: offender's identity, the structure of personality, type, fight against crime, law enforcement bodies, characteristic, motif, criminal behavior.

© Антонян Ю.М., 2015.

Проблема личности преступника всегда была в центре внимания науки криминологии, которая обязана не только объяснять эту личность, но и создавать теорию профилактического воздействия на неё. В этом видится возможность показать значимость криминологического познания для решения практических задач борьбы с преступностью.

Следует исходить из того, что личность преступника есть некоторая абстрактная, теоретическая модель определённого социального и психологического типа, подобно типу студента, артиста, учителя, инженера и т.д. Соответственно, не каждый, кто совершил преступление, может быть назван личностью преступника, но каждый, кто даже никогда не осуждался, но отличается типичными чертами личности преступника, может быть отнесён к этому типу, однако только условно, а следовательно, может стать объектом профилактического воздействия. Это естественно, и на практике лица, которые хотя и не признаны судом преступниками, но ведут антиобщественный образ жизни, нигде не работают, совершают мелкие правонарушения и т.д., состоят на учёте в правоохранительных органах. С ними ведётся предупредительная работа, поскольку от них ожидают совершения уголовно-наказуемых действий.

В связи с этим целесообразно исходить из существования двух подтипов личности преступника, особенно если исходить из нужд практики: во-первых, это осуждённые независимо от того, лишены они свободы или нет; они представляют собой преступников, так сказать, в чистом виде. Во-вторых, это те, которые, образно

говоря, стоят на пороге преступного поведения, т.е. совершают мелкие правонарушения, не работают, злоупотребляют спиртными напитками и т.д. В первом случае предупредительное, воспитательное, исправительное воздействие на осуждённых, тем более в местах лишения свободы, в организационном отношении достаточно просто. В условиях же свободы сделать это труднее, особенно с теми, кто не отбывают наказание, если иметь в виду проведение бесед, прежде всего длительных, обследование бытовых условий, изучение ближайшего окружения и др.

Общей научной предпосылкой исследования личности преступника является понятие личности вообще. Мы будем исходить из того, что личность есть социальные качества человека, и ею человек может стать лишь при условии общения (с рождения) с другими людьми. **Личность** есть человек, наделённый сознанием, речью и способностью к деятельности.

О личности с некоторой непонятной долей кокетливости В.П. Зинченко писал, что это таинственный избыток индивидуальности, её свобода, которая не поддаётся исчислению, предсказанию. Личность видна сразу и целиком и тем отличается от индивида, свойства которого подлежат раскрытию, испытанию, изучению и оценкам. Личность, по В.П. Зинченко, есть предмет удивления, преклонения, зависти, ненависти; предмет непредвзятого, бескорыстного, понимающего проникновения и художественного изображения [4, с. 266]. Непонятно, что это за таинственный избыток индивидуальности и её свобода. Почему личность – это предмет удивления, за-

висти и тем более ненависти? Со стороны кого? Не-личностей? Значит, животных.

Ядром личности является психика, в которой царствует сознание и представляет собой то, чем отличается человек от иных живых существ. Сознание – это предельная абстракция и вечная проблема философии, психологии и социологии. **Сознание** – предельная форма отражения, воспроизведения, порождения действительности, что не мешает ей быть вполне реальной и объективной. Сознание – это то, что отличает человека, повторим, от всех других живых существ.

Среди преступников немало лиц с ярко выраженной индивидуальностью, лидерскими способностями, большой предприимчивостью и инициативой. Эти качества в сочетании с негативно искажёнными ценностными ориентациями, нравственными и правовыми взглядами обычно выделяют лидеров преступных групп и преступных организаций, являясь существенной характеристикой последних. Те же качества могут быть основанием для классификации преступников, показателем их общественной опасности и общественной опасности того или иного вида преступного поведения. Наряду с этим указанные качества должны с успехом использоваться в профилактике преступлений и исправлении преступников.

Зная общие характеристики контингента преступников, их отличительные особенности и типологические черты, нельзя забывать, что в любой сфере практической деятельности по борьбе с преступностью – профилактике, раскрытии, расследовании преступлений, рассмотрении уголовных дел в суде,

назначении уголовного наказания, исправлении и перевоспитании преступников – сотрудник правоохранительного учреждения всегда имеет дело с живым человеком. Поэтому во всех случаях он обязан иметь в виду индивидуальную неповторимость каждого конкретного подозреваемого, обвиняемого, осуждённого. В преступнике недопустимо видеть лишь носителя социального зла, ведь это личность с её неповторимостью, страстями и сложностями, только ею прожитой жизнью, какой бы несправедливой она ни была. Каждый человек (без исключения) интересен, и каждого нужно понять, вникнуть в его судьбу, в условия его существования, какое бы скверное преступление он ни совершил.

Бродяга как личность не менее интересен, чем какой-нибудь аристократ или эстрадная звезда.

Если попытаться представить структуру личности преступника, то она будет соответствовать обыкновенной структуре личности с определённым набором социальных и психологических характеристик, каждая подструктура которой взаимодействует со всеми остальными (табл. 1). При этом личность преступника отличается от личности законопослушных людей не отсутствием или наличием какой-нибудь подструктуры, а содержанием каждой из них, в первую очередь нравственным.

Изъятие любой из приведённых подструктур (табл. 1) разрушает целостность всей структуры. Ни одна из них не может существовать самостоятельно. Следовательно, все подструктуры составляют то, что является сложной, даже сложнейшей системой, именуемой *личностью*.

Таблица 1

Структура личности в отношении к анализу личности преступника

Характер, темперамент, особенности мышления и другие психологические черты	Нравственные особенности, ценностные ориентиры, позиции
Навыки, умения, знания	Представление о себе, отношении к себе, «Я»-концепция
Представление об окружающем мире, отношении к нему	Социальные и психологические аспекты пола, возраста, состояния здоровья
Социальные и психологические аспекты жизненного опыта	

Рассмотрим отдельные подструктуры.

Характер, темперамент, особенности мышления и т.д. оказывают заметное влияние на содержание поведения человека, его реакцию на внешние воздействия, особенно если они травматичны для него. Нравственные особенности определяют выбор жизненных ситуаций и поступки в них, линию поведения, способы решения своих жизненных проблем и достижения своих целей, общение с другими людьми и членство в малых социальных группах. Навыки, умения, знания также очень значимы для реализации преступного поведения. Некоторые преступления могут совершаться только при наличии конкретных знаний, например, преступления, связанные с высокими технологиями или просто с управлением и эксплуатацией техники. Так, преступления в сфере компьютерной информации под силу только тем, кто имеет соответствующие знания и умения.

Для понимания личности преступника (как и личности вообще) очень важны отношения к себе и окружающему миру. Эти отношения всегда заряжены огромной энергией, они имеют базовое, фундаментальное значение для индивида, для его бытия, духовности, жизненных перспектив. Такие отношения имеют и существенное нрав-

ственное значение. Например, человек крайне недоволен собой, своей жизнью, своим положением в обществе, но считает, что всё это имеет место потому, что окружающие – подлые, нечестные, бессовестные люди, да и вообще во всём мире не найти справедливости. Высока вероятность того, что такой человек решится на преступные действия, чтобы достичь чего-то очень значимого для себя, поднять свой статус и самоуважение к себе.

На любое поведение людей влияют такие факторы, как пол, возраст, состояние здоровья. Женщины обычно не совершают действий, требующих большой физической силы; люди старших возрастов чаще всего оказываются не способны на поступки, когда необходимо проявить быстроту, гибкость, ловкость. В то же время подростки очень редко совершают правонарушения, предполагающие особые знания или умение вести себя определённым образом (например, при мошенничестве) и т.д. Конечно, не только пожилой человек, но и инвалид нередко не способен на какое-то поведение в качестве исполнителя, но и тот и другой вполне могут выступать в качестве организатора преступления. Подобным образом нередко действуют преступники-рецидивисты старших возрастов.

Следует особо остановиться на криминологической роли психических аномалий, под которыми понимаются все расстройства психической деятельности, не достигшие психотического уровня (статуса психической болезни) и не исключающие вменяемость, но влекущие личностные изменения, которые могут привести к отклоняющемуся поведению. Такие аномалии затрудняют социальную адаптацию индивида и снижают его способность отдавать отчёт в своих действиях, руководить ими. У лиц с психическими аномалиями преобладают нормальные психические явления и процессы, поэтому они сохраняют, в основном, свои социальные связи, в подавляющем большинстве случаев трудоспособны, дееспособны и вменяемы. К числу психических аномалий следует отнести психопатии, олигофрении в степени лёгкой дебилности, остаточные явления травм черепа, органические поражения центральной нервной системы, алкоголизм, наркоманию.

Психические аномалии играют роль условий, способствующих преступному поведению, ведению антиобщественного образа жизни; детерминирует определённый круг, содержание и устойчивость социальных контактов и привязанностей. Такие аномалии содействуют формированию криминогенных взглядов, ориентаций, потребностей, влечений и привычек. Расстройства психики развивают такие черты характера, как раздражительность, агрессивность, жестокость, и в то же время снижают волевые процессы, повышают внушаемость, ослабляют сдерживающие контрольные механизмы. Они препятствуют нормальной социализации личности, ус-

воению ею общественных ценностей, установлению нормальных связей и отношений; мешают заниматься определёнными видами деятельности или вообще трудиться, в связи с чем повышается вероятность совершения противоправных действий. Психические патологии могут протекать скрытно, отчётливо не проявляясь каждый раз, и восприниматься окружающими не как патологии психики, а как странности характера, неуравновешенность, склочность, необъяснимая жестокость либо тупость.

Неотъемлемой подструктурой личности являются социальные и психологические аспекты жизненного опыта. В сущности, все реакции человека на внешние воздействия, его собственные желания и влечения базируются на этом опыте. Он проявляется не только как определённые навыки, знания и привычки, в том числе антиобщественного характера, и не только выработанной всей прожитой жизнью системой отношений и оценок. Как показывают конкретные эмпирические исследования, названный опыт, даже имевший место в далёком детстве, особенно если он был эмоционально насыщен и психотравматичен, может застрять в психике и уже много лет спустя мотивировать преступное поведение. Рассмотрим основные стимулы, движущие силы преступного поведения. Среди них центральное место занимают мотивация и мотивы. Мотивация человеческого поведения относится к числу главных проблем психологии. Понятия мотивации и мотивов разрабатываются именно психологией и никакой другой наукой. Как бы ни были важны вопросы мотивации и мотивов для других наук, юридических в

частности, они должны пользоваться теми понятиями и определениями, которые имеются в психологии, потому что это область психологического познания [2, с. 45–51].

Мотивы и мотивации – постоянные объекты научных психологических исследований. Что касается криминологии, призванной объяснять преступное поведение, то она ещё мало знает, каковы последние достижения психологии в этой области, а поэтому не выходит из круга обыденных представлений, основанных, прежде всего, на здравом смысле, а не на результатах научных исследований. Вообще, юристы полагают (и их этому учат), что преступления совершаются главным образом из корысти, мести, ревности, хулиганских побуждений, не очень задумываясь над тем, какие глубинные психологические и внешние социальные реалии они отражают [3, с. 110]. В юридической практике все непонятные по своему характеру преступления обычно квалифицируют как совершённые из хулиганских побуждений.

Мотив – один из важнейших компонентов личности. Это внутренний стимул поведения, и совершенно верно высказывание: «Каков мотив, такова и личность». Для того чтобы подчеркнуть и важность изучения мотивов, и сложность соответствующих вопросов, нужно отметить, что одно и то же действие может быть детерминировано различными мотивами.

Мотив – это внутренний, субъективный смысл поведения, то, ради чего оно реализуется. Это не цель, не задача, которую ставит перед собою человек, это смысл поведения. Мотив следует отличать от мотивации. Это не одно

и то же. **Мотивация** – это динамика мотивов, это процесс возникновения, формирования, развития, изменения, корректировки мотивов, постановки целей и принятия решения. Мотивы и мотивация теснейшим образом связаны между собой. Кроме них есть ещё понятие мотивировки.

Под мотивацией в науке часто понимают всю совокупность проблем мотивов.

Мотивировка – это попытка рационального объяснения мотива, часто не имеющая ничего общего с подлинными мотивами.

Цель же можно определить следующим образом: это представление о результатах деятельности, не сам результат, а только представление о результате. Цель, её постановка входят в мотивацию, но цель не является мотивом, хотя и тесно взаимодействует с ним.

Если мотивация является процессом возникновения, развития и корректировки мотивов, то возникает вопрос, когда начинают формироваться мотивы. Этот процесс возникает с началом формирования личности, вне её нет мотива, то есть мотивы возникают ещё в детстве как основа личности. В то же время мотивы могут изменяться, корректироваться, дополняться, но очень часто они постоянны для данного человека, пронизывают всю его жизнь. Поэтому человек ведёт себя последовательно и в плохом, и в хорошем, в совершении и преступлениях, и благородных поступков. Это обстоятельство говорит о том, что у конкретной личности могут быть постоянные, не изменяющиеся или мало изменяющиеся, мало корректируемые субъективные стимулы.

Если же не связывать мотивы со всей жизнью индивида, то можно прийти к абсурдному выводу, что любой мотив возникает мгновенно под воздействием актуальной ситуации, то есть мотивы не имеют личностных корней.

Существуют главный, генеральный мотив и наряду с ним – дополнительные, второстепенные. Именно первый определяет поступки и функционирует долгое время, иногда всю жизнь, подчиняя себе дополнительные. Например, главным может быть мотив самоутверждения, который во многом определяет способы собственной реализации, следовательно, мощно регулирует поведение и образ жизни.

Можно отметить два уровня мотивации: рациональный, внешний и глубинный, смысловой. Второй в наибольшей степени определяет поведение вообще и преступное поведение в частности. Так, похищение чужого имущества внешне может мотивироваться корыстью, желанием человека обеспечить себе материальный достаток, а на глубинном уровне – снизить психотравмирующую тревожность по поводу того, что необеспеченному, нуждающемуся субъекту отовсюду грозят опасности. Следовательно, вполне возможно переплетение мотивов разного уровня.

Развести рациональный и смысловой уровни мотивации преступного поведения бывает очень трудно, особенно в случаях совершения преступления сложного характера, плохо поддающихся объяснению. Однако, только поняв глубинный смысл подобных преступлений, можно успешно сформулировать следственные версии и найти виновных. К сожалению,

практические работники органов внутренних дел и пенитенциарных органов редко владеют необходимыми знаниями.

Например, бывает трудно понять, почему некоторые преступники совершают изуверские действия в отношении детей. Обычно пытаются объяснить это тем, что у них какие-то психические расстройства, иногда связанные с сексуальной сферой. Но ведь такого рода расстройства могут быть и у людей, которые детей очень любят и никогда не совершат против них преступных деяний. Следовательно, возникает вопрос, почему именно этот человек совершает подобные действия. Чаще всего выясняется, что преступники сами в детстве были жертвами жестокого обращения. Внутренний смысл их действий заключается в том, чтобы уничтожить эти психотравмирующие воспоминания из собственного детства, и он носит характер самоубийства, но лишь на психологическом уровне. Этот невоспоминаемый клубок детских травм внезапно актуализируется обычно в состоянии опьянения, когда снимается внутренний контроль над поведением.

Для того чтобы полностью представить себе, что такое мотивация преступного поведения, необходимо обратиться к психологии бессознательного. **Бессознательное** – это особая сфера психики, она существует наряду с сознанием. Эти две сферы психики находятся между собой в достаточно сложных отношениях, иногда конкурируют, но чаще сотрудничают, дополняют друг друга, корректируют и т.д. Сейчас существование бессознательного практически не оспаривается, является аксиомой. Так же, как чело-

век не может существовать, например, без сердца или без какого-то жизненно важного органа, он не может существовать без сферы бессознательного, которое играет чрезвычайно важную роль в поведении.

Во-первых, необходимо уточнить, что воспоминания не могут пребывать в бессознательном. Воспоминания потому и суть воспоминания, что они всегда осознанны. В бессознательном хранится информация о переживаниях, ощущениях, влечениях, которые по разным причинам, например, нравственным, не представлены в сознании. Поэтому человеку так страшно идти вглубь самого себя, где его могут ожидать лично ему принадлежащие дьяволы и монстры, им же порождённые. Это является одной из самых главных причин того, что преступники столь не склонны к действительному покаянию, которое всегда связано со встречей с чудовищами, таившимися в глубинах их души. Но при этом бессознательное не является, конечно, хранилищем всего дурного и отталкивающего. Там можно найти и светлые, радостные переживания, вытесненные туда в силу их неактуальности.

Во-вторых, представления также не находятся в бессознательном, поскольку они всегда осознаваемы. В бессознательном имеют место некие механизмы и мотивы, приводящие в действие представления, реализующие их в действия.

Итак, бессознательная психическая деятельность – это такая деятельность человека, которая осознаётся им смутно или даже не осознаётся вовсе. Однако это не означает, что она не может быть осознана индивидом. Репрезентация в сознании бессознательного ча-

сто приводит к изменению поведения человека, его отношения к внешнему миру и к себе [1, с. 261–265]. Бессознательное может быть выявлено и осмыслено другим человеком, например исследователем, имеющим специальные методы выявления тех психических явлений и процессов, которые не открыты сознанию самого субъекта.

Бессознательное оказывает немалое влияние на образ жизни и поведение личности, активно участвует и в формировании мотивов. Соответственно, сами мотивы поведения могут не осознаваться личностью, то есть являются бессознательным. У лиц, отличающихся низким уровнем сознания, слабыми тормозными процессами, эмоционально насыщенное неосознаваемое переживание при провоцирующих или хотя бы способствующих обстоятельствах может реализовываться в неожиданное для самого субъекта импульсивное действие, например, убийство. В других случаях названное переживание, будучи по своему характеру неприемлемым для сознательных установок, может модифицировать сознание, выступая в нём под маской мотивов иного рода, субъективно толкающих его на противоправные действия. Вот почему поиски действительных стимулов оказываются безрезультатными: они ведь держатся на бессознательных механизмах и мотивах.

Игнорирование бессознательных явлений и процессов не позволяет глубоко проникнуть в психику преступников и построить воспитательную работу с ними с учётом их психических особенностей. Особенно заметно это в отношении неоднократно судимых рецидивистов, которые продол-

жают преступную деятельность, хотя к ним применялись различные меры воспитания, принуждения и помощи. Их исправлению мешают многие стереотипы образа жизни и поведения, закреплённые в их психике на уровне бессознательного. Как показали проведённые нами исследования, немалая часть преступников-рецидивистов, длительное время ведущих антиобщественный образ жизни, не осознают мотивы такого существования.

В некоторых случаях имеют место неосознаваемые переживания, когда они аномальны и при этом особенно эмоционально насыщены, а подавляющие их отношения с осознанными установками индивида противоречивы. Чаще всего такие конфликты между бессознательным и сознанием вызывают неврозы, сопровождающиеся субъективно тягостными ощущениями и переживаниями, требующими лечения.

Проблема бессознательного в криминологии – это проблема объяснения преступного поведения, его внутренних, личностных механизмов, и особенно мотивов, личностного смысла преступных действий. Обращение к бессознательному даёт возможность выяснить ряд вопросов первостепен-

ной важности: 1) почему и ради чего совершаются те преступления, мотивы которых неясны или неочевидны; 2) почему данный человек в конкретной ситуации совершил именно эти преступные действия, а не какие-либо иные, то есть изучение бессознательного помогает обнаружить генезис мотивов уголовно наказуемого поведения; 3) каково влияние бессознательного на формирование сознательных мотивов преступного поведения; 4) какова роль автоматизмов или (и) других аналогичных элементов бессознательного в совершении неосторожных преступлений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонян Е.А. Личность многократно судимого осуждённого // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3 (15). С. 261–265.
2. Антонян Ю.М. Наука криминология: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 376 с.
3. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника и её формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 107–112.
4. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 3-е изд. СПб.: Прайм Еврознак, 2006. 672 с.

УДК 340

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-82-85

Артеменко И.А.*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан)*

МЕСТО И РОЛЬ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика применения судебного прецедента в период действия судебных уставов 1864 года. Выявляются черты юридической техники дореволюционного периода России, где правило прецедента проявилась не только в качестве источника (формы) права, но и являлось неотъемлемой частью уголовного процесса. Исследование выявило место и роль судебного прецедента в системе источников права дореволюционной России. Выводы автора иллюстрируются примерами судебной практики. Показано, что закон, распространивший действие судебного прецедента, также обязывал правоприменителя следовать позиции высшего суда, в целях обеспечения единообразия судебной практики.

Ключевые слова: судебный прецедент, судебная практика, преступление, правоприменение, уголовное право, источник права.

I. Artemenko*Katanov State University of Khakassia (Abakan)*

THE PLACE AND ROLE OF JUDICIAL PRECEDENT IN THE SYSTEM OF CRIMINAL LAW SOURCES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Abstract. The article considers the specificity of judicial precedent application in the period of judicial statutes of 1864. The characteristics of legal methodology in Russia before revolution are detected. In that period a rule of a precedent was not only a source of law but also an integral part of a criminal procedure. The study found out the place and role of a judicial precedent in the system of criminal law sources in Russia before the Revolution. The author's conclusions are illustrated by examples of judiciary practice. It was shown that the law which regulated functioning of a judicial precedent also obliged an executor to follow the Supreme Court position in order to provide the uniformity of judiciary practice.

Key words: judicial precedent, judiciary practice, crime, law enforcement, criminal law, the source of law.

На новом витке истории развития современной России, характеризующейся сближением правовых систем мира [1, с. 50], возрастает научный интерес к судебному прецеденту. Несмотря на отсутствие всеобщего официального признания судебного нормотворчества в качестве источника Российского права, фактически результат деятельности высших российских и международных су-

дов становится реально существующим регулятором общественных отношений, поэтому возникает насущная необходимость пересмотра устоявшихся убеждений.

Исследование судебного прецедента и судебной практики российских судов в период действия судебных уставов Александра II – **времени официального признания судебного прецедента** в качестве источника права в нашей стране – является крайне важным на современном этапе.

Следует заметить, что основой для появления судебного права в России становятся отдельные нормы пореформенного уголовного законодательства. В частности, статьёй 12 Устава уголовного судопроизводства (1864) судам разрешалось «въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ» [3] основывать свои решения на общем смысле законов. Следующая за ней статья (13) устанавливала более радикальное положение: «Воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подѣ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ. За нарушение сего правила, виновные подвергаются отвѣтственности какъ за противузаконное безѣствие власти (Улож. о наказ. Ст. 383–385)» [3, с. 8]. Данная норма показывает, что Устав не только наделял суд правом нормотворческой инициативы, но и обязывал правоприменителя при отсутствии законодательного регулирования разрешить уголовное правоотношение.

Указанные нормы Устава необходимо рассматривать в совокупности с положением ст. 933 этого же кодекса следующего содержания: «Рѣшенія сената печатаются во всеобщее свѣдѣніе, для руководства к единообразному

исполненію и примѣненію законовъ» [3, с. 331]. Данная статья, по сути, отражает традиционную сущность доктрины прецедента о единообразном разрешении схожих дел.

Таким образом, новое уголовное законодательство впервые в истории России распространяет деятельность судебных органов с помощью правила прецедента на сферу правотворчества.

Возвращаясь к вопросу о качестве юридических предписаний, отметим, что положения Судебных уставов оперировали понятиями, формальная сущность которых в законе не раскрывалась. К примеру, нормативное закрепление понятия кражи (в её формальном понимании) появляется спустя несколько лет после реформы, несмотря на то что ответственность за её совершение прямо предусматривалась в ст. 169 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864) [4, с. 68]. Обратимся к формулировке кражи, данной в ст. 1644 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1885): «Кражею признается всякое, какимъ бы то ни было образомъ, но въ тайнѣ, безъ насилія, угрозъ и вообще безъ принадлежащихъ къ свойству разбоя или грабежа обстоятельствъ, похищеніе чужихъ вещей, денегъ, или иного движимаго имущества» [5, с. 610]. Мы снова здесь можем заметить, что законодательное определение кражи выявило лишь форму хищения, раскрывая отличительный признак данного преступления, – тайный характер. Кассационный департамент Сената [2] уточняет понимание кражи в ряде следующих правоположений: «...похищение вещи втайне, и через то нарушение его имущественного права, и<...> с целью извлечь для себя из по-

хищенного пользу» [3, с. 534]; «...кража непременно предполагает похищение имущества заведомо чужого» [3, с. 534].

Таким образом, прорисовываются оценочные признаки хищения (хотя данное понятие прямо не используется в законе и правоприменительных актах, но подразумевается) в виде тайного, противоправного («нарушение его имущественного права») изъятия чужого имущества.

Итак, содержание понятия «хищение» было раскрыто в решениях высшего суда, и это далеко не единичный пример. Указанная редакция Уложения признаёт мошенничеством (ст. 1665) «...всякое, посредством какого-либо обмана учиненное, похищение чужих вещей, денег или иного движимаго имущества» [5, с. 647]. Отметим, что в качестве способа совершения указанного преступления законодатель определил обман, чем и отличил данный правовой запрет от иных имущественных противоправных деяний. Как уже было указано, кражей Уложение называет «всякое, какимъ бы то ни было образомъ» хищение. В такой интерпретации закона разграничить различные виды хищения – кражу и мошенничество – становилось достаточно проблематично, например, в случае, когда при совершении кражи виновные прибегали к обману с целью проникновения в помещение.

Таким образом, оценочные признаки мошенничества раскрывались в решениях высших судов. В комментарии к ст. 1665 Уложения говорится об обмане как о существенном условии мошенничества, при этом приводится ряд правоположений высших судов: «Отъ понятія мошенничества по за-

кону требуется, чтобы подсудимымъ былъ совершенъ обманъ и этимъ причиненъ убытокъ другому...»; «Понятіе мошенничества немислимо безъ употребленія обмана, какъ средства извлеченія для себя выгоды...» [5, с. 647]; «... необходимо, чтобы обманъ былъ средствомъ похищенія...» [5, с. 648]. Таким образом, выявляется роль обмана в составе мошенничества; он выступает основной причиной (средством извлечения выгоды) передачи имущества субъекту, обращающему его в свою пользу, в отличие от вышеприведённого примера кражи, где обман облегчает преступнику в дальнейшем тайное изъятие имущества собственника.

Особо подчеркнём, что в указанном случае значение решения высшей судебной инстанции департамента не ограничивалось только разъяснением смысла уголовно-правовой нормы. Посредством своих решений высший суд конкретизировал правовое предписание.

Таким образом, можно сделать вывод, что судебный акт не только раскрывал содержание правовой нормы, но и дополнял её, тем самым восполняя пробел законодательного регулирования. В условиях постоянного применения нового, не апробированного законодательства высший суд с помощью правила прецедента раскрывал вопросы реализации закона, становясь важным и неотъемлемым элементом правового контроля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Наумов А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6. С. 50.

2. Систематический свод решений кассационных департаментов Сената 1866–1871 г.: // Решения Уголовного кассационного департамента, разъясняющие Уложение и Устав о наказаниях и Учреждение Судебных Установлений. С подлинным текстом решений, извлеченными из них тезисами и критическим разбором их. Т. 4/ Сост.: Н.С. Таганцев. СПб.: Изд. Думашевского А., 1872. 482 с.
3. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. 2-е изд., доп. СПб.: Изд. Государственной Канцелярии, 1866. 555 с.
4. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 4. 2-е изд., доп. СПб.: Изд. Государственной Канцелярии, 1866. С. 68.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 6-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Изд. Таганцева Н.С., 1889. 775 с.

УДК 343.8

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-86-91

Головастова Ю.А.*Московский университет им. С.Ю. Витте
(филиал в г. Рязани)***ПОНЯТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация. Статья посвящена дискуссионным вопросам трактовки понятия уголовно-исполнительных правоотношений и его составляющих элементов. Автором исследуются научные взгляды на предмет уголовно-исполнительного права. Уделяется внимание истории становления, развития предмета уголовно-исполнительного права, анализируются точки зрения учёных, раскрывающих специфику предмета уголовно-исполнительного права на современном этапе. Автором высказывается мнение о расширении сферы уголовно-исполнительного права. В работе обосновывается вывод о том, что уголовно-исполнительные правоотношения носят публичный, многоуровневый, многосторонний, волевой, комплексный характер.

Ключевые слова: правоотношение, уголовно-исполнительные правоотношения, предмет уголовно-исполнительного права, отрасль права, сущность уголовно-исполнительного права.

Ju. Golovastova*Moscow University. SY Witte
(A branch office in the city of Ryazan)***THE NOTION OF CRIMINAL AND PENITENTIARY LEGAL RELATIONSHIPS:
METHODOLOGICAL ISSUES**

Abstract. The article is devoted to debatable issues of interpretation of the concept of criminal and penitentiary legal relationships and its components. The author reviews the scientific literature on the subject of Criminal and Penitentiary Law. The focus is made on the history of development of the subject of Criminal and Penitentiary Law. The author examines the specificity of the subject of Criminal and Penitentiary Law at the present stage and suggests extending the scope of Criminal and Penitentiary Law. The article grounds the conclusion that criminal and penitentiary legal relationships are public, multi-level, multi-sided, strong-willed and complex in character.

Key words: legal relationship, criminal and penitentiary legal relationships, a subject of Criminal and Penitentiary Law, a branch of law, the essence of Criminal and Penitentiary Law.

Категория «правоотношение» подразумевает тесную связь нормы права с реальными общественными отношениями. Экскурс к исправительно-трудовому

праву показывает, что в литературе встречается точка зрения, согласно которой в существовании исправительно-трудовых отношений как самостоятельных видов правоотношений отказывали, так как полагали, что они реализуются в рамках уголовной ответственности [10, с. 601]. Позже на смену исправительно-трудовым правоотношениям пришли уголовно-исполнительные. Вместе с тем, следует отметить, что на современном этапе, как и ранее, сложность и неоднозначность использования понятия «уголовно-исполнительное правоотношение» заключается в плюрализме теоретических представлений о данном понятии.

Следует отметить, что основанием, позволяющим выделить отрасль права, признаётся комплекс общественных отношений, которые возникают в «сфере» или «зоне» применения юридических норм, то, что составляет предмет уголовно-исполнительного права [9, с. 56]. Изучение проблемы уголовно-исполнительного правоотношения непосредственным образом зависит от научных взглядов на предмет уголовно-исполнительного права. В подтверждение сказанного, позволим себе привести высказывание В.В. Лазарева и С.В. Липень, о том, что «каждая отрасль права имеет свой предмет правового регулирования – соответствующую область общественных отношений» [4, с. 107].

При обращении к понятию уголовно-исполнительных правоотношений можно отметить, что, несмотря на давнюю историю изучения, до сих пор существуют дискуссии, даже относительно понятия уголовно-исполнительных правоотношений и его составляющих.

Уголовно-исполнительные правоотношения, как и любые отраслевые правоотношения, имеют все признаки, присущие категории «правоотношения» в общей теории права. Так, категория «правоотношение» выступает теоретическим основанием для раскрытия специфики уголовно-исполнительного правоотношения.

Долгое время предметом отрасли исправительно-трудового права рассматривались общественные отношения, регулирующие порядок и условия исполнения (отбывания) уголовных наказаний, связанных с применением мер исправительно-трудового воздействия. З.А. Астемиров в работе, посвящённой проблеме *исправительно-трудовых правоотношений*, определяет их как урегулированные или возникающие на основе правовых норм общественные и межличностные отношения, складывающиеся в процессе исполнения уголовных наказаний исправительно-трудового характера по поводу отбывания наказания и применения мер исправительно-трудового воздействия на осуждённых [1, с. 9]. В данном определении, на наш взгляд, просматривается синтез позитивного и социального правопонимания уголовно-исполнительных правоотношений.

А.А. Севрюгин отмечал, что исправительно-трудовые правоотношения – это общественные отношения (социально-экономические, политические и духовные), «возникающие в связи с реализацией правоограничений и осуществлением мер исправительно-трудового воздействия между государством в лице соответствующих учреждений и органов, и осуждёнными» [5, с. 5]. Ученый обращался к исправи-

тельно-трудовым правоотношениям как общественным, урегулированным нормами исправительно-трудового права. Тем самым, автор тесно связывал понятие *исправительно-трудового отношения* с понятием *исправительно-трудового права* как отрасли. Также с отраслью права соотносил понятие исправительно-трудового правоотношения И.А. Михайлов, который указывал, что «исправительно-трудовые правоотношения – это урегулированные нормами исправительно-трудового права общественные отношения, возникающие между государством в лице соответствующих органов и осуждёнными по поводу исполнения и отбывания уголовных наказаний» [6, с. 163].

Н.А. Стручков писал: «исправительно-трудовое право имеет свои нормы, которые регулируют специфические общественные отношения, складывающиеся в процессе и по поводу исполнения наказания...» [7, с. 57]. Учёный, признавая исправительно-трудовое право самостоятельной отраслью права, возражал против признания его комплексным. Отметим, что, по его мнению, исправительно-трудовые правоотношения – это урегулированные нормами права «общественные отношения, которые возникают, как это следует из ст. 2 Основ исправительно-трудового законодательства, в процессе и по поводу исполнения и отбывания уголовного наказания и применения мер исправительно-трудового воздействия к лицам, осуждённым к лишению свободы, ссылке, высылке и исправительным работам без лишения свободы, а также в порядке деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание, уча-

ствия общественности в исправлении и перевоспитании осуждённых; общественные отношения, возникающие в процессе и по поводу исполнения условного осуждения к лишению свободы и условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осуждённого к труду» [7, с. 57]. В целом, следует признать, что позиция, высказанная Н.А. Стручковым, расширила сферу исправительно-трудового права.

Существовала также точка зрения, принадлежащая А.Л. Ременсону, согласно которой исправительно-трудовое право признавалось комплексной отраслью права, что придавало исправительно-трудовым отношениям особый характер в силу того, что определялось «систематикой правовых норм» [7, с. 50].

В современный период В.Е. Южанин обращается к уголовно-исполнительным правоотношениям как к идеологическим самостоятельным отношениям, относящимся к надстройке, подчёркивая их признаки: 1) они являются средством перевода норм уголовно-исполнительного права в плоскость индивидуализированных связей субъективных прав и юридических обязанностей субъектов; 2) урегулированы нормами уголовно-исполнительного права; 3) осуществляются через юридические права и обязанности субъектов права на основе корреспондирующих связей; 4) характеризуются наличием специфических субъектов права; 5) поддерживаются принудительной силой государства [12, с. 359–362]. Нетрудно заметить, что данное понятие уголовно-исполнительного правоотношения соотносится по принадлежности с уголовно-

исполнительным правом как отраслью права.

Необходимо признать, что не все учёные-пенитенциаристы прослеживают зависимость уголовно-исполнительных правоотношений от присутствия уголовно-исполнительного права как самостоятельной отрасли. Так, О.В. Филимонов указывает, что уголовно-исполнительное право – это подотрасль административного права [10, с. 254].

С.М. Зубарев, С.И. Курганов под уголовно-исполнительными правоотношениями понимают общественные отношения, возникающие в процессе (и по поводу) исполнения (отбывания) всех видов наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера. Справедливости ради отметим, что это один из основных видов уголовно-исполнительных правоотношений [8, с. 422]. А.А. Толкаченко, анализируя уголовно-исполнительные правоотношения, помимо вышеуказанных, полагает, что к ним также относятся отношения по применению исправительного воздействия к осуждённым [2, с. 344]. Признавая уголовно-исполнительное право самостоятельной отраслью, учёные достаточно узко трактуют предмет уголовно-исполнительного права, не раскрывая всего многообразия уголовно-исполнительных правоотношений, в которых участвует осуждённый как субъект отбывания, начиная с момента вступления в силу обвинительного приговора суда вплоть до отбытия наказания (меры уголовно-правового характера).

Контрастирующую позицию можно встретить у В.М. Анисимова, трактующего предмет уголовно-исполнительного права достаточно широко

[3, с. 19]. Учёный к уголовно-исполнительным правоотношениям относит отношения в связи с исполнением и отбыванием уголовных наказаний, отношения, связанные с ресоциализацией осуждённых, отношения в связи с участием осуждённых в трудовой, общественной и иной деятельности, а также отношения по постпенитенциарной адаптации освобождённых. Мы склонны признать, что в определении точного круга правоотношений важным критерием выступает сфера действия права. В продолжение сказанного позволим заметить, что в постпенитенциарных отношениях осуждённый уже не участвует; он трансформируется в лицо, отбывшее наказание. Все правовые взаимосвязи, реализуемые в рамках постпенитенциарных отношений, представляют собой синтез уголовных, административных, трудовых и иных правоотношений.

В.И. Селиверстов, формулируя понятие уголовно-исполнительных правоотношений, справедливо полагает, что оно определяется через уяснение предмета уголовно-исполнительного права, который включает в себя круг правоотношений, исходя из положений ст. 2 УИК РФ [9, с. 25]. Учёный связывает понятие уголовно-исполнительного правоотношения с категорией уголовно-исполнительного права как самостоятельной комплексной отрасли, отмечая однородность и в то же время многослойность уголовно-исполнительных правоотношений. По мнению В.И. Селиверстова, предметом уголовно-исполнительного права признаются общественные отношения, возникающие при исполнении (отбывании) всех видов уголовного наказания и иных мер уголовно-правового

характера (а также при применении к осуждённым средств исправления; в связи с участием органов государственной власти по контролю за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, и оказанию им помощи в исправлении осуждённых), между администрацией организаций, общественных объединений и гражданами в связи с их участием в исправлении осуждённых или посещением исправительных учреждений. Исследуя виды общественных отношений, составляющих предмет уголовно-исполнительного права, учёный указывает на специфику отношений, отличающихся комплексным характером и регулируемых «особой системой правовых норм». Под «особой системой правовых норм» понимается ряд правовых норм из других отраслей и подотраслей права (конституционного, гражданского, уголовного, семейного, трудового права).

На наш взгляд, критериями, позволяющими устанавливать круг уголовно-исполнительных правоотношений, могут выступать: субъектный состав отношений (с обязательным участием осуждённого как субъекта отбывания наказания); особая система норм права; комплексный способ регулирования уголовно-исполнительных правоотношений; время действия уголовно-исполнительных правоотношений; специфика объектов правового регулирования.

Как видим, специфика уголовно-исполнительных правоотношений обуславливается спецификой уголовно-исполнительного права как отрасли права. Одна группа уголовно-исполнительных правоотношений относится к «исключительно» уголовно-исполни-

тельным правоотношениям, так как центральным объектом регулирования выступают действия субъектов при исполнении и отбывании уголовных наказаний (мер уголовно-правового характера). Другие отношения, составляющие предмет уголовно-исполнительного права, носят комплексный характер. Так, при регулировании трудовой деятельности осуждённых уголовно-исполнительным правом используются трудовые нормы, при проведении воспитательной работы с осуждёнными – административные нормы, при реализации кары – административные нормы. Указанные нормы права во взаимодействии под влиянием особых юридических фактов свидетельствуют об образовании уголовно-исполнительных правоотношений. Таким образом, приобретая специфику в субъектно-объектном взаимодействии в рамках предмета уголовно-исполнительного права, они становятся уголовно-исполнительными.

В.Н. Чорный полагает, что наличие комплексных правовых институтов в структуре уголовно-исполнительного права закономерно с позиции теории права [11, с. 25]. Соглашаясь с данной точкой зрения, отметим, что специфика уголовно-исполнительных правоотношений, осложнённых особой системой заимствованных и трансформированных норм, обуславливается специальными субъектами правоотношений – осуждённым и субъектом исполнения наказания, объектами правового регулирования, комплексным способом регулирования общественных отношений, входящих в предмет уголовно-исполнительного права.

Таким образом, категория «уголовно-исполнительное правоотношение» является базовым, не конкретизированным понятием для уголовно-исполнительного права, чем обуславливаются трудности его понимания и практического воплощения в реальной действительности. Данное понятие позволяет проследить системные правовые связи между нормами уголовно-исполнительного права и реальными конкретными отношениями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Астемиров З.А. Субъекты советского исправительно-трудового права. Рязань: НИиРИО РВШ МВД СССР, 1976. 48 с.
2. Бриллиантов А.В., Курганов С.И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учеб. М.: ТК Велби: Проспект, 2007. 224 с.
3. Королева Е.В. Предмет, цели и задачи уголовно-исполнительного права: монография. М.: Изд-во АФ МОСА, 2010. 82 с.
4. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Изд-во Спарк, 1998. 448 с.
5. Севрюгин А.А. Исправительно-трудовые правоотношения. Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1988. 37 с.
6. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть. / Под ред. Н.А. Стручкова, И.В. Шмарова, И.А. Сперанского. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1977. 412 с.
7. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. М.: Юрид. лит., 1984. 240 с.
8. Уголовно-исполнительное право: учеб. для вузов / Под ред. А.С. Михлина. 2-е изд., перераб и доп. М.: Высшее образование, 2008. 422 с.
9. Уголовно-исполнительное право: учебник для юрид. вузов / Под ред. В.И. Селиверстова. 7-е изд., испр. и доп. М.: Высшее образование, 2009. 320 с.
10. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М.: ЮрИнфоР, 2007. 335 с.
11. Чорный В.Н. Тенденции развития уголовно-исполнительного права в современных условиях // От исправительно-трудового права к уголовно-исполнительной отрасли: Материалы международного научно-практического семинара / Академия права и управления ФСИН; Рязанский областной институт развития образования; ред. кол.: А.Я. Гришко и др. Рязань, 2006. С. 25–29.
12. Южанин В.Е. Уголовно-исполнительное право: Лекция. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2000. 45 с.

УДК 328.185:342.553

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-92-98

Коновалова И.А., Коробов Э.В.*Московский государственный областной университет*

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением комплекса организационных и правовых факторов, способствующих возникновению и воспроизводству преступлений коррупционной направленности в органах местного самоуправления. Не отрицается сам факт общности форм проявления коррупционных деяний, а также их перечня, позволяющих закреплять критерии, посредством которых можно выделить таковые из числа уголовно-наказуемых деяний. Вместе с тем, обосновывается идея о необходимости выявления всей совокупности факторов, детерминирующих коррупционное поведение в органах местного самоуправления. Это, в частности, позволяет формировать более эффективную систему мер предупреждения коррупции. Все факторы, способствующие возникновению коррупции, в статье подразделяются на правовые, организационные, имущественные.

Ключевые слова: коррупция, преступления, преступления коррупционной направленности, местное самоуправление, органы местного самоуправления.

I. Konovalova, Ye. Korobov*Moscow State Regional University*

THE FEATURES OF CORRUPTION CRIMES IN LOCAL GOVERNMENT BODIES

Abstract. This article discusses the issues related to identifying a complex of organizational and legal factors contributing to the rise and reproduction of corruption crimes in local government bodies. The fact is proved that corruption crimes have common forms and a list is made to fix the criteria by which corruption crimes can be identified as criminal acts. Besides, the authors justify the idea of the need to reveal all factors determining corruption behavior of local government bodies. This will allow of creating a more effective system of measures to prevent corruption. All corruption stimulating factors are divided into legal, organizational, property.

Key words: corruption, crimes, corruption crimes, local government, local government bodies.

Как известно, основу преступлений коррупционной направленности составляют деяния, состоящие в получении незаконного вознаграждения с использованием служебного положения. Эти преступления являются одним из опасных общественных явлений. В таких формах, как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями,

коммерческий подкуп, иное незаконное использование должностного положения, они направлены на различные общественные отношения, с помощью которых осуществляются права граждан и объединений, гарантируются законом интересы личности, общества и государства. В результате происходит дезорганизация всех общественных отношений, наносится существенный вред правам и интересам граждан.

В отечественной научной литературе сформированы подходы к определению особенностей преступлений коррупционной направленности. Это, в свою очередь, даёт возможность определить правовые и организационные проблемы, возникающие в процессе привлечения к уголовной ответственности совершивших их лиц.

Так, И.Б. Малиновский утверждает, что преступление коррупционной направленности представляет собой «запрещённое нормами права использование лицом, уполномоченным на осуществление государственных функций, своего статуса для получения имущества, услуг или льгот, а равно предоставление ему таких преимуществ заинтересованным лицом, а равно подстрекательство к названным деяниям или посредничество в них, либо совершение деяний, которые могут быть восприняты в общественном сознании как коррумпированное поведение» [6, с. 43].

В свою очередь, с точки зрения С.В. Максимова, «коррумпированное поведение находит своё проявление в коррупционных правонарушениях, под которыми обычно понимают гражданско-правовые деликты, дисциплинарные и административные

проступки, а также преступления» [5, с. 12]. Отсюда, по его мнению, следует, что коррупционные правонарушения представляют собой противоправные действия государственных должностных лиц, реализующих в результате подкупа и продажности противоправный сговор с иными физическими или юридическими лицами. Однако данная дефиниция значительно суживает круг коррупционных правонарушений, исключает противоправные коррупционные деяния в муниципальной и негосударственной сферах.

Более точное определение содержится в Модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике». Согласно ему, «коррупционное правонарушение – это общественно вредное либо общественно опасное деяние, обладающее признаками коррупции, за которое нормативным правовым актом установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность» [8].

Иными словами, само понятие коррупции не совпадает с понятием коррупционной преступности, так как явление коррупционной преступности представляет собой только часть коррупции в целом, хотя, конечно, и наиболее опасную разновидность с позиции общественных интересов. Что же касается собственно коррупционных преступлений, то к ним относят «предусмотренные УК РФ общественно опасные деяния, непосредственно посягающие на авторитет публичной службы, выражающиеся в незаконном получении государственными или муниципальными служащими каких-либо преимуществ (имущества, прав на него, услуг или льгот) либо в предо-

ставлении последним таких преимуществ» [5, с. 106].

С.В. Максимовым было сформулировано следующее определение коррупционной преступности. «Коррупционная преступность – это целостная, относительно массовая совокупность преступлений, посягающих на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления, выражающихся в незаконном получении преимуществ лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций либо в предоставлении данным лицам таких преимуществ, а также совокупность самих этих лиц» [5, с. 74].

Таким образом, коррупция как явление присуща не только системе органов государственной власти. Она характерна и для муниципальной власти. Отсюда очевидна актуальность общенациональной проблемы противодействия коррупции в различных сферах жизнедеятельности и на различных уровнях. Так, Е.В. Ромашина отмечает, что «в силу представления публичной власти в России не только её государственной составляющей, но и муниципальной (ст. 12 Конституции Российской Федерации), последняя обоснованно требует к себе особого внимания» [10].

Например, имеет место следующая статистика: «...начиная с 2011 года к уголовной ответственности за коррупционные преступления Следственным комитетом России привлечено 2487 лиц, обладающих особым правовым статусом. Среди них 1703 депутата и выборных глав органов местного самоуправления» [1]. В этом плане анализ работы правоохранительных органов г. Москвы в сфере борьбы с

коррупцией показал, что общее число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности на протяжении указанного периода времени имеет определённую тенденцию к росту. Если рассматривать данную позицию через призму конкретных составов преступлений, то в г. Москве имеют место такие составы, как получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ) [11].

В соответствии с п. «а» ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», к формам проявления коррупции относят «злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [12].

Анализируя данное определение, следует отметить, что оно не содержит полного перечня коррупционных деяний, но закрепляет критерии, с помощью которых можно выделить такие деяния из числа уголовно-наказуемых. В процессе их совершения незаконно используются полномочия, предоставленные виновным лицам по службе (за исключением дачи взятки и коммерческого подкупа); они совершаются из корыстной заинтересованности; преступные действия связаны с незакон-

ным вознаграждением или иной личной заинтересованностью.

При этом следует иметь в виду, что коррупция имеет сложные причины, многообразие форм проявления, последствий, которые влияют на все сферы жизни общества и государства [3]. Это в полной мере относится и к сфере деятельности органов местного самоуправления. По мнению Ш.Т. Гиреева, речь идёт, в том числе, и об особенностях преступлений коррупционной направленности, совершаемых в органах местного самоуправления [2].

На сегодняшний день в России около двадцати пяти тысяч муниципальных образований. В каждом из них действуют три органа самоуправления:

- представительный орган;
- глава муниципального образования;
- исполнительно-распорядительный орган (администрация, возглавляемая главой муниципального образования).

Органами местного самоуправления осуществляется большая работа по становлению и развитию самоуправления в стране, разрешению проблем местного значения.

Однако, как отмечает В.А. Пленкин, «наряду с отдельными органами государственной власти некоторые органы местного самоуправления всё более втягиваются в коррумпированную систему власти и тем самым являются не только питательной средой для организованной преступности, но и в ряде мест пытаются даже создать организованные преступные группы в органах местного самоуправления» [9]. Иными словами, органы местного самоуправления продолжают оставаться приманкой для организованных пре-

ступных сообществ, пытающихся использовать их ресурсы в интересах незаконного обогащения.

При этом, по нашему мнению, крайне важной задачей является анализ самих специфических факторов, способствующих совершению преступлений коррупционной направленности в органах местного самоуправления. В этом плане такие учёные, как В.И. Гладких, А.Б. Соловьев, справедливо отмечают, что местное самоуправление представляет собой деятельность населения некоторой территории по разрешению проблем местного значения в интересах жителей территории.

В соответствии с конституционной нормой, как известно, органы местного самоуправления выведены за рамки государственной службы. Но при этом они реализуют её функции на своей территории в рамках собственных полномочий. Создаваясь таким образом, муниципальная служба оказывается вне сферы эффективного общественного контроля. Это формирует условия для возникновения фактов злоупотребления властью, превышения полномочий, бездействия, предательства интересов службы.

Распространение этих фактов и рождает опасную для общества деформацию – коррупцию в органах местного самоуправления. Соответственно, возникают дисфункции в системе муниципального управления; несоответствие структуры муниципальных органов целям и функциям практики; нарушение субординационных и координационных связей; неспособность обеспечить исполнение принимаемых управленческих решений; нарушение открытости взаимодействия органов местного самоуправления с населением и т.д. [7, с. 54].

Кроме того, следует в контексте рассматриваемых проблем указать на такой важнейший фактор, способствующий воспроизводству преступлений коррупционной направленности в органах местного самоуправления, как имущество. Так, согласно ст. 50 Федерального закона от 6 октября 2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в собственности муниципальных образований могут находиться: имущество для решения вопросов местного значения; имущество для осуществления ряда государственных полномочий, переданных органам самоуправления; имущество для обеспечения деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления, муниципальных служащих, работников предприятий и учреждений; объекты культурного наследия. Все объекты муниципальной собственности должны служить конкретным целям, решению проблем местного уровня, и все они являются имуществом, предназначенным для чего-либо (водоснабжения, сбора и вывоза отходов и т.д.).

Таким образом, муниципальное имущество – это целевое имущество. Муниципальным образованиям могут принадлежать и земельные участки, водные объекты. Муниципальные образования часто владеют, пользуются и распоряжаются, например, земельными участками, в соответствии с задачами, даже не связанными с решением проблем местного значения. В этом плане приватизация муниципальной собственности является источником коррупционных преступлений. Речь может идти, например, о таких нарушениях, как присвоение денежных

средств. Сюда же можно прибавить случаи оценивания объектов по заниженным ценам, манипуляции на тендерах, скупка организаций муниципальными чиновниками через подставных лиц. Таким образом, муниципальная собственность может выступать средством, а может – и детерминантой возникновения коррупции, в первую очередь при передаче муниципальной собственности в частную.

Кроме того, опасной разновидностью организованного преступного сообщества на муниципальном уровне является объединение действий уголовных субъектов, коррумпированных субъектов правоохранительных органов, органов местного самоуправления. Этот феномен ещё не получил глубокого исследования и оценки.

Следует согласиться с Я.И. Гилинским и Я.В. Костюковским, которые считают, что «организованная преступность – это качественно новое состояние преступности, когда она встроена в социальную систему, оказывает существенное влияние на другие элементы системы: на экономику и политику» [15, с. 369]. Это в равной мере относится и к органам местного самоуправления.

В.А. Пленкин вполне обоснованно коррупционные проявления в органах местного самоуправления предлагает рассматривать в нескольких аспектах:

- по сфере действия (в органах самоуправления; в отношениях с другими субъектами на территории муниципалитета);
- по направленности (уголовные преступления; должностные правонарушения; должностные проступки);
- по субъектам (главы муниципальных образований, местных ад-

министратий; муниципальные служащие; председатели и заместители председателей представительных органов; депутаты представительных органов муниципальных образований).

Следует понимать, что сама жизнь рождает и новые формы коррупции в органах самоуправления. Например, речь идёт о даче взяток депутатскому корпусу в целом, а не конкретному депутату. Уже не только главы муниципальных образований нарушают права предпринимателей, но и конкретные муниципальные служащие. Например, чиновники отдельных администраций могут выдавать субъектам строительства необоснованные разрешения на ввод в эксплуатацию объектов капитального строительства и т.д.

Отдельные учёные выделяют такие признаки коррупции:

- имеет должностной характер;
- характеризуется корпоративностью;
- представляет организацию;
- несовместима с интересами службы;
- коррупционные блага намного превышают преимущества, предоставляемые государством за честную службу [4].

Эти признаки интегрируют коррупцию в органах самоуправления и организованную преступность. Организованная преступность может в этом случае носить уже и должностной характер, характеризоваться корпоративностью. Такие группы в случае необходимости могут идти на совершение любых тяжких преступлений, вплоть до убийств, похищений и т.д.

Как уже говорилось, важной особенностью преступности на местном уровне является клановость, монопо-

лизм власти. Эта модель всячески поддерживается преступными группами.

Следует указать ещё на одну проблему. В ст. 5 Федерального закона «О противодействии коррупции» закреплена норма о том, что органы местного самоуправления должны противодействовать коррупции в рамках своих полномочий¹. Эти полномочия указаны в ст. 17 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и в Федеральном законе «О муниципальной службе» [13; 14].

Но вопрос противодействия коррупции не может расцениваться как вопрос местного уровня (в п. «б» ст. 72 Конституции РФ вопросы обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности отнесены к предметам совместного ведения). Поэтому органы местного самоуправления нужно наделить важными полномочиями в данной сфере. При дефицитности местных бюджетов государство должно оказывать целевую поддержку муниципалитетам для противодействия коррупции.

Таким образом, эффективность противодействия коррупции на местном уровне прямо пропорциональна пониманию специфических особенностей (правовых, организационных, культурных, коммуникативных и других), порождающих коррупционное поведение. Это может способствовать выработке продуктивных программ, ориентированных на предупреждение коррупции.

В целях предупреждения коррупции в тех или иных органах и среди должностных лиц местного

¹ Российская газета. 2003. №202.

самоуправления следует внести необходимые дополнения в действующее законодательство, направленные на ограничение сроков избрания глав муниципалитетов, назначения глав администраций. Необходимо также шире использовать процедуру назначения на должности в органах местного самоуправления по контракту.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бастрыкин А. «Причина и следствие»: интервью // Российская газета. 2015 г. 5 октября.
2. Гиреев Ш.Т. Состояние и динамика коррупционных преступлений в органах местного самоуправления (региональный аспект) // Бизнес в законе. 2011. № 4. С. 125–127.
3. Гладких В.И. Коррупция в России: генезис, детерминанты и пути преодоления // Российский следователь. 2001. № 3. С. 14–15.
4. Каменецкий Ю.Ф., Кунцевич П.В., Юбко Т.Ю. Коррупция: экономико-криминологический подход [Электронный ресурс] // Юрист-онлайн. Электронный юридический журнал. URL: <http://www.shkolny.com/2007/04/11/> (дата обращения: 01.10.2015).
5. Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. М.: ЮрИнфоР, 2000. 143 с.
6. Малиновский И.Б. Коррупция: проблемы уголовной ответственности государственных служащих. М.: МИ МВД РФ, 2004. 112 с.
7. Муниципальная программа по предупреждению коррупции: Сборник материалов / под общей ред. Соловьева А.Б. Ижевск, 2008. 100 с.
8. Основы законодательства об антикоррупционной политике: Модельный закон от 15 ноября 2003 года (Принят в г. Санкт-Петербурге Постановлением 22-15 на 22-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33. С. 225–260.
9. Пленкин В.А. Проблемы противодействия коррупции в органах местного самоуправления [Электронный ресурс] // Вопросы управления. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2009/01/17/> (дата обращения: 01.10.2015).
10. Ромашина Е.В. Реализация органами местного самоуправления мер по противодействию коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2013. 23 с.
11. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 30 декабря.
12. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/12164203/#block_1 (дата обращения: 01.10.2015).
13. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 40. 2003.
14. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 марта 2007 г. № 10. ст. 1152.
15. Частная криминология / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ Д.А. Шестаков. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 771 с.

УДК 339.5:339.187.62;343.721

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-99-102

Надысева Эльвира Ханифовна*Московский государственный областной университет***СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ ЛИЗИНГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ**

Аннотация. Представленная публикация посвящена анализу современного подхода к пониманию способа совершения преступления в сфере лизинга. В настоящей статье предложена авторская классификация способов мошенничества в сфере лизинга в зависимости от лизинговых рисков. В работе описываются некоторые наиболее распространённые способы мошенничества в сфере лизинговых операций с приведением примеров. В заключение автор делает вывод о значении знаний о способах анализируемого в данной статье преступления для методики расследования мошенничества в сфере лизинга.

Ключевые слова: лизинг, лизинговая компания, лизингодатель, классификация, способ мошенничества.

E. Nadyseva*Moscow State Regional University***THE WAYS OF COMMITTING FRAUDS IN LEASING OPERATIONS**

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern approach to understanding the ways of committing crimes in the sphere of leasing. In this article the author proposes a classification of frauds in leasing depending on leasing risks. This study describes some of the most common ways of fraud in the sphere of leasing operations with examples. A conclusion is made that the awareness of the ways of committing the studied type of crime is highly important for elaborating the methods of fighting frauds in leasing operations.

Key words: leasing, leasing company, lessor, classification, ways of committing frauds.

В российских организациях предпосылкой преодоления экономического кризиса является обновление производственной техники и оборудования.

На данном этапе по банковским кредитам действуют повышенные процентные ставки, и поэтому хорошей альтернативой банковскому кредитованию является лизинг, имеющий преимущества в виде ускоренной амортизации и льготного налогообложения.

К основным нормативно-правовым актам, которые составляют правовую основу регулирования в РФ лизинговых отношений, относятся Конвенция УНИ-ДРУА о международном финансовом лизинге (Оттава, 1988 г.) [2], гл. 34 ГК РФ [1] и ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» [5].

Однако в настоящее время, даже со всеми поправками и изменениями, закон

не совершенен, и поэтому мошенники обманывают государство, лизинговые компании и поставщиков.

Так, мошенники в основном рассматривают лизинговые компании как объект своих посягательств, вступая в преступный сговор на хищение денежных средств лизинговых компаний. В частности, предмет лизинга не соответствует его реальным или заявленным характеристикам. Например, при заключении договора лизинга умалчивают о том, что лизинговое оборудование не находилось в собственности, либо оно является предметом залога по кредитным договорам, которые были заключены ранее. Либо продавец продаёт несуществующее оборудование, лизингополучатель берёт его в лизинг и не осуществляет лизинговые платежи. А когда дело доходит до арбитражного суда, компании объявляют себя банкротами.

Согласно УК РФ [4], мошенничество представляет собой преступное деяние, которое направлено против собственности и позиционируется как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём злоупотребления доверием или обмана.

Если рассматривать способ мошенничества, то в криминалистическом смысле он определяется как система действий по подготовке, совершению и сокрытию хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путём злоупотребления доверием или обмана, обусловленных личными качествами мошенника, условиями внешней среды, личными качествами обладателя прав на имущество, или собственника имущества, и оставляющих характерные следы.

При совершении мошенничества в сфере лизинга, в отличие от иных разновидностей этого преступления, способ преступления в основном включает в себя всю систему взаимосвязанных действий по подготовке, осуществлению и сокрытию преступления. Поэтому наиболее важным и наиболее сложным для описания элементом криминалистической характеристики мошенничества в сфере лизинга является способ совершения преступления. Это связано с многообразием действий преступников по обману и злоупотреблению доверием лизинговых компаний, государственных органов, поставщиков, а также со сложностью классификации способов мошенничества в данной сфере. Способы мошенничества в сфере лизинговых операций различны, и они постоянно меняются; с каждым днём разрабатываются новые схемы мошенничества. Вот некоторые из них:

1) предоставление лизингодателю на этапе заявки недостоверных финансовых сведений, например, заведомо исправленных, подложных, либо ложных документов, ложной информации об учредителях предприятия, в лизинговую компанию для того, чтобы получить положительное решение по финансированию. Так, мошенники уже на стадии сбора документов предоставляют на предприятие лизингополучателя ложные документы, составленные так, чтобы удовлетворять юридическим и финансовым требованиям лизинговой компании – балансы, отчёты о прибылях и убытках и юридические документы;

2) сговор недобросовестного менеджера с лизингополучателем. При сговоре со специалистом, ведущим

сделку, проводится лизинговая сделка с заведомо неплатёжеспособной компанией, что лизинговую компанию приводит к убытку;

3) недобросовестность поставщика предмета лизинга, которая заключается в том, что лизингополучатель указывает подставного продавца предмета лизинга, и после того, как лизинговая компания переводит деньги на счёт продавца, продавец сразу исчезает;

4) сговор лизингополучателя с поставщиком предмета лизинга по завышению стоимости имущества. Так, лизингополучатель в сговоре с поставщиком приобретает имущество, оборудование по заведомо высокой стоимости. Лизингополучатель, не производя лизинговые платежи, возвращает имущество, оборудование лизингодателю и получает разницу, которая была заложена в стоимость имущества, оборудования, оплаченно-го лизинговой компанией;

5) завоевание лизингополучателем деловой репутации лизинговой компании. Этот способ мошенничества ещё называют «принципом троянского коня», когда лизингополучатель создаёт для себя положительную репутацию: у него положительная кредитная история и платёжная дисциплина; и лизинговая компания, уверенная в порядочности лизингополучателя, увеличивает лимит и приобретает для лизингополучателя новое имущество. В свою очередь, лизингополучатель сначала в срок платит по нескольким лизинговым платежам, потом скрывается вместе с имуществом;

6) имитация хищения – кража, грабёж или разбой (чаще всего – автотранспорт). В основном, это один из специфических рисков лизинговой

компании, который связан с возможным исчезновением предмета лизинга после заключения сделки и передачи предмета лизинга лизингополучателю. Такое исчезновение в основном происходит, когда лизингополучателю нечем расплачиваться за технику или оборудование.

Однако это не исчерпывающий перечень способов мошенничества в сфере лизинга, так как в большинстве случаев все вышеперечисленные способы совершаются комбинированно. В частности, менеджеры акционерного общества и генеральный директор лизинговой компании с целью хищения денежных средств вступают в преступный сговор с третьими лицами, поручая им подбор подходящих лиц на роли номинальных директоров фирм, нуждающихся якобы в приобретении оборудования. Впоследствии генеральный директор лизинговой компании, используя своё служебное положение, высылает в головное предприятие акционерного общества заведомо ложные сведения, характеризуя данные фирмы как надёжных партнёров. После заключения договоров финансовой аренды (договоров лизинга) на счета подставных фирм перечисляются денежные средства. Но реально никакого оборудования не закупалось, и денежные средства впоследствии обналичиваются и похищаются.

В том числе, на сегодняшний день распространено мошенничество и в рамках выполнения бюджетного законодательства о предоставлении лизинговых субсидий субъектам среднего и малого предпринимательства, чем наносится значительный ущерб бюджету РФ и субъекту РФ.

В частности, региональное Министерство экономики при выполнении

программы «Развитие малого и среднего предпринимательства Омской области 2009–2013 года» [3] выделяет денежные средства фирме ООО «Сибпроттрейд» для возмещения платежей по договорам лизингового оборудования. По документам, представленным фирмой, получатель госсубсидии закупил специальное оборудование для того, чтобы выращивать продовольственную рыбу, однако при обыске, изъятии и проверке документов они оказались фиктивными, и фирма ООО «Сибпроттрейд» необходимое оборудование, на которое выделялись средства, не приобрела. Таким образом, выделенные денежные средства исчезли.

Одним из распространённых способов мошенничества в сфере лизинга является также получение компанией имущества в лизинг, которое потом уступается другой компании или оказывается в залоге, и все платежи по лизинговому договору прекращаются.

На основе проведённого анализа следует отметить, что, как показывает практика уголовных дел, основными способами сокрытия исследуемой группы мошенничеств являются: маскировка под легальные гражданско-правовые сделки; дальнейшее совершение сделок с лизинговым имуществом; подкуп должностных лиц, имеющих отношение к сделке; использование

в преступной деятельности поддельных документов. Безусловно, знания о способах анализируемого в данной работе преступления имеют большое значение для методики расследования мошенничества в сфере лизинга.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения: 19.08.2015).
2. Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге (заключена в Оттаве 28.05.1988) // Собрание законодательства РФ. 09.08.1999. № 32. Ст. 4040.
3. Расследование мошенничества с лизинговыми госсубсидиями [Электронный ресурс]. URL: <http://vbleasing.ru/novosti/rassledovanie-moshennichestva-s-lizingovymi-gossubsidiyami.html> (дата обращения: 19.08.2015).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения: 19.09.2015).
5. Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О финансовой аренде (лизинге)» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения: 19.08.2015).

РАЗДЕЛ V. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.195

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-4-103-107

Мельник В.В.

Московский государственный областной университет

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ. Ч. II

Аннотация. В статье анализируется общественно-политическое и юридическое значение суда с участием присяжных заседателей. Основное юридическое значение этой формы судопроизводства заключается в том, что она более надёжно защищает права и свободы человека и гражданина от обвинительного уклона профессиональных юристов и народных представителей. Функционирование такой формы судопроизводства в обществе способствует реальному разделению судебной, исполнительной и законодательной властей, помогает сформировавшимся в тоталитарную эпоху следователям, прокурорам и судьям избавиться от правового нигилизма, неуважительного отношения к закону, правам человека и от других реликтов общественного и профессионального сознания тоталитарной эпохи, предрасполагающих их к произволу, казённо-бюрократическому стилю деятельности.

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей, разделение властей, обвинительный уклон, общественное и профессиональное сознание тоталитарной эпохи.

V. Melnik

Moscow State Regional University

SOCIO-POLITICAL AND LEGAL SIGNIFICANCE OF COURT OF JURY, PART II

Abstract. The article analyzes the socio-political and legal significance of court of jury. The main legal value of this form of justice is that it more reliably protects the rights and freedoms of humans and citizens from the accusations of lawyers and national representatives. The operation of this form of justice in the society promotes the real separation of judicial, executive and legislative powers, helps investigators, prosecutors and judges formed in the totalitarian era get rid of their legal nihilism, disrespectful attitude towards the law, human rights and other relics of public and professional consciousness of the totalitarian era, predisposing them to arbitrariness and formal bureaucratic style.

© Мельник В.В., 2015.

Key words: court of jury, separation of powers, accusatory inclination, public and professional consciousness of the totalitarian era.

Преимущество принятой в России классической модели суда присяжных по сравнению с французской

Французская модель суда фактически судом с участием присяжных заседателей не является, поскольку народные представители в ней не обладают полномочиями выносить самостоятельное процессуальное решение в виде вердикта. Такая форма судопроизводства, по существу, является одной из разновидностей суда шеффенов. При этой форме судопроизводства профессиональные судьи и народные представители при рассмотрении и разрешении уголовного дела по вопросам о виновности образуют одну судебную коллегию. Такая форма судопроизводства мало чем отличается от советского народного суда, поскольку в том и другом суде профессиональные судьи (или председательствующий судья) при рассмотрении и разрешении дела образуют одну судебную коллегию, в которой народные представители подпадают под влияние профессиональных судей и превращаются в «кивал». Так в народе называли народных заседателей советского народного суда.

На наш взгляд, во всех постсоветских странах, в которых после крушения авторитарного политического режима в Конституции было закреплено право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, нет достойной альтернативы классической модели суда присяжных. Если обвиняемый не доверяет

коллегии профессиональных судей, он может выбрать суд с участием присяжных заседателей, где основные вопросы о виновности народные представители решают самостоятельно, без участия профессиональных судей. Если он больше доверяет коллегии профессиональных судей, он отказывается от суда присяжных. При французской модели суда присяжных он фактически лишён такого выбора, поскольку, как отмечалось, при такой форме судопроизводства народные представители психологически предрасположены становиться «кивалами», и в этих неблагоприятных социально-психологических условиях судьбу дела фактически решают профессиональные судьи.

Кроме того, введение французской модели судопроизводства не обеспечивает эффективное решение рассмотренных выше социально-политических задач, связанных с ограждением профессиональных судей от влияния чиновников и других заинтересованных лиц, а также с формированием и развитием у них демократического менталитета, избавления их от казенно-бюрократического стиля деятельности.

Своими систематически повторяющимися оправдательными приговорами по некачественно расследованным делам суды присяжных стимулируют, создают добровольно-принудительную мотивацию для повышения профессиональной культуры следователей, прокуроров и адвокатов, поддержания их профессиональной натренированности на уровне, обеспечивающем качественное выполнение их профессиональных обязанностей. Это подтвердили 85% опрошенных судей, 87% прокуроров и 53% следователей.

67 % опрошенных прокуроров отметили, что по делам, рассматриваемым в суде присяжных, они более внимательно и ответственно осуществляют прокурорский надзор за предварительным расследованием, более тщательно готовятся к состязательно-му процессу в суде присяжных.

Вместе с тем современная судебная практика с участием присяжных заседателей не даёт основания утверждать, что суды присяжных функционируют безупречно.

Причины несправедливых вердиктов присяжных заседателей

Прокурорских работников и общественность особенно беспокоят случаи, когда суды с участием присяжных заседателей выносят несправедливые оправдательные приговоры убийцам и другим опасным преступникам при наличии в деле достаточного количества доказательств.

Эта озабоченность недавно прозвучала и в выступлении Президента Российской Федерации В.В. Путина на встрече с членами Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 11 января 2007 г. В своём выступлении он упомянул «дело об известном убийстве в Чечне» и пояснил: «Там все доказательства на столе, но, тем не менее, решение тоже известно. Это, конечно, дискредитирует сам институт, но это не значит, что мы должны оставлять эту работу. Мы должны её дальше развивать, я здесь с Вами полностью согласен, и укреплять его, должны думать о том, чтобы обеспечить независимость коллегии присяжных, должны обеспечить их безопасность, должны просто лучше организовать

их работу. И над этим будем думать – не над тем, чтобы сворачивать этот институт, а наоборот, над тем, чтобы его укреплять» (цитировано по Стенографическому отчёту о встрече с членами Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 11 января 2007 г., Москва, Кремль (на сайте Президента Российской Федерации)).

В этом высказывании Президента РФ содержится конструктивный государственный подход к несправедливым оправдательным и обвинительным вердиктам присяжных заседателей по отдельным уголовным делам. Такие вердикты, даже если юристам они кажутся, мягко говоря, странными, следует рассматривать не как повод для сворачивания деятельности российского суда присяжных, а тем более – для его шельмования, а как повод для того, чтобы подумать, как укрепить этот важный институт гражданского общества, лучше организовать его работу.

Одним из важнейших направлений деятельности по укреплению данного института, повышению качества работы судов с участием присяжных заседателей является повышение уровня ораторского мастерства прокуроров и адвокатов, формирование у них системы знаний, умений и навыков по технике убеждения, которые охватываются понятием «судебное ораторское искусство» или «искусство речи на суде». Эти знания, умения и навыки являются основой эффективной реализации государственным обвинителем и защитником процессуальных средств аргументации своей позиции в ходе судебного следствия и прений сторон. На этапе судебного следствия основными процессуальными средствами аргумен-

тации являются вступительные заявления государственного обвинителя и защитника (в суде с участием присяжных заседателей) и проведение прямых и перекрёстных допросов, а в ходе прений сторон – обвинительная и защитительная речи и реплики сторон.

Поскольку все эти процессуальные средства аргументации реализуются при помощи речи, её вербальных и невербальных (паралингвистических) компонентов, понятие «судебное ораторское искусство», или «искусство речи на суде», охватывает аргументационную деятельность сторон не только в процессе прений, но и в ходе судебного следствия.

Практика судопроизводства с участием присяжных заседателей в Российской империи и в современной России свидетельствует о том, что одна из главных причин вынесения присяжными заседателями несправедливых обвинительных или оправдательных вердиктов заключается в том, что государственный обвинитель и защитник не владеют ораторским искусством как средством построения убедительной аргументации в ходе судебного следствия и прений.

В 1999 г. первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ В.И. Радченко отмечал: «Неумение прокурора представить имеющиеся в деле доказательства, неубедительность его выступлений в суде влекут естественный результат: вынесение оправдательных вердиктов или чрезмерно мягких, с точки зрения прокурора, выводов скамьи присяжных заседателей. Тем не менее, в подобных случаях стало модным обвинять в либерализме присяжных, а не прокуроров, которые не сумели убедительно доказать вину подсудимых» [1, с. 69].

В тех же случаях, когда присяжные выносят обвинительный вердикт неповинному человеку или признают подсудимого виновным в более тяжком преступлении, чем он совершил в действительности, этому способствует ошибки государственного обвинителя и защитника при определении позиции по делу, а также неумение адвоката убедительно аргументировать позицию защиты в ходе судебного следствия и прений сторон.

Таким образом, несправедливые обвинительные и оправдательные вердикты присяжных дискредитируют (*дискредитировать* (от фр. *discrediter*) – ‘подрывать к кому-либо доверие, умалять чей-либо авторитет’ [3, с. 205]) не столько институт суда с участием присяжных заседателей, сколько государственных обвинителей и защитников по таким делам, поскольку свидетельствуют об их недостаточной аргументационной компетентности, точнее – о недостаточном развитии одной из важнейших её компонентов, или компетенций, – судебного ораторского искусства. Эта компетенция сочетает в себе черты общекультурной и профессиональной компетенции юристов, независимо от профиля или направления их специализации.

В условиях существования судов с участием присяжных заседателей владение ораторским искусством – это тот «оселок», на котором проверяется профессиональная состоятельность прокуроров и адвокатов, их готовность эффективно выполнять функциональные обязанности государственного обвинителя и защитника соответственно на уровне подлинного искусства.

Не случайно в своём заключительном слове на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры

РФ 25 декабря 2009 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подчеркнул: «Все прокурорские работники должны научиться работать в условиях существования суда присяжных. Пора уже это делать, а не рассуждать о том, как было хорошо, когда эта норма отсутствовала <...> Это отдельное правовое искусство, им надо заниматься» [2].

В плане укрепления института суда присяжных, лучшей организации его работы наиболее актуальной и сложной проблемой является разработка комплекса законодательных и организационных мер, направленных на обеспечение объективного и беспристрастного состава коллегии присяжных заседателей, способного в соответствии с требованиями присяги «честно и беспристрастно исполнять ответственные обязанности присяжного заседателя, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку» (ч. 1 ст. 332 УПК РФ).

Наибольшие сложности с формированием объективного и беспристрастного состава коллегии присяжных заседателей, способного руководствоваться указанными требованиями присяги, возникают в некоторых республиках Северного Кавказа (особенно в Чечне) в связи с тем, что большая часть населения этих республик связана между собой родственными или «своими» отношениями. В этой связи заслуживает внимания предложение прокуратуры Республики Ингушетия о создании в Южном федеральном округе окруж-

ного суда, который с участием присяжных заседателей рассматривал бы дела о преступлениях, совершённых на территории нескольких республик. Отбор кандидатов в присяжные заседатели в этом случае должен производиться из граждан, проживающих в регионах, на которые будет распространяться юрисдикция такого суда.

Следует отметить, что сложности с введением и нормальным функционированием суда присяжных, обусловленные тем, что большая часть населения находится в родственных или своих отношениях, возникают не только в республиках Северного Кавказа, но и в других бывших республиках Советского Союза. По-видимому, это обстоятельство повлияло на то, что Республика Казахстан, на огромной территории которой проживает относительно небольшое количество граждан, многие из которых находятся в родственных или «своих» отношениях, предпочла ввести у себя так называемую «французскую модель суда присяжных».

Для более глубокого понимания студентами особенностей судопроизводства с участием присяжных заседателей, его общественно-политического и юридического значения на кафедре уголовного процесса и криминалистики МГОУ будет читаться магистерский спецкурс «Актуальные проблемы судопроизводства с участием присяжных заседателей в современном российском уголовном процессе».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Радченко В. И. Судебная реформа в России // Журнал российского права. № 1. 1999. С. 65–74.
2. Российская газета. 2009. 26 февр.
3. Современный словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1992. 740 с.

НАШИ АВТОРЫ

Антонян Юрий Миранович - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Московский государственный областной университет, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, e-mail: antonyaa@yandex.ru

Артеменко Игорь Анатольевич – аспирант кафедры теории и истории права и государства Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, e-mail: advokatartemenko@mail.ru

Белянов Юрий Викторович - аспирант кафедры гражданского права и процесса Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, e-mail: Byv.sbrf@ya.ru

Богданов Дмитрий Евгеньевич - доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского Государственного Областного Университета, e-mail: bogdanov.de@yandex.ru

Буданов Сергей Александрович - кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного надзора ФГБОУ ВО Воронежский институт ГПС МЧС России, e-mail: Budanovs2011@yandex.ru

Сметанкина Галина Июльевна - кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры государственного надзора ФГБОУ ВО Воронежский институт ГПС МЧС России, e-mail: sgi1976@rambler.ru

Шуткина Софья Александровна - кандидат юридических наук, доцент кафедры кадрового и правового обеспечения деятельности ГПС ФГБОУ ВО Воронежский институт ГПС МЧС России, e-mail: Budanovs2011@yandex.ru

Буреев Александр Александрович – кандидат исторических наук, профессор, зам. зав. кафедрой теории и истории государства и права Международного юридического института, e-mail: bureev50@yandex.ru

Милосердов Алексей Сергеевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права Международного юридического института, e-mail: a.miloserdov2010@yandex.ru

Головастова Юлия Александровна - кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского Университета им. С.Ю. Витте (филиал в г. Рязани), e-mail: UGolovastova@yandex.ru

Голышев Вадим Григорьевич - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Московского Государственного Областного Университета, e-mail: vg.golyshev@mgou.ru

Коробов Эмиль Викторович – аспирант кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, e-mail: ia.konovalova@mgou.ru

Коновалова Ирина Анатольевна - кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного областного университета; e-mail: ia.konovalova@mgou.ru

Мельник Валерий Васильевич - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процессуального права и криминалистики Московского государственного областного университета, заслуженный юрист Российской Федерации, e-mail: melnik55@mail.ru

Надысева Эльвира Ханифовна - кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовного процессуального права и криминалистики Московского государственного областного университета, e-mail: olanad@mail.ru

Романова Елена Геннадьевна - кандидат философских наук, начальник управления организационно-методической работы по реализации целевых программ в сфере образования Московского государственного областного университета, e-mail: e.g.romanova@mail.ru

Толочкова Ирина Александровна – аспирант кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии, e-mail: Irina_tolockova@mail.ru

Шапвалов Николай Иванович - кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Конституционного и международного права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», e-mail: Shapovalov_n@list.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала Вестник Московского государственного областного университета серия «Юриспруденция» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2007 г. по настоящее время доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

2015. № 4

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» Л.В. Туркова
литературный редактор О.О. Волобуев
переводчик Е.А. Кытманова
корректор А.С. Барминова
компьютерная верстка Д.А. Зверева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 6,75, усл. пл. 7.

Подписано в печать 15.12.2015. Заказ № 2015/12-12.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а